

В. А. Туркин

Симбирскоеведение

*Основные этапы истории
изучения Симбирского Поволжья*

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. А. Гуркин

СИМБИРСКОВЕДЕНИЕ

Основные этапы истории изучения
Симбирского Поволжья

учебное пособие

Ульяновск
2009

УДК 9+528.9 (075)

ББК 63.3 я 7

Г 95

Утверждено редакционно-издательским советом университета в качестве учебного пособия.

Рецензенты: кандидат исторических наук А. В. Вискалин;
кафедра истории Отечества УлГУ.

Гуркин, В. А.

Г 95

Симбирскоеведение. Основные этапы истории изучения Симбирского Поволжья: учебное пособие / В. А. Гуркин; Ульян. гос. техн. ун-т. – Ульяновск : УлГТУ, 2009. – 163 с.
ISBN 978-5-9795-0478-0

Учебное пособие затрагивает период истории освоения Симбирского края, начиная с древности и вплоть до 20-х годов XX века, рассмотрены источники и способы получения знаний о территории края, механизмы взаимодействия столичной и провинциальной научной культуры, пути возникновения и развития краеведения, как формы регионального самосознания.

Пособие предназначено для студентов гуманитарных специальностей, а также для всех, интересующихся историей Симбирского края.

Учебное пособие составлено на основании учебного плана УлГТУ специальности – 030901 «Издательское дело и редактирование», 031301 «Теоретическая и прикладная лингвистика» в качестве спецкурса по культурологии на кафедре «История и культура» гуманитарного факультета.

ISBN 978-5-9795-0478-0

© Гуркин В. А., 2009
© Оформление. УлГТУ, 2009

Цели и задачи учебной дисциплины, ее место в учебном процессе

Общей задачей дисциплины является формирование представлений о краеведении как феномене отечественной культуры, о развитии локальных исследований российской провинции и их влиянии на просвещение местного сообщества на материалах Симбирского Поволжья. В курсе обучения должны быть представлены сведения об основных этапах заселения Симбирского края, об исторической обусловленности появления городов на территории современной Ульяновской области, о формах получения знаний о территории края, о взаимодействии при этом столичной и провинциальной культуры, о возникновении и основных тенденциях развития краеведения.

Дисциплина «Симбирскоеведение» развивает историческое видение студентов, учит лучше представлять особенности собственного региона, знать наиболее значимые памятники природы и истории края. В учебном процессе дисциплины «История Отечества», «Культурология» и «Симбирскоеведение» активно сосуществуют, взаимно обогащая и дополняя друг друга.

Связь с предшествующими и с последующими дисциплинами: предмет «Симбирскоеведение» начинается в IV-м семестре, т. е. после того, как студенты проходят курсы дисциплин «История Отечества» и «Культурология». Уроки дисциплины «Симбирскоеведения» позволяют лучше адаптироваться в работе с местным материалом, что представляется особенно важным при работе над дипломным проектом.

Перечень рекомендуемой литературы

Основная литература:

1. Географическое краеведение. Ульяновская область : учеб. пособие / под общ. ред. А. А. Баранова, Н. В. Лобиной. - Ульяновск, 2002.
2. Гуркин, В. А. На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. / В. А. Гуркин. - М., 2005.
3. Историческое краеведение. Ульяновская область : учеб. пособие / М. Х. Валкин и др.; под ред. Т. Б. Табарданова. - Ульяновск, 2002.
4. Кузминский, Н.А. Край наш родной : учеб. пособие. / Н. А. Кузминский. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, Ульян. отдел-е, 1975.
5. Симбирск и его прошлое: хрестоматия краеведч. текстов / сост. В. Ф. Шевченко. - Ульяновск, 1993.

6. Ульяновская-Симбирская энциклопедия : В 2-х т. - Ульяновск, 2000-2004.
7. Край Ильича: памят. места Ульяновска (Симбирска) и обл. / М. Х. Валкин и др.; редкол.: Н. А. Кузминский (отв. ред. и сост.) и др. - Саратов ; Ульяновск, 1985.
8. Мартынов, П. Л. Симбирск: Сборник исторических сведений / ред.-сост. П. Л. Мартынов, В. А. Гуркин. (Серия: Симбирск: прошлое и настоящее. Вып. 1) — Ульяновск: УлГТУ; Центр «Генезис», 2008.

Дополнительная литература:

1. Аржанцев, Б. В. Выдающиеся памятники истории и культуры города Симбирска. / Б. В. Аржанцев. - Ульяновск, 2003.
2. Семенов, В. П. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / В. П. Семенов ; под ред. В. П. Семенова. - Репринт. изд. — Ульяновск: Дом печати, 1998.
3. ...И между небом и землею знак примиренья — белый храм...: [храмы Барышского района]. - Ульяновск, 2006.
4. Барашков, В. Ф. По следам географических названий Ульяновской области / В. Ф. Барашков. - Ульяновск, 1994.
5. Блохинцев, А. Н. И жизни след оставили своей...: очерки / А. Н. Блохинцев. — Саратов : Приволж. кн. изд-во, Ульян. отд-ние, 1980.
6. Века над Венцом. Ч. 1, 2. - М. : Альм. «Памятники Отечества», 1998.
7. Дмитрий Иванович Архангельский : [альбом] / Авт.-сост. : В. А. Перфилов, Н. Н. Пластов. - Ульяновск, 2007.
8. Из этнической истории Ульяновской области : краткие очерки / сост. и ред. В. Н. Егоров. - Ульяновск, 1993.
9. Историко-архитектурные памятники Симбирска-Ульяновска : каталог / редкол. : А. Н. Зубов (отв. за вып.) и др. - Ульяновск, 2006.
10. Историческая застройка Симбирска — Ульяновска : обзор / Гос. ист. - мемориал. заповедник «Родина В. И. Ленина». - Ульяновск, 2001.
11. Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С. Л. Сытину. - 2 октября 2003 года. - Ульяновск, 2004.
12. Материалы второй научной конференции, посвященной ученому и краеведу С. Л. Сытину. - 2004 год. - Ульяновск, 2005.

- 13.Музей как феномен культуры // материалы IV Поливановских чтений 26-27 апр. 2006 г. / отв. ред. Л. П. Баюра. - Ульяновск. 2007.
- 14.Народный женский костюм Симбирской губернии: из этнограф. коллекции Ульян. обл. краевед. музея им. И. А. Гончарова / Авт.-сост. В. И. Лосева ; фот. С. А. Ойкин. - Ульяновск, , 2003.
- 15.Павел Яковлевич Гречкин. Страницы биографии / М. М. Савич. - Ульяновск, 2001.
- 16.Погодин, М. П. Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства / Вступ. ст. Л. А. Сапченко - Ульяновск, 2006.
- 17.Савич, М. М. Павел Любимович Мартынов. / М. М. Савич. - Ульяновск, 2005.
- 18.Садыкова, Р. К. Историко-лингвистический анализ тюрко-татарской топонимии Ульяновской области Российской Федерации: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук; Казан. гос. ун-т. – Казань : КГУ, 2003.
- 19.Симбирская Голгофа. 1917 - 1938 / Сост. В. Дмитриев. - Ульяновск, 1996.
- 20.Сказание о Жадовской Казанской Богородицкой пустыни / Сост. В. А. Гуркин. - Ульяновск, 2005.
- 21.Современное изобразительное искусство. Ульяновские художники. Конец XX - начало XXI века. - Ульяновск, 2005.

Методические рекомендации студентам

Студентам рекомендуется использовать для самостоятельной работы, следующие опубликованные источники (см. также на сайте «Древности Симбирского края» www.simbir-archeo.narod.ru , раздел «Россияне»):

1. Зерцалов, А. Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века. / А. Н. Зерцалов. - Симбирск, 1896.
2. Зерцалов, А. Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Приходно-расходная книга Симбирской приказной избы (1665 – 1667 гг.). Симбирск, 1896.

3. Зерцалов, А. Н. Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. / А. Н. Зерцалов. - Симбирск, 1900.
4. Книга строгальная города Симбирск / Под ред. Мартынова П. Л. - Симбирск, 1897. С. VI.
5. Красовский, В. Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372 – 1901. / В. Э. Красовский. - Симбирск, 1901.
6. Мартынов, П. Л. Архив Симбирского окружного суда. Вып.1, 2. Гражданские дела Буинского уездного суда. / П. Л. Мартынов. - Симбирск, 1901.
7. Мартынов, П. Л. Селения Симбирского уезда. / П. Л. Мартынов. - Симбирск, 1896.
8. Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. / Под ред М. В. Арнольдова. Вып.1-4. - Симбирск, 1866 – 1867.
9. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца : Т. I / Подготовил Загоскин Н. П. - Казань, 1882.
10. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца : Т. II, Т. III / Подготовили Поливанов В. Н., Красовский В. Э. - Симбирск, 1898 – 1902.
11. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца : Т. IV – Т. VI / Подготовил Мартынов П. Л. - Симбирск, 1898 – 1902.
12. Невоструев, К. Историческое обозрение Симбирска от первых времен до его возведения на степень губернского города / К. Невоструев. - Симбирск, 1909.
13. Невоструев, К. Описание Симбирского Спасского девичьего монастыря, в пользу Симбирского училища девиц дух. звания / К. Невоструев. - М., 1852.
14. Перетяткович, Г. И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки истории колонизации края). Одесса, 1882.
15. Перетяткович, Г. И. Поволжье в XV и XVI вв. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1877.
16. Поливанов, В. Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1910.
17. Симбирский сборник. Т. 2. Под ред. Ауновского В. А. Симбирск, 1870.
18. Соловьев, А. И. Упраздненные монастыри и пустыни Симбирской епархии. Симбирск, 1909.

19. Холмогоров В. Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века: Описание Синбирской и Карсунской десятин Патриаршей области. Симбирск, 1898.
20. Христофоров, И. Я. Исторические документы, относящиеся к колонизации при-Сурского бассейна // Вестник Симбирского земства. 1887, сентябрь, октябрь.

ВВЕДЕНИЕ

История и культура – тесно связанные понятия. Вспомним, что означают оба этих термина в своем происхождении.

Слово «история» греческого происхождения; оно значило, первоначально, «исследование, повествование о том, что узнано» (ἱστορέω – стараюсь разузнать, ἱστωρ – знаток, свидетель). В смысле «повествование об узнанном», оно перешло в латинский язык, откуда было заимствовано всеми европейскими языками. В настоящее время оно употребляется в двояком смысле, а именно для обозначения знания о прошлом (история, как наука) и для обозначения того, что составляет предмет этого знания (история в смысле совокупности фактов прошлого).

Слово «культура» происходит из латинского языка. Первоначально оно означало «возделывание земли», а затем в результате своеобразной метафоры, которая произошла в конце I-го тыс. до н. э., это значение было перенесено на характеристику духовного роста человека и стало употребляться в латинском языке как «почитание», «образование» и «воспитание». Другими словами, культура в первую очередь означает процесс по «возделыванию собственной души», о чем неоднократно говорили как философские, так и религиозные учения древнего мира.

Когда мы говорим о том, что является главным фактором воспитания человеческой личности, то, как правило, говорим о той атмосфере, в которой воспитывается человек с детства. Но в эту атмосферу тесно входят знания о том мире, которые его окружают. Это и мир природы, и мир сказок и преданий, мир человеческих отношений. Это тот мир, который был в свое время назван Коменским «материнской школой». Можно в этом полностью согласиться с академиком Б. С. Соколовым, что «самое интимное чувство родины идет от детства»¹. Но, даже став взрослым, человек всегда продолжает быть зависимым от того мира, в котором он живет, опираясь в своем внутреннем развитии на явления этого мира. И в этом отношении знание мира ближнего, локального всегда важно в первую очередь в своем нравственном значении, что и составляет главную двигательную силу краеведения.

¹ Соколов, Б. С. Очерки о науке и ученых / Б. С. Соколов. - М. - Новосибирск, 2006. - С. 272.

Задумаемся, в чем смысл, цели и ценности краеведения? Известно, что в дореволюционные времена общественное движение, направленное на понимание истории собственного края называлось родиноведение. В 20-е годы XX века это название сменилось на более нейтральное «краеведение». Родиноведение объединяло науку и просвещение в стремлении не только понять, но и улучшить жизнь своих близких и родных, сограждан и соотечественников. И в этом отношении весьма показательным, что в истории изучения российской провинции мы встречаем тесное сотрудничество представителей академической науки и представителей различных слоев местной интеллигенции.

Современный историк С. О. Шмидт определяет краеведение следующим образом: «это и наука и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо «края» (местности). Это – и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. (...) Истинное краеведение – всегда краелюбие»².

Дмитрий Сергеевич Лихачев в определении своеобразия краеведения делал большой акцент на ценностные и воспитательные аспекты краеведческого движения: «Краеведение оценивает значительность происшедших на той или иной территории событий, связанных с этой местностью людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей. С этой точки зрения моральная отдача краеведения как науки исключительно велика. И при всей необходимости географии краеведение – гораздо более воспитывающая наука ... оно придает местности не имеющей «авторского происхождения», историзм... Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, для нас этот дом наполняется духовным содержанием. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Природа Плеса приобретает особую красоту от сознания, что именно ее изобразил Левитан. (...) Краеведение – прекрасная школа формирования гражданственности»³.

Еще больший акцент именно на ценностно-нравственную сторону краеведения можно найти в работах активных участников краеведческого движения 20-х годов XX века. Вот в частности, что писал по этому поводу один из постоянных авторов журнала «Краеведение» Н. Владимирский: «По поводу понимания смысла терминов: краеведение, родиноведение, в настоящее время существует порядочная путаница» (...) «работники центра

² Шмидт, С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения/С. О. Шмидт // Отечество. - № 1. - С. 12 – 13.

³ Лихачев, Д. С. Любить родной край/Д. С. Лихачев// Отечество. - № 1, 1990. - С. 7 – 10.

и работники провинции слишком часто по разному к нему относятся. Первые, давно, оторвавшиеся от своего родного угла, привыкшие к оперированию над голыми фактами и отвлеченными схемами, или же совершенно равнодушны к краеведению, или же понимают его как род географической дисциплины, как только часть своей общей схемы – источник статистического материала регистрируемых фактов. Совсем другое дело – провинциальные работники, осуществляющие работу краеведения на местах: для них дело краеведения есть нечто гораздо большее, они как-то неразрывно слиты с ним, черпая оттуда радость, смысл и оправдание своей собственной жизни (...) Многим хорошо известный финский краевед Тальгрэн находит в краеведении такой источник творческой силы, что видит в нем средство к спасению и подъему из нищеты... Еще ярче выразился В. П. Бирюков, директор Шадринского Научного Хранилища: Человек невольно опозитивизирует свой край, связывает свои идеалы с ним и стремится по мере сил и умения воплотить их на своей почве, среди своих полей, среди своих людей. (...) Откуда же вытекла краеведческая работа провинции, вернее, это жгучее побуждение к ней, к исканию путей местного творчества, которое заставляет многих отдавать на это массу своих сил? – Из потребности народного самосознания и самовыявления, из ощущения яркой органической связи между тобой и всем, тебя окружающим. Все это вместе взятое непреодолимо влечет к творчеству и сообщает удивительные силы. Краеведение есть результат народной самодеятельности и самосознания, кровно связанный с местным ландшафтом в самом широком смысле этого слова. Оно в самой своей сущности в значительной степени противопоставляется «официальной» науке, затиснувшейся в административные рамки и цеховые условности»⁴.

Если отталкиваться от этих определений, то получается, что существует два подхода по изучению провинции: один – направленный на объективное изложение (т. е. на объективизацию), второй – на субъективно-поэтическое. Однако известно, что эстетическая составляющая заключена в любой научной деятельности. В качестве возражения обратимся к известному произведению А. Гумбольдта «Космос». Уже на первых страницах своей книги (глава «Вступительные размышления о различной степени наслаждения природой и об ученом исследовании законов Вселенной») знаменитый путешественник рассматривает два рода наслаждений, открывающихся для наблюдателя природы: «Первый род пробуждается в открытом детском разуме человека, когда он вступает в свободную область при-

⁴ Владимирский, Н. К пониманию краеведческого движения/ Н. К. Владимирский // Краеведение. – 1924. - № 3. - С. 217.

роды и темным чувством угадывает созвучие, царствующее в вечной изменчивости ее тихой деятельности. Другой род наслаждений обуславливается более совершенным развитием человечества и отражением этого развития на отдельном лице; он истекает из созерцания порядка вселенной и взаимного действия физических сил...»⁵.

Таким образом, различие между краеведением и «большой» наукой заключается вовсе не в том, что краеведение поэтизирует тот мир, который окружает исследователя, а наука смотрит на мир отстраненным «холодным взором» объективного наблюдателя, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что у науки и у краеведения разные, если так можно выразиться, предметы восхищения.

Лучше всего это представить в сопоставлении двух высказываний. Первое из них принадлежит Пушкину:

*«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».*

Второе – известное высказывание Канта: *«Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением ... чем больше я задумываюсь о них ... это звездное небо над головой и моральный закон во мне».*

Действительно, предмет науки заключен в поиске глобальных закономерностей и в понимании общечеловеческих ценностей, тогда как для краеведа ведущим (но не единственным) мотивом оказываются те чувства, которые, по словам поэта «дивно близки нам».

Вместе с тем, различие прослеживается и в способах организации научных и краеведческих исследований, в целях и методах их работы.

В науке, особенно в отечественной науке, которая с самого своего рождения оказывалась частью государственной системы, присутствуют одновременно и свобода, и чиновный управленческий аппарат. И это сосуществование двух разных начал нередко оборачивалось губительно для науки. Здесь можно вспомнить судьбы целого ряда ученых, начиная с Мессершмидта, Стеллера, Ломоносова вплоть до современных российских ученых⁶. Известный географ, путешественник и философ Петр Алексеевич

⁵ Гумбольдт, А. Космос. Опыт физического мирописания. Ч. 1./ А. Гумбольдт. - 3-е изд. - М., 1866. - С. 10 – 22.

⁶ Современный историк науки, рассматривая проблему насильственного «обрусения» российской науки, пишет, что и в этом случае главной причиной был произвол чиновников: «Немцев и швейцарцев из Академии выталкивали не русские ученые, а российские традиции. Одна из них состояла в том, что главной фигурой в Академии наук, как и в любом другом казенном уч-

Кропоткин высоко ценил возможности независимых научных сообществ. В частности, он писал: «почему-то все великие исследования, все перевернувшие науку открытия были сделаны помимо академий и университетов...»⁷.

В краеведении же, в связи с отсутствием материального благополучия, места для равнодушного человека не было, а потому, отношения в этих сообществах складывались, как правило, на основах взаимоуважения и взаимопомощи. В этом отношении краеведческие организации гораздо ближе по своему духу к тем формам, в каких существовала европейская наука, особенно на ранних этапах.

Как бы в продолжение позиции Кропоткина, известный историк В.О. Ключевский в своей работе «Что такое обломовщина?» критически относится к представителям не только научной общественности, но и интеллигенции в целом, для которых характерно: «праздное убивание времени на ленивое и беспечное придумывание общественных теорий, оторванных от всякой действительности ... и как заслуженная кара за обе эти греховные особенности, утрата охоты, а потом и способности понимать какую-либо исторически состоявшуюся или рационально допустимую действительность...».⁸ Существование краеведческих научных обществ в этом отношении является возражением упреку Ключевского.

О минусах краеведения, как науки, писал исследователь провинциальной историографии В. Бердинских: «Узость кругозора, оторванность изучаемых ими тем от тем общероссийской истории, локальность решаемых ими проблем и задач, а также неумение сопоставить местные явления и

реждении, был не ученый, а чиновник. Для него же интересы науки были на одном из последних мест». Романовский, С. И. «Обрусение» Российской науки как национальная проблема/ С. И. Романовский // Вопросы истории естествознания и техники. - 1999, - № 3.

Н. И. Кузнецова, рассматривая взаимоотношения правительства и академической науки, пишет: «высшая государственная администрация постоянно обнаруживала глубочайшее непонимание смысла и профессионального назначения Академии, этого западноевропейского института, организованного по желанию императора-самодержца». Кузнецова, Н. И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.). / Н. И. Кузнецова. - М., 1997. - С. 78.

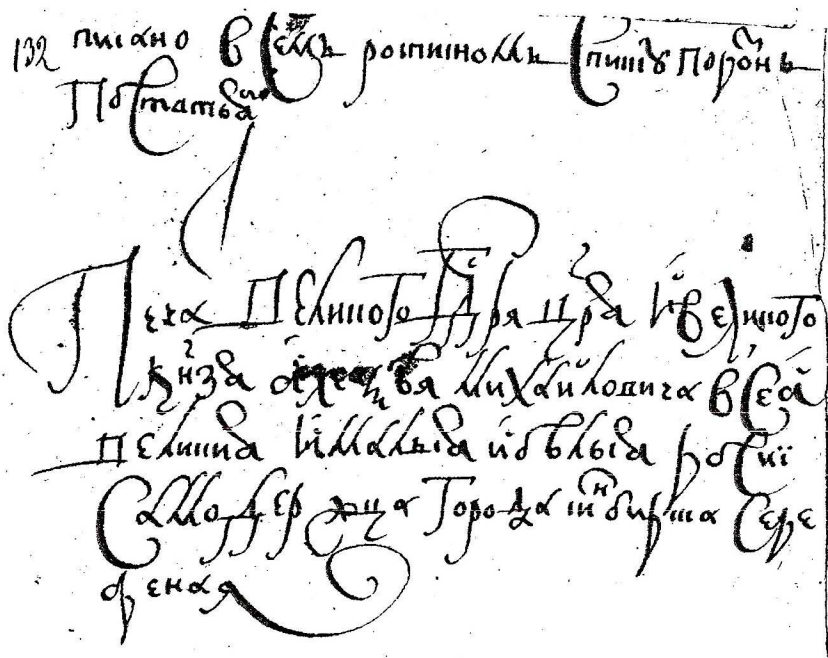
⁷ Кропоткин, П. А. Хлеб и воля / П. А. Кропоткин. - М., 1990. - С. 121. Здесь же он пишет: «Какими средствами обладает в настоящее время ученый для того, чтобы заниматься интересующим его вопросом? Он может только обратиться к помощи государства, которая оказывается одному человеку из ста желающих и которой нельзя добиться иначе, как обязавшись не отступать от проторенного пути, от намеченной колеи! Вспомним, что Французская академия осудила Дарвина, что Петербургская академия не признала Менделеева, а Лондонское королевское общество отказалось напечатать, как «малонаучный», труд Джоуля, в котором было сделано определение механического эквивалента теплоты».

⁸ Ключевский В.О. И.А. Гончаров (1901 г.) // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 319.

процессы с общероссийскими или даже с явлениями и процессами в соседних губерниях»⁹.

Однако, указанный «недостаток» краеведческих исследований с успехом компенсируется иными возможностями. В частности, как констатировал С. О. Шмидт, «в годы господства в исторической науке социологической вульгаризации ученые в трудах именно краеведческой проблематики сумели достигнуть многого в изучении истории города, торговли, промышленности... взаимосвязи природы и общества»¹⁰.

В данной работе рассматриваются основные этапы становления знания о территории Симбирского Поволжья, начиная с древности и до 20-х годов XX века, когда имя Симбирск исчезает с географических карт. Краеведение советского периода по идеологическим соображениям вынуждено было сосредотачиваться на событиях после 1870 года. Старое краеведение было уничтожено и весь древний период жизни Симбирского края на долгие годы выпал из сферы научной работы. Этот пробел стал особенно заметен на постсоветском пространстве отечественной культуры, когда стало ясно, что Ульяновск, в отличие от соседних регионов, не знает свою древнюю историю.

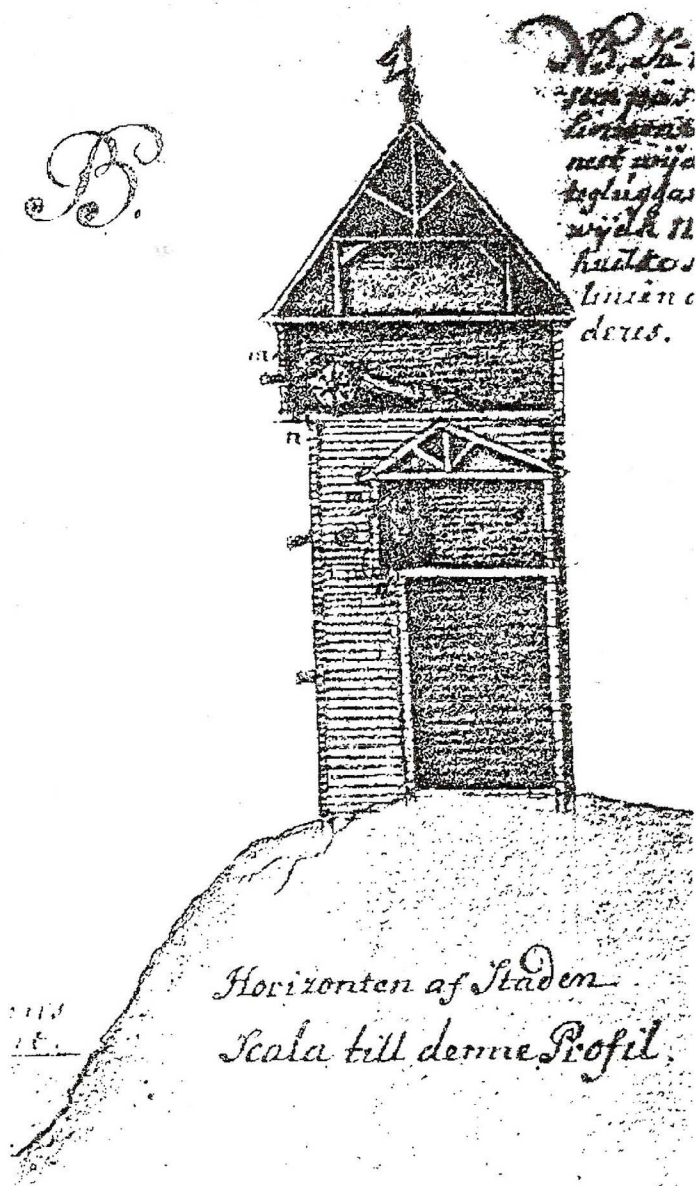
Фрагмент из росписного списка Симбирска 1670 года, с упоминанием городской печати: «Печать Великого Государя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя росии самодержца Города Синбирска серебряная»

⁹ Бердинских, В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография / В. А. Бердинских. - М., 2003. - С. 270.

¹⁰ Там же.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ СИМБИРСКОГО КРАЯ С ДРЕВНОСТИ ДО КОНЦА XVII ВЕКА

ИСТОРИЯ СИМБИРСКОГО КРАЯ ДО XVII ВЕКА

древнейших времен Волга была известна людям, являя собой не только важнейший торговый путь, но и место встречи различных народов. Первые следы жизни людей на территории Симбирского Поволжья относятся к палеолиту. В эпоху мезолита поселились здесь финно-угорские племена, потомки которых в лице мордовского населения (эрзя, мокша) и сегодня составляют одну из многочисленных групп коренного населения Поволжья. Начиная со II тысячелетия до нашей эры и по середину I тысячелетия нашей эры в Среднем и Нижнем Поволжье жили ираноязычные племена, оставив следы своего пребывания здесь не только в виде предметов быта, сохранившихся на волжских берегах, но и в качестве важнейших топонимов¹¹. В начале I тысячелетия нашей эры на Среднюю Волгу приходят славянские племена, образовавшие именьковскую культуру¹². Им на смену в середине VIII века появляются тюркоязычные кочевые племена булгар, основавшие здесь государство Волжская Булгария. В это же время в различных исторических свидетельствах и описаниях встречаются упоминания о народах, этническая принадлежность которых до сих пор вызывает споры (буртасы¹³, маджары и другие легендарные народы).

Расцвет Волжской Булгарии приходится на время наибольшего развития арабской культуры и науки, которая с успехом продолжила разработки

¹¹ Ульяновский филолог, исследовавший вопросы топонимики Поволжья, В. Ф. Барашков относит к таковым названия рек: Сура, Черемшан и другие. См. его работы: Названия рек Ульяновского – Самарского Поволжья. Ульяновск, 1991; По следам географических названий Ульяновской области. Ульяновск, 1994.

¹² Самарский археолог Г. И. Матвеева первая выдвинула гипотезу о славянской принадлежности именьковской культуры, которая затем была подтверждена работами других археологов, в частности, академиком В. В. Седовым, балашовским исследователем А. А. Хрековым и многими другими. См., например, Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV – VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004.

¹³ Г. Е. Афанасьев считает, что буртасы это часть аланских племен, некогда живших на огромной территории от Волги до Дона. См. Афанасьев, Г. Е. Буртасы / Г. Е. Афанасьев, сост. Неретина С.С.// Исчезнувшие народы. - М., 1988. - С.85 – 95.

древнегреческой науки, в том числе и в области географии. Среди географов IX – X веков выделяются два автора: Ибн-Русте и Ибн-Фадлан. Ибн-Русте дал в своей энциклопедии «Дорогие древности» одно из первых описаний Волжской Булгарии. Если описания Ибн-Русте основывались на сведениях других арабских путешественников, то Ибн-Фадлан представил результаты собственной поездки в составе багдадского посольства в Булгарию в 922 году¹⁴. Именно благодаря развитой школе исламской картографии до нас дошли представления о том, насколько развитым было это самое северное исламское государство, активно торговавшее со странами арабского мира, с Киевской Русью и с западноевропейскими государствами¹⁵.

В середине XIII в. территория Среднего Поволжья оказывается под властью монголов, однако Золотая Орда со временем приняла большинство достижений культуры завоеванной Волжской Булгарии. Не прервались и торговые отношения с другими странами. А соответственно, мы видим на различных средневековых европейских картах детальное изображение городов средней и нижней Волги. Наиболее известными в это время являются итальянские (генуэзские, венецианские) и каталонские морские карты (портоланы). В литературе по исторической географии Среднего Поволжья часто ссылаются на карты венецианских картографов XIV века братьев Франческо и Марко Пицигани (Пизигано) и на карту мира, созданную в 1459 году фра Мауро (монахом ордена камальдулов из монастыря Св. Михаила на острове Мурано около Венеции)¹⁶.

¹⁴ (Ковалевский, А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. / А. П. Ковалевский. - Харьков, 1956). Кроме этого материалы арабских путешественников представлены в работе академика И. Ю. Крачковского: Арабская географическая литература. *Крачковский, И. Ю.* Избр. соч., - М. ; Л., 1957, - Т. 4. А также см. сочинение известного путешественника ал-Гарнати: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.). Публ. *Большакова О. Г. и Монгайт А. Л.* - М., 1971.

¹⁵ Торговый путь из Болгар в Киев был описан арабскими путешественниками, в частности, знаменитым картографом XII века Абу-Абд-Аллахом Мохаммедом Идриси (1099-1166). Реконструкцию этого описания попытался провести Рыбаков: *Рыбаков, Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 года/ Б. А. Рыбаков // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. - Вып. XLIII. - М., 1952. С. 1-43. Однако с этой точкой зрения многие исследователи не соглашались. См., например, *Коновалова, И. Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. / И. Г. Коновалова. - М., 1999.

¹⁶ Известный историк картографии Лев Багров так отзывался о карте: «Эта круглая карта диаметром 1,96 м, с югом вверху, помещенная в квадратную раму... при тщательном изучении невозможно не изумиться объему познаний фра Мауро. Его изображение по тщательности не имело аналогов и долго еще стояло особняком». *Багров, Л.* История картографии. / Л. Багров. - М., 2004.- С. 76.

Одновременно с распадом Золотой Орды и образованием Казанского и Астраханского ханств расширяется и влияние Московской Руси на Среднюю Волгу. В это время основываются русские города – крепости в Поволжье: Курмыш (основан в 1372 г. нижегородским князем Борисом Константиновичем для защиты своих владений от набегов мордвы, черемис и татар), Васильсурск (1532 год). Затем, в связи с походами Ивана Грозного на Казань, основываются Свияжск (1551 г.) и Алатырь (1552 г.). Тогда же основывается и Промзино Городище (ныне пос. Сурское Ульяновской обл.), как укрепленный городок на южных рубежах Московского государства.

После присоединения Иваном Грозным к Московской Руси Казанского и Астраханского царств разворачивается и активная русская колонизация Среднего Поволжья. Однако вплоть до середины XVII века (и даже позднее), огромный участок Поволжья – от Казани до Астрахани – оказывался территорией, рискованной для хозяйствования и опасной для постоянного проживания, что отразилось в характерном для того времени названии этих мест – «Дикое Поле». Южная граница оседлой территории была отмечена построением русских крепостей: Лаишева (вблизи устья Камы в 1557 году), Тетюшей (1571 год). Кроме того, возникли отдельные города на Волге – Самара (1586 год), Царицын (1589 год) и Саратов (1590 год), выступавшие своего рода опорными пунктами для движения между Казанью и Астраханью. Однако на остальном пространстве постоянных поселений почти не было. Известный путешественник Адам Олеарий, проплывший по Волге летом 1636 г., отмечал в своих записках и на карте лишь «руины городов и сел, разрушенных Тамерланом». И лишь после строительства Симбирской черты (1648-1654 гг.) эта территория начинает приобретать черты оседлой жизни.

Фрагмент карты А. Дженкинсона (1562 г.)

Целый ряд военных походов и набегов в течение XIII-XVI веков привели к тому, что некогда цивилизованное пространство Среднего Поволжья на огромном протяжении превратилось в территорию «Дикого поля». Прежняя устойчивая социальная обстановка была нарушена, и московское правительство после завоевания Казани и Астрахани еще долгое время пыталось наводить силой порядок в этих местах, вылавливая группы воровских казаков и воюя с целыми армиями крымских и ногайских татар. Караваны судов, проходившие по Волге, должны были иметь серьезное военное сопровождение во избежание расправы со стороны волжских разбойников, которые особенно активно промышляли в районе Жигулевских гор. Жигу-

ли сохранили и поныне некоторые названия, отражающие ту эпоху: гора Стрельная (откуда казаки наблюдали за подходившими сверху судами), Переволока (самое узкое место Самарской Луки, где казаки перевозили свои струги) и т.д. Некогда здесь собирались целые армии разбойников (так у Ермака находилось более 500 человек, когда он, спасаясь от московских воевод, ушел по Каме вверх к Строгановым в 1579 году). Особенно обострилась ситуация в Смутное время. Серьезные потрясения для Поволжья произвели казаки под руководством атамана Ивана Заруцкого, который смог не только объединить на время казаков, но и привлечь на свою сторону ногайцев. Однако и после того, как он был пойман (вместе с женой Лжедмитрия II Мариной и его сыном), значительные группы казаков продолжали держать в страхе местное оседлое население и путешествующих торговцев.

Тем не менее, опасности и угрозы со стороны банд кочевников и огромного числа шаек воровских казаков не останавливали охотников до природных богатств региона. Территория Поволжья активно использовалась в промысловом отношении – по всему течению Волги находились рыбные ловли, принадлежавшие богатейшим московским и костромским монастырям (Троице-Сергиев, Чудов, Савино-Сторожевский, Новодевичий, Костромской Ипатьевский, Костромской Богоявленский и другие).

Лесные угодья по Суре, Свияге и Волге широко использовались в качестве бортных ухажив (пчельников) местным мордовским населением. О том, что на этой территории еще задолго до прихода русского населения существовали мордовские промыслы, свидетельствуют выписки из писцовых книг «о состоянии разных промыслов и количестве денежного и хлебного оброка, взимаемого с мордовского населения Подгородного стана», где, в частности, говорится: «По сказке деревни Старой Татаровы, Кирдяево тож, посопной мордвы (*т. е. находящихся на хлебном оброке*) Лукашки Бурнашева, Федьки Атуганова..., а что у них, Лукашки с товарищи, вотчина за валом вверх по реке Барышу по обе стороны верховой бортной чивилинской ухажей и бобровые гоны. И та вотчина облюдела – поселились русские люди, симбиряне – дворяне и служилые чуваша, и бортные деревья вырублены и пожжены, и ничего бортных деревьев и бобровых гон ные нет..., а оброку с тое вотчины плотят с пуста в Свияжску в приказной избе...»¹⁷. Поэтому, несмотря на отсутствие постоянных поселений в этих местах, географические сведения в русских источниках о крае были довольно подробны.

¹⁷ Прошлое нашего края 1648 – 1917/ Сост. Вережагин, П. Д. - Ульяновск, 1968. - С. 31 – 33.

Чтобы хоть как-то оградить местное население от разбойных набегов с южных окраин была разработана система подвижных сторожевых отрядов (сторожей), которые должны были постоянно разъезжать по границе леса и степи, следя за появлением татарских отрядов («воинских людей»).

Территорию Среднего Поволжья охраняли станицы из Алатыря, Темникова и Казани. Так, согласно росписи мещерским сторожам 1571 года: «Первая сторожа на речке на Карсанаевой (р. Карсунка.). Карсанаева речка впадала в Барыш реку ниже Баранчеева городища в правую сторону (это городище упоминается в описании похода Ивана Грозного на Казань в 1552 году, около него был сделан 14-й стан русского войска и построен укрепленный городок – Промзино городище; некоторые исследователи полагают, что речь идет о месте, где в настоящее время находится село Барышская слобода); а сторожем на ней быти из Олатыря шти (шести) человеком; а стояти им от Мещерские стороны под рогом под Пичимром¹⁸; а беречи им промеж речки Барыша и Сурского лесу; а переезжати им вниз по речке по Карсанаевой до речки до Барыша, проезду верст с пятнадцать; а на другую сторону переезжати вверх реки Карсанаевы до большого до Сурского лесу; проезду верст с пятнадцать»¹⁹.

Более обширные сведения о географии региона дает Книга Большому Чертежу²⁰. Как известно, этот чертеж «всего Московского государства по все соседние государства» был составлен в конце XVI века в Разрядном Приказе чертежником Афанасием Мезенцовым. Современному читателю этой книги может броситься в глаза, что реки Сура и Хопер представлены в ней гораздо более детально, чем Волга на участке между Казанью и Самарой. Это может говорить в пользу того, что именно здесь в отдалении от крупных городов долгое время сохранялись некоторые поселения, после всех разрушений совершенных войсками Тамерлана, бандами ушкуйников и других грабителей.

¹⁸ Примерно около села Нагаево Карсунского р-на, которое известно по документам еще в XVI веке. В частности, в актах Алатырской приказной избы указывается в 1614 г., что в деревне Нагаеве было 42 двора буртасских. Там же говорится о буртасской дороге, которая позже называется Нагайскою.

¹⁹ Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук/ под ред. Попова Н. А. - Т. 1. - СПб., 1890. - № 9.

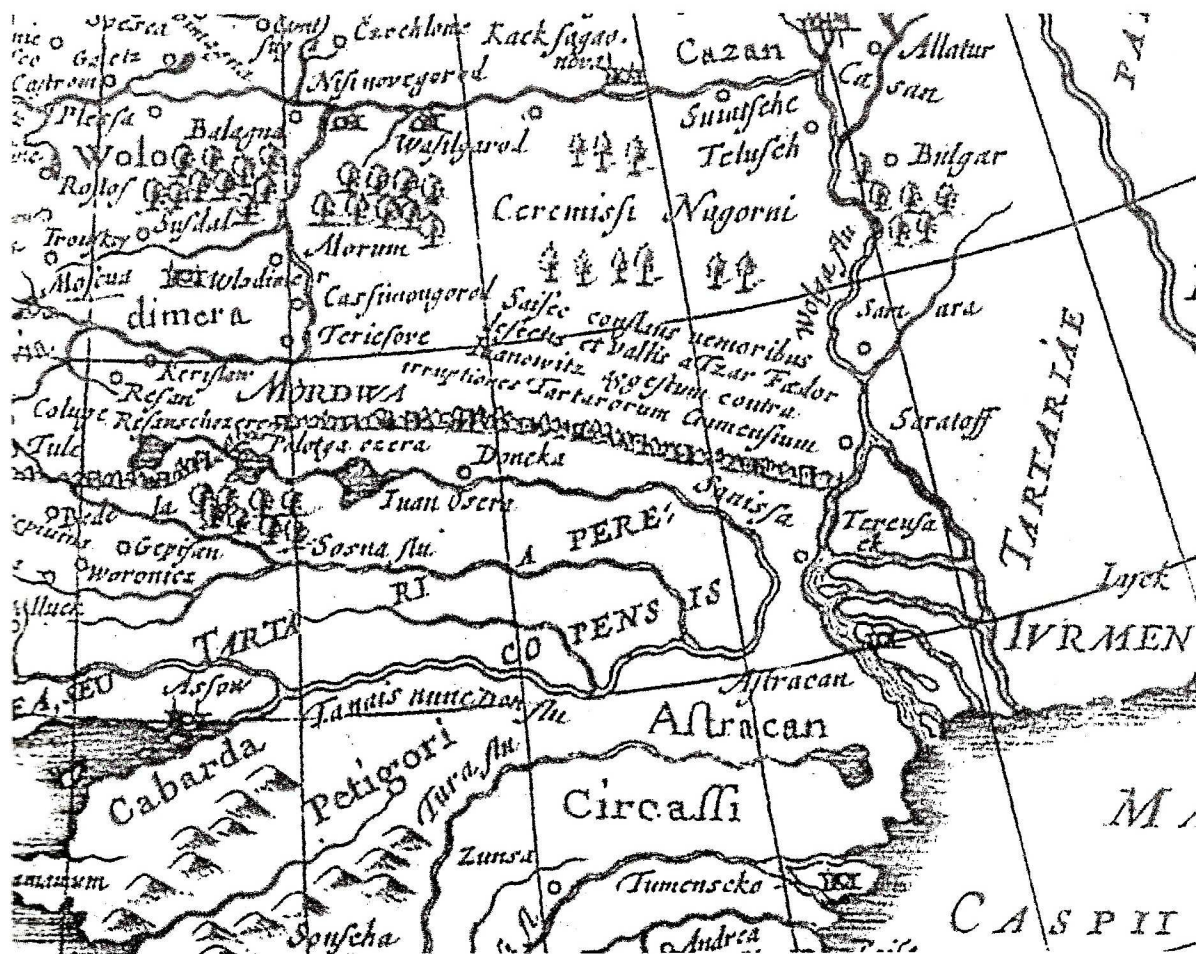
²⁰ Книга Большому Чертежу. / Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. - М.; Л., 1950.

Действительно, как показал саранский историк И. Д. Воронин, в этих местах существовало несколько важных дорог – Посольская (Московская, она же Ногайская) и Крымская. Вот как они проходили: «Мордовские земли пересекал один из стариннейших гужевых трактов, соединявший прикаспийские степи с Москвой. Он шел по левую сторону верхнего течения Суры через район, где теперь город Пенза, затем водоразделом между Сурой и Мокшей в район среднего течения Иссы, потом на Темников, Кадом, Елатьму, Касимов и далее на Москву. По этой дороге проезжали послы из Москвы в Астрахань и в Заволжье в Ногайскую орду, и за ней закрепилось название Посольской дороги. (...) В среднем течении реки Иссы посольский тракт Москва – Астрахань пересекался другим большим трактом, соединявшим Крым с Казанью и Средним Поволжьем, называемым в старинных документах Крымской дорогой. Около этого перекрестка дорог возник впоследствии город Инсар»²¹. Именно по этим дорогам впоследствии и происходило строительство укрепленных засечных черт Московского государства.

Русский конный воин.
Рис. Э. Пальмквиста (XVII в.)

²¹ Воронин, И. Д. Саранск: историко-документальные очерки. / И. Д. Воронин. - Саранск, 1961. - С. 8 – 9.

Фрагмент карты Меркатора (1628 г.) с изображением засечной черты

Города и укрепления засечных черт

Заселение Среднего Поволжья в конце XVI – первой половине XVII веков сопровождалось строительством оборонительных линий – засечных черт. История появления первых засечных черт восходит к глубокой древности. Слово засека означало традиционный способ возведения таких укреплений – в лесной части охраняемого рубежа создавался завал из подсеченных деревьев (при этом ствол дерева не отделялся совсем, чтобы было труднее разобрать такой завал), а в степной части копали рвы, строили валы и укрепляли их разными фортификационными хитростями. В XVI веке были сооружены засечные черты на дальних подступах («украинах») к Москве: Тульская, Веневская, Рязская, Шацкая и др. засеки, которые соединялись между собой в единую Большую засечную Черту.

Схема Карлинской черты. Рис. А. Д. Ермолаева

В 80-х годах XVI века была построена Карлинская засечная черта, преградившая путь для крымцев и ногайцев по «горной стороне» Волги и был основан город-крепость Тетюши. Эта засечная черта соединялась с Алатырской и затем доходила до города Темникова. Об этой засечной линии писал Воронин, описывая ее с запада на восток: «Темниковская засека начиналась от Кадомского леса и кончалась в Саровском лесу за Темниковым ... Она имела двое ворот – Бабеевские, или Ногайские, и Чижевские. Дальше от Саровского леса к востоку и затем вдоль реки Алатыря до впадения в нее речки Инелей, что северо-западнее села Кемля, тянулась Пузская засека с двумя воротами: Пузскими и Гуляевскими. От речки Инелей также вдоль реки Алатыря дальше к востоку до города Алатыря шла Алатырская засека с Ардатовскими воротами, которая еще дальше соединялась с Тетюшской засекой и шла к Волге. Через Бабеевские (Ногайские), Чижиковские, Пузские, Гуляевские и Ардатовские ворота пропускались послы и обозы с товарами, при нападении же военных отрядов ногайцев и крымцев они закрывались и защищались военными гарнизонами засечной черты»²².

Река Карла

²² Воронин, И. Д. Саранск... - С. 17.

Современный вид вала Карлинской черты

Чуть позднее, видимо в начале XVII столетия, была проведена еще одна укрепленная линия – южнее Ундор, от Волги до Свяги и, возможно, что она продолжалась далее в виде засеки на запад до р. Суры. В документах того времени она называется либо «Свяжская» засека, либо «Новая Тетюшская».

Однако наиболее значительной по своему размаху стала Белгородско-Симбирская засечная черта: от границы с Польшей до реки Волги. Именно в связи со строительством этой грандиозной фортификационной линии, начинается новый этап интенсивной колонизации Поволжья.

В отличие от прежних засечных черт Белгородско-Симбирская черта строилась как долговременное сооружение, в состав которого входили не только отдельные засеки или крепости, но и предполагалось основание целого ряда новых городов. В результате только на сегодняшний день сохранилось несколько десятков таких городов, возникших в связи с проведением Белгородско-Симбирской черты, среди которых выделяются: Ахтырка, Белгород, Воронеж, Козлов (Мичуринск), Тамбов, Инсар, Саранск, Симбирск.

Строительство системы валов и засек Белгородско-Симбирской черты начинается с 1635 года при царе Михаиле Федоровиче и продолжается при Алексее Михайловиче, при котором интенсивно застраивается не только

Белгородская, но и Симбирская (восточная) часть всей черты, которая подразделялась на участки: Керенский, Ломовский, Инсарский, Атемарский, Карсунский и собственно Симбирский – от р. Барыш до Волги. Вскоре после появления крепостей Симбирской черты, решено было ее продолжить созданием Закамской черты (от крепости Белый Яр, на левой стороне Волги, до города Мензелинска).

Строительство Симбирской черты

Один из первых документов, с которых можно проследить начало строительства Карсунской части Симбирской черты, относится к 1647 году («7155 года²³ марта в 7 день»). Эта грамота была послана из новгородской чети в Нижний Новгород стольнику и воеводе Данилу Ивановичу Ладыгину да дьяку Глебу Патрекееву, а в ней написано: «... указали ехать на Атемар с стольником и воеводою нашим с Богданом Хитрово нижегородским стрельцам 150 человек, а для той нашей службы тем стрельцам дать в дорогу по фунту зелья да по фунту свинцу. И как к вам сея наша грамота придет, и вы б нижегородских стрельцов 150 человек на нашу службу на Атемар выслали тотчас, и зелья и свинцу дать им велели по фунту по нашему указу, да о том для ведома к нам отписали, а отписку велели подать в новгородской чети дьяком нашим думному Назарю Чистого да Алмазу Иванову да Микифору Демидову»²⁴. Далее известно около десятка документов, по которым прослеживается строительство Карсунской черты, за умелое строительство которой Хитрово был награжден чином окольничего и земельным окладом. В январе 1648 года уже начинаются приготовления к продолжению строительства на восток – до Волги.

²³ В русских документах до 1700 года хронология указывалась от сотворения мира и чтобы ее перевести в привычную для нас от Рождества Христова, необходимо вычесть 5508 лет (если дело происходило в период от января до сентября) или 5509 (от сентября до января), следует также иметь в виду, что зачастую в тексте летописцы опускали первую цифру (тысячелетия), чтобы не повторяться, поэтому при чтении документа следует твердо знать в каком летоисчислении приводятся даты. В качестве примера: август 7156 года = август 1648 г., сентябрь 7156 года = сентябрь 1647 г.; если месяц неизвестен, то необходимо указывать крайние годы, например 7156 год = 1647 - 1648 гг.

Если речь идет о 7-м тысячелетии от сотворения мира и написано в тексте 156 год, то это значит 7156 год, а далее — по схеме, если же документ создан после 1700 года, то часто можно встретить отбрасывание первой цифры, так, например, в случае 1725 года можно увидеть 725 год.

²⁴ *Зерцалов, А. Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. / А. Н. Зерцалов. - Симбирск, 1900. - № 7.

Остатки укреплений Симбирской черты. Юшанский острог

Первым по времени документом, в котором говорится о начале строительства последнего участка Симбирской черты – «новых городов и засечных крепостей от реки Барыша до реки Волги», является «память» от 7 января 1648 г.:

«Лета 7156 года генваря 7 дня по государеву цареву великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу память думным дьякам Ивану Гавреневу да Михаилу Волошенинову да дьяку Григорию Ларионову. Государь царь и великий князь всея Руси указал окольному и воеводе Богдану Матвеевичу Хитрово быть на своей государеве службе для строения новых городов и засечных крепостей от реки Барыша до реки Волги. А с окольным и воеводою Богданом Матвеевичем Хитрово указал государь быть на своей государеве службе арзамасцам дворянам и детям боярским обеих половин²⁵ и указал государь арзамасцам дворянам и детям боярским ту нынешнюю службу вперед зачесть что им во 156 году (7156 г.) на государеве службе нигде не быть и по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича указу думным дьякам Ивану Гавреневу да Михаилу Волошенинову да дьяку Григорию Ларионову велети дворянам и детям

²⁵ Городские дворяне и служилые люди делились на две половины, которые в обычное время несли службу по очереди.

боярским обеих половин для нынешней государевой службы запасы и свои и конские готовить безо всякого мотчания и вести на Алатар. (...) А о которую пору окольниковому и воеводе Богдану Матвеевичу Хитрову на государеву службу с Москвы отпуск будет и о том Государев указ будет вперед»²⁶.

Следом за этим документом мы видим, что дальнейшее строительство было утверждено на заседании боярской думы и подписано царем: «156-го года февраля в 10 день указал государь и бояре приговорили: арзамасцом обоих половин, и нижегородцом и иных городов дворянином и детем боярским, и князем, и мурзам, и татаром быть на государеве службе с окольным и воеводою, Богданом Матвеевичем Хитрово: а собираться ему окольниковому и воеводе, на Алатарь, а отпуск ему с Москвы вскоре, для того что ему на степи города поставить и всякие крепости устроить до приходу воинских людей заранее с весны».

Окольниковый.

Рис. Э. Пальмквиста

В связи с неясностью вопроса о точном времени начала строительства Симбирска особую важность имеют утраченные на сегодня документы, которые хранились в архиве г. Курмыш (входившего в качестве уездного города в состав Симбирской губернии). К счастью, они за 1851 год (№ 33).

Это несколько столбцов, опубликованных в Симбирских Губернских Ведомостях, где дается описание того, как должна была происходить подготовка к строительству новой засечной черты от «нового города Карсуна до Волги», т. е. Симбирской черты. Обращает на себя внимание тот факт, что один из документов датирован 30 января 1648 года. Вот некоторые выдержки из него: «От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Руси на Курмыш Воеводе нашему Сергею Ивановичу Чоглокову да подьячему Ивану Свиязеву. По нашему указу велено окольниковому нашему и воеводе

Богдану Матвеевичу Хитрову да дьяку нашему Григорию Кунакову быть на нашей службе для городского и засечного строения от нового города Корсуна от реки Барыша до реки Волги, а с ним по нашему указу велено быть на нашей службе Курмышаном дворяном и детям боярским ... и кур-

²⁶ Гуркин, В. А. Новое об основании Симбирска/ В. А. Гуркин // Человек в культуре России. - Вып.1. - Ульяновск, 1997. - С. 64 – 67.

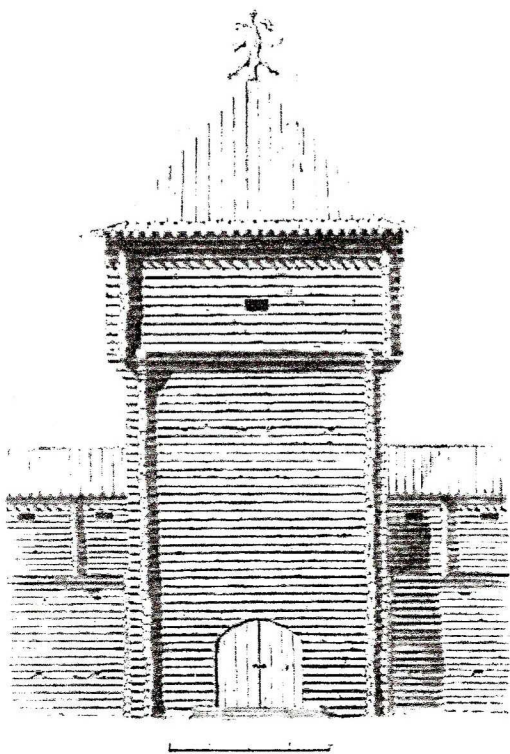
мышским стрельцом всем, а с Москвы де на нашу службу окольниковому и воеводе Б. М. Хитрову да дьяку Григорию Кунакову отпуск будет на другой неделе Великого поста, а збираться им с нашими ратными людьми на Алатыре. (...) И велели Курмышским дворяном и детям боярским ... и курмышским стрельцом запасы свои и конские вести в Корсун ныне по зимнему пути безо всякого мотчания²⁷ и класть в Корсуне в городе в огорожах и в слободах (...) чтоб вам того нашего дела в оплошку себе не поставить курмышским дворяном ... и курмышским стрельцом сказать, чтобы они на нашу службу были готовы (...) и придти на Алатырь до приезде окольного и воеводы Богдана Матвеевича Хитрово да дьяка Григория Кунакова заранее, чтобы затем городовому и засечному делу мотчания не учинилось, а для того наши службы дать бы еси Курмышским стрельцом из нашей казны по фунту зеля, по фунту свинцы и ту дачу велети написать в расходные книги, и того велети беречь накрепко, чтоб Курмышские стрельцы зелье и свинцу до нашей службы и на нашей службе напрасно не теряли... ». На обороте столбца написано: «156 года Февраля в 27 день со слат с Алатыря с отчетом о высылке служилых людей»²⁸.

Попробуем теперь представить, сколько времени могло понадобиться Б. Хитрову, чтобы доехать до места будущего Симбирска. Согласно историческим источникам XVI – XVII столетий «днища» (т.е. расстояние дневного перехода) легкой конницы составляли 60-80 верст. Расстояние от Москвы до Алатыря составляло 590 верст. А от Алатыря до Симбирска – 160 верст. Вторая неделя Великого Поста в 1648 году начиналась 20 февраля, а в указе говорится о том, чтобы подготовка происходила «без всякого мотчания», поэтому неудивительно, что уже 27 февраля из Алатыря уходит отчет о высылке на строительство курмышских служилых людей. Если сюда добавить и тот факт, что до курмышских строителей на строительство новой черты «от реки Барыша до реки Волги» еще 2 февраля прибыло 40 человек ядринских стрельцов, а также проводились и другие подготовительные работы, то очевидно, что объединенный полк окольного и воеводы Б. Хитрово, двигаясь налегке, мог прибыть в конечную точку – на место постройки будущей симбирской крепости – уже в первой половине марта 1648 года.

Недавно в отделе рукописей Российской государственной библиотеки был обнаружен еще один документ, проливающий свет на то, что делалось на месте будущего Симбирска до приезда Хитрово.

²⁷ «без мотчания» – т. е. без промедления

²⁸ Симбирские Губернские Ведомости. – 1851. – № 33.

Проезжая башня

В нем, в частности, указывается, что сразу по приезду первого отряда следует расположиться обозом, который надо укрепить надолбами «чтоб им от приходу воинских людей быти безстрашно. А покамест надолбы зделают, и до тех мест обоз отынить пиками и держать для бережения от приходу воинских людей сторожей ближние и отъезжие, где пригоже, и велеть подымовным людям на городовое и засечное дело лес сечь меж рек Волги и Свияги с рускую сторону. А в степь на ногайскую сторону однолично для лесу и ни для каких дел, кроме сторожей, никому ездить и ходить не велеть. А быти новому Синбирскому городу мерою и с башнями четырех сот сажень». Это указание на размер городового места вполне совпадает с теми дан-

ными, которые нам известны из описи 1702 года, где внутренние размеры Симбирской крепости составляют около 192 м на 176 м. Указываются в этом документе и размеры башен: «А быть большой проезжей башне с степную сторону в вышину до обламов на пятидесяти венцах, а достальным проезжим и глухим башням быти до обламов по сороку венцов (...) А города до приезде окольного и воеводы Богдана Матвеевича Хитрово да диака Григория Кунакова не окладывать, а велеть делать городовые башни и изготовить городовое дело тес и гвоздье дубовое».

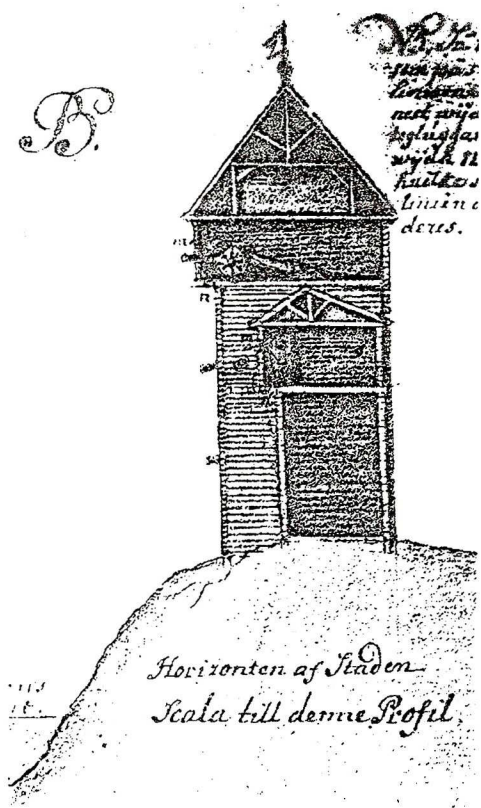
До приезда Хитрово руководили всем строительством города арзамасские и нижегородские дворяне под руководством «письменного головы» арзамасца Ивана Ивановича Языкова, причем строго наказывается, чтобы строительство нового города происходило быстро, без всякого раздора. Интересно, что для строительства Симбирска и укреплений Симбирской черты были посланы вместе с русскими дворянами и иностранные инженеры-архитекторы — «немцы горододельцы».

Строительство города начиналось с закладки соборной церкви. Как указывала в своей книге Г. В. Алферова, существовала практика, когда задолго до начала строительства города царь определял, какие церкви необ-

ходимо ставить в новом городе²⁹. Известно, что еще до начала строительства города церковь в Симбирске получила название Троицкой³⁰.

В построенном городе имелось тяжелое вооружение, усиливавшееся расположением крепости на высоком берегу Волги. По описи 1670 года мы знаем следующие башни Симбирского кремля: «Казанские ворота» с тремя уровнями пушек (эта башня находилась в парке между эспланадой и краеведческим музеем), «Наугольная башня, что от мяснова ряда» с 4-мя уровнями пушек (в районе краеведческого музея), «Средняя башня от Волги реки» (в районе здания присутственных мест), «Наугольная башня, что от тутового саду» (между памятником Ленину и филармонией), «Крымская проезжая башня» (на площади, перед зданием госпиталя), «Наугольная башня, что от Свяги», «Средняя башня, что от Свяги», «Наугольная башня, что от валу» (в районе памятника Марксу). Вокруг крепости шел ров глубиной в 3 сажени (чуть более 6 м). Высота крепостного вала, на которой стояли стены и башни, также составляла 3 сажени.

Дворяне и служилые люди ехали на строительство, несмотря на то, что зачастую сами пребывали на грани разорения. Так, например, уже в феврале 1648 г. поступила челобитная царю: «...И мы от тех твоих государевых беспрестанных и бессрочных служб, и от хлебного недороду и от конского падежа обеднели и одолжали великими долги, и многие мы твоей государевы службе насилу арзамасцев за скудностью живет и треть». Однако в ответ царь написал на челобитной: «Учинить по сему государеву указу». Неудивительно, что Левон Травин жаловался царю в мае того года, что многие арзамасцы указ не слушают, стрельцов бьют, службы избегают или

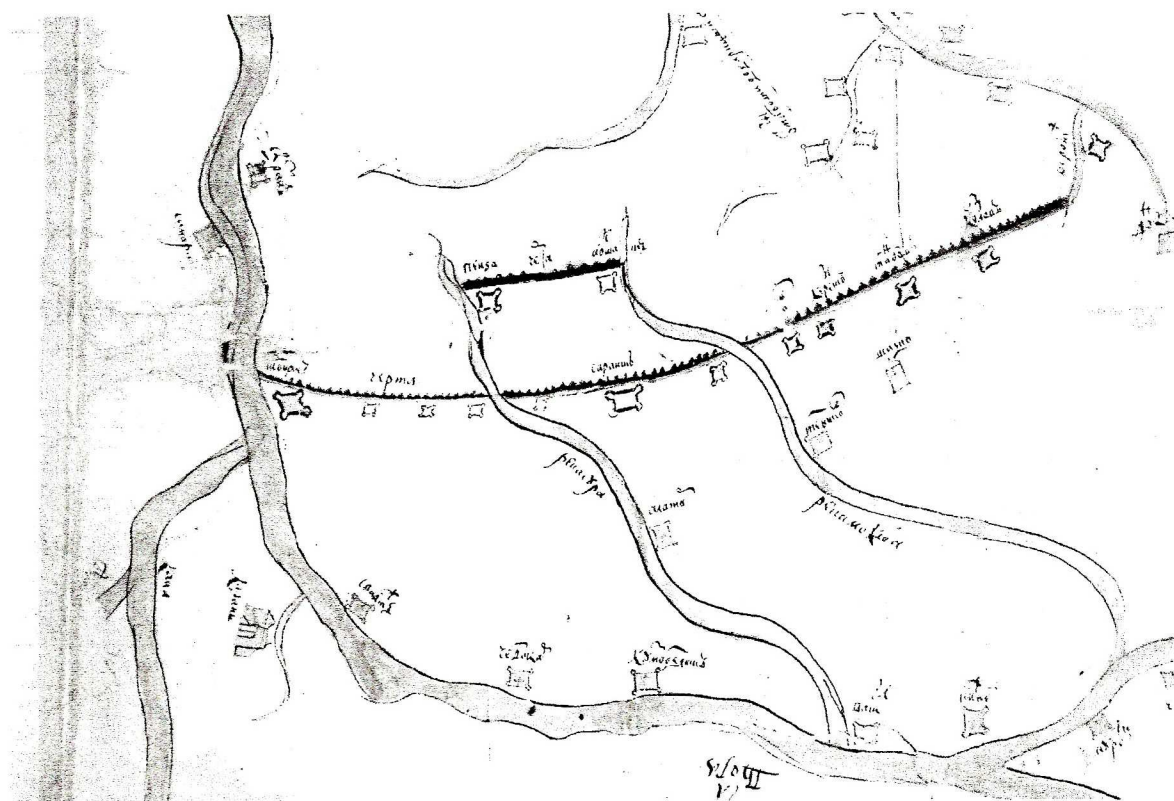

Чертеж крепостной башни
XVII в. Рис. Э. Пальмквиста

²⁹ Алферова, Г. В. Русские города XVI – XVII веков. / Г. В. Алферова. - М., 1989. - С. 57.

³⁰ Предваряя строительство Симбирска, царь Алексей Михайлович подарил 6 марта 1648 года напрестольный крест в Симбирскую Троицкую соборную церковь, хотя церковь в это время еще не была построена.

же говорят своим дворовым людям, чтобы те сказывали, будто они уже уехали на службу³¹.

Фрагмент карты XVII века с изображением засечной черты от Воронежа до Симбирска (карта ориентирована на юг)

Важная информация о ходе строительства Симбирской черты представлена в строельной книге Симбирска. Согласно этому тексту мы узнаем, что сначала была построена черта около Симбирска, затем в 1652 году – остроги и вал тарасный около Симбирска и других крепостей Симбирской черты, а затем, в 1653 году – от Симбирской черты до Карсунской, всего при этом было построено около 90 км укреплений.

Источники по истории и географии края XVI – XVII вв.

Несмотря на то, что большая часть Среднего Поволжья оставалась незаселенной, тем не менее, сведения об этой территории были довольно подробно представлены в официальных и хозяйственных бумагах XVI – XVII веков, таких как:

³¹ Отчасти такое нежелание можно объяснить и удаленностью Симбирска, который воспринимался почти на краю земли. Дорога от Москвы до Симбирска в те времена шла через Владимир, Муром, Арзамас... «А гонцу поспеть можно с Москвы в 10 дней. А только ехать с Москвы до Симбирска водяным путем реками Москвою и Окою и Волгою и в тот город не поспеть и в 4 недели» (из отчета воеводы И. Дашкова в 1664 году).

разнообразные правительственные указы и «памяти» (руководства) самарским, саратовским, астраханским и другим местным воеводам по хозяйственному освоению новой территории;

отчеты местных властей по строительству укреплений засечных черт (Карлинской, Симбирской, Закамской), к которым прилагались и чертежи местности;

документы по распределению «порозжей» (т. е. никому не принадлежащей) земли, отведенной («отказанной») для служилых людей и казаков, – писцовые, межевые, «даточные», переписные книги, крепости, жалованные грамоты и т. д. В частности, одними из наиболее интересных источников являются строельные книги, в которых можно найти информацию не только о том, каковы были границы отведенных участков, но приводятся многие подробности заселения³²;

«рописные списки» – документы, в которых описывается все государственное имущество при передаче города от одного воеводы к другому (сюда входят описания крепостных сооружений, вооружения, характеристика промыслов, перечень основных документов в приказной избе);

разнообразные отчеты местных властей правительству о сборе налогов и других поступивших в казну средств, а также о тратах казенных денег. Таким образом является приходно-расходная книга Симбирской приказной избы за 1665 – 1667 годы;

владенные монастырские грамоты, где дается характеристика отведенной монастырям земли (размеры, местонахождение, характеристика леса, пашенной земли);

челобитные, судебные тяжбы – многие из них представляют интерес для исторической географии, поскольку имущественные споры, даже более позднего времени, требовали точного воспроизведения результатов первичного межевания, проводившегося в XVII веке.

³² Строельная книга Симбирска была обнаружена членами Симбирской ученой архивной комиссии в архиве Археологического Института и под редакцией П.Л. Мартынова была опубликована в 1897 году в Симбирске. В предисловии Мартынов излагает историю этой книги: «... настоящая копия строельной книги г. Синбирска ... хранилась, как видно из надписей на ней, в Симбирском Губернском Правлении, откуда в 1801 году была прислана в Симбирскую Палату Гражданского Суда, должно быть по какому либо тяжбному делу; затем ее взял на хранение бывший в то время Симбирский Гражданский Губернатор А. В. Толстой, от которого, по наследству она перешла к его внуку, скончавшемуся в начале настоящего 1897 года, члену Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссии Александру Васильевичу Толстому, а сей последний, еще в 1878 году, пожертвовал ее в Археологический Институт. В настоящее время она прислана из Института в Архивную Комиссию, по ее просьбе, для просмотра, и в виду важного значения этой книги для истории Симбирского края, в заседании Архивной Комиссии 3 марта сего года, признано необходимым ее напечатать». Книга строельная города Синбирска / под ред. Мартынова, П. Л. Симбирск, - 1897. - С. VI.

Текст строельной книги города Синбирска выставлен нами на сайте www.simbir-archeo.narod.ru.

131
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

Образец скорописного документа XVII века.

Первый лист росписного списка Симбирска за 1670 год

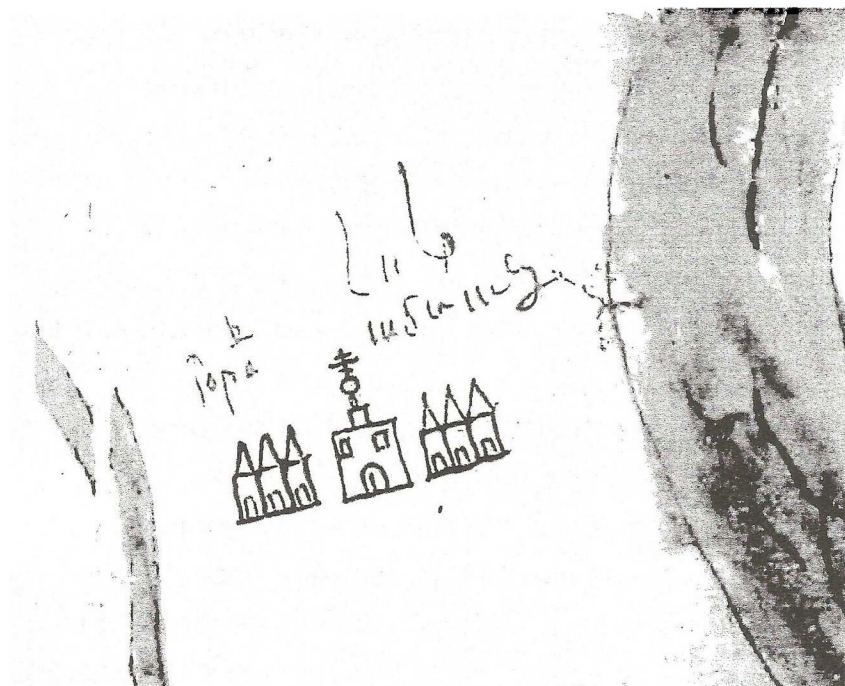
В качестве примера можно привести царский наказ астраханским воеводам в 1591 году, в котором дается характеристика экономической и культурной жизни региона. В частности, здесь говорится, что воеводы должны ежемесячно присылать отчет о положении дел, причем посылать вести они должны по обстоятельствам – либо напрямую по степи (если там все спокойно) с человеком, знающим дорогу до окраинных московских городов (Тула, Рязань и т. д.), либо водным путем: «... а отпускати ко государю с вестями смотря по тамошнему делу: будет скорее посылать через Поле конные станицы (*отряды*. – В. Г.), и на поле будет тихо... сотников стрельцов и казаков, или детей боярских по 1 человеку, а с ними посылать в вожах (*проводниках*. – В. Г.) по 2 человека, стрельцов конных или казаков, которые бы знали Полем до Украины; а будет посылать Волгою в судах, и тихо на Волге от Крымских и от Ногайских людей, и от казаков от воров, и от черкас...»³³. В этом же наказе читаем и о маршрутах движения казаков: «воровские казаки... полтораста человек пошли на Алатырские и на Темниковские места Мордовских... грабить. И на Алатырскую станицу им приходиться...». Чтобы их остановить был посланы отряды «в Чадым, и в Курдюм, и в Керешку»³⁴.

Этот один из наиболее ранних документов интересен еще и тем, что в нем даются указания воеводам как вести экономическую политику на месте, чтобы государевой казне была прибыль. Главное, на что обращается внимание, чтобы местные чиновники не разогнали местных предпринимателей – торговых людей и «запашиков» (те, кто производил заготовки съестных и прочих запасов для государственных целей). Этот текст поражает своей злободневностью, несмотря на то, что писался чуть не полтысячелетия назад, и говорит лишь о многовековых традициях бюрократического произвола на Руси: «чтобы вперед запашики на Государевы запасы охотнее наимовалися, и торговые б люди, для своих промыслов, в Асторохань не унялися ходити, а Государеве б пошлин в том убытка не было; а на детей боярских, и на подьячих, и на целовальников того не класти: дети боярские, и подьячие, и целовальники изворовалися, волочат запашиков и запасов у них не отмеривают для посулов, и то бы нынече в Асторохани переменилося».

³³ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. - Т. 1. - СПб., 1841. - № 230.

³⁴ Реки Чадым и Курдюм – притоки Волги на территории Саратовской области, а что касается Керешки, то речь идет о реке Керенке на территории Пензенской области.

Интересен этот царский наказ еще и тем, что в нем обсуждается небрежное отношение рыбных ловцов к рыбному богатству Волги, которое находилось в государственной собственности: «слух до государя царя и великого князя дошел, что в Асторохани рыбные ловцы и торговые люди налавливают в учюгах³⁵ рыбы много, да тое рыбы не остряпывают и не просаливают, и не распродают, а мечут де многую рыбу на песку, и едят тое рыбу свиньи, собаки и птицы, а достальные де рыбы изгниет валяясь, о от того де дух людям тяжел... и велети, чтоб они рыбы ловили, про себя и на продажу... а лишние б рыбы не ловили».

Первое изображение Симбирска
на карте будных станов 1700 года

Все сохранившиеся документы того времени распределены между центральными архивохранилищами (подавляющее большинство в фондах Российского государственного архива древних актов, кроме этого большие коллекции документов XVII века находятся в собрании Государственного исторического музея, и отдела ру-

кописей Российской государственной библиотеки) и региональными архивами, музеями и библиотеками. При этом нужно иметь в виду, что значительное количество правительственных материалов, хранившихся в Приказе Казанского дворца, было утрачено еще в XVII – XVIII вв. в результате неоднократных пожаров в Московском Кремле. Поэтому до сегодняшнего времени остается довольно много лакун в истории колонизации всего Среднего и Нижнего Поволжья. А документы, хра-

³⁵ Учуги – сплошные перегородки реки, устраиваемые с целью удержания поднимающейся вверх по реке рыбы и лова ее или в оставляемых в них пролетах, или близ учуга, где рыба скопляется. Обычно такие перегородки делались из ряда свай, вбиваемых поперек течения реки, и промежуточных между ними звеньев из набитых в дно реки деревянных шестов.

нившиеся в архивах местных государственных учреждений, также в значительной степени оказались утраченными по причине пожаров.

Сохранившиеся материалы стали предметом исследований известных историков XIX века. Параллельно в провинции плодотворно трудились местные исследователи, собравшие много документов XVII – XVIII веков на основе частных коллекций. Зачинателями этого движения могут по праву считаться члены семьи Языковых, усилиями которых (главным образом, племянника братьев Языковых – Дмитрия Валуева) был подготовлен и издан первый том «Симбирского сборника» (1845 г.). Большую роль в сборе исторических и историко-географических материалов по истории колонизации Поволжья сыграл профессор Симбирской духовной семинарии К.И. Невоструев³⁶. Часть документов была опубликована членами Симбирского губстаткомитета³⁷. Ряд документов публиковались и в периодических местных изданиях, таких, как Симбирские губернские ведомости, Вестник Симбирского земства³⁸, Симбирские епархиальные ведомости. Члены Симбирской губернской ученой архивной комиссии (СГУАК) в конце XIX века – начале XX-го смогли организовать сбор и обработку большого количества материалов, которые были изданы в виде серии томов – «Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца»³⁹. В настоящее время эта коллекция Симбирской ГУАК разделена на три части, одна из которых находится в фондах Ульяновского областного краеведческого музея, другая – в отделе рукописей и редкой книги областной научной библиотеки, и третья – в фондах Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Общее количество столбцов, рукописных книг, тетрадей и других документов XVII века, сохранившихся на сегодня, составляет более 2 тысяч единиц.

³⁶ Невоструев, К. Историческое обозрение Симбирска от первых времен до его возведения на степень губернского города. / К. Невоструев. - Симбирск, 1909. И другие его работы.

³⁷ Симбирский сборник. - Т. 2. / под ред. Ауновского В.А. - Симбирск, 1870.

³⁸ См., например, Христофоров, И. Исторические документы для колонизации Симбирской губернии / И. Христофоров // Вестник Симбирского земства. – 1887. - сентябрь, октябрь.

³⁹ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. - Т.I / подготовил Загоскин Н.П. - Казань, 1882.

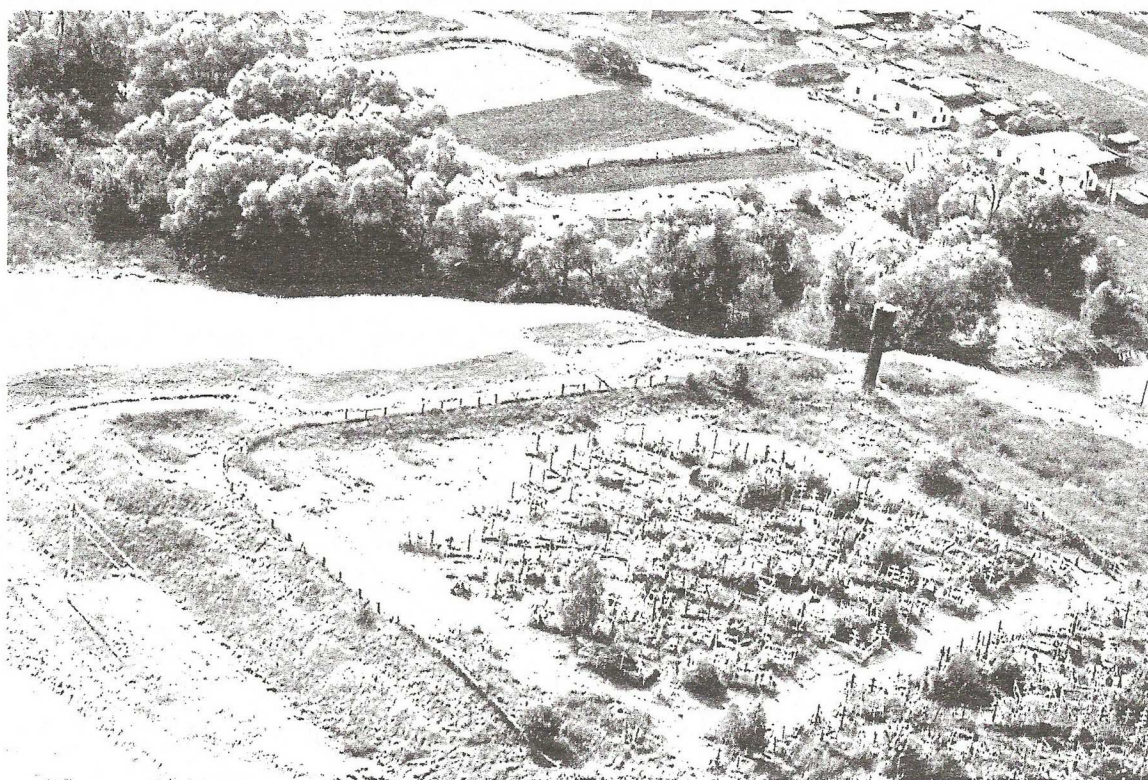
Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. - Т.II, Т.III. / подготовили Поливанов В. Н., Красовский В. Э. - Симбирск, 1898 – 1902.

Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. - Т.IV – Т.VI. / подготовил Мартынов П. Л. - Симбирск, 1898 – 1902.

Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. - Т.VIII, Т.IX. / подготовил Мартынов П. Л. - Симбирск, 1919, 1920. Рукописи в библиотеке Государственного архива Ульяновской области.

Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. / под ред. М. В. Арнольдова. - Вып.1 – 4. – Симбирск, 1866 – 1867.

Задача современных исследователей истории продолжить дело по собиранию документов нашей древней истории, которое столь успешно было начато нашими предшественниками. Только таким способом мы можем воссоздать подлинную историю Симбирской земли.

Остатки Уренского острога

Тестовые задания к разделу 1

1. Термин «краеведение» возник в:
 - a) XVII в.
 - b) XVIII в.
 - c) XIX в.
 - d) XX в.
2. Через Симбирское Поволжье проходили торговые пути:
 - a) между Болгарами и Киевом
 - b) между Англией и Персией
 - a) в X – XIII вв.
 - b) в XVI в.
3. Первые следы жизни людей на территории Симбирского Поволжья относятся:
 - a) к палеолиту
 - b) к неолиту
 - c) к мезолиту.

4. В эпоху мезолита поселились здесь ... племена, потомки которых в лице мордовского населения и сегодня составляют одну из многочисленных групп коренного населения Поволжья.
 - а) финно-угорские
 - б) тюркские
 - с) славянские
5. Начиная со II тысячелетия до нашей эры и по середину I тысячелетия нашей эры в Среднем и Нижнем Поволжье жили ... племена:
 - а) ираноязычные
 - б) славянские
 - с) тюркские
6. Ульяновский филолог, исследовавший вопросы топонимики Поволжья, В. Ф. Барашков относит названия рек Сура, Черемшан к:
 - а) иранским
 - б) славянским
 - с) тюркским языкам
7. Тюркоязычные кочевые племена булгар впервые появляются на Волге:
 - а) в середине VIII века
 - б) во II тысячелетия до нашей эры
 - с) в середине XIII в.
8. Арабский географ IX – X веков, посетивший Поволжье:
 - а) Ибн-Русте
 - б) Ибн-Фадлан
 - с) Ибн-Сина
9. Автор текста «Живут болгаре на берегу реки, которая впадает в море Хазарское и прозывается Итиль, протекая между хазарской и славянской»:
 - а) Ибн-Русте
 - б) Страбон
 - с) Адам Олеарий
10. Самое северное исламское государство, активно торговавшее со странами арабского мира, с Киевской Русью и с западноевропейскими государствами:
 - а) Хазария
 - б) Алания
 - с) Волжская Булгария

11. Территория Среднего Поволжья оказывается под властью монголов
- а) в XIII в.
 - б) в VIII в.
 - с) в начале I тысячелетия н. э.
12. Первые изображение городов средней и нижней Волги встречаются на:
- а) картах венецианских картографов XIV века
 - б) картах Птолемея
 - с) картах Адама Олеария
13. К какому времени относится карта мира фра Мауро,
- а) в VIII в.
 - б) в XIII в.
 - с) в XV в.
14. Образование Казанского и Астраханского ханств связано с:
- а) с распадом Золотой Орды
 - б) с походами Ивана Грозного
 - с) с походами Ивана III.
15. Алатырь и Промзино Городище основываются в связи с походами Ивана Грозного на Казань:
- а) в 1550 г.
 - б) в 1552 г.
 - с) в 1548 г.
16. Промзино Городище ныне носит название
- а) Сурское
 - б) Кузоватово
 - с) Ульяновск
17. Активная русская колонизация Среднего Поволжья начинается после
- а) походов Ивана Грозного
 - б) походов Ивана III
 - с) походов Тамерлана
18. Известный путешественник..., проплывший по Волге летом 1636 г., отмечал в своих записках и на карте лишь «руины городов и сел, разрушенных Тамерланом»:
- а) Адам Олеарий
 - б) Афанасий Никитин
 - с) Антоний Дженкинсон
19. «Строевые» книги – это:

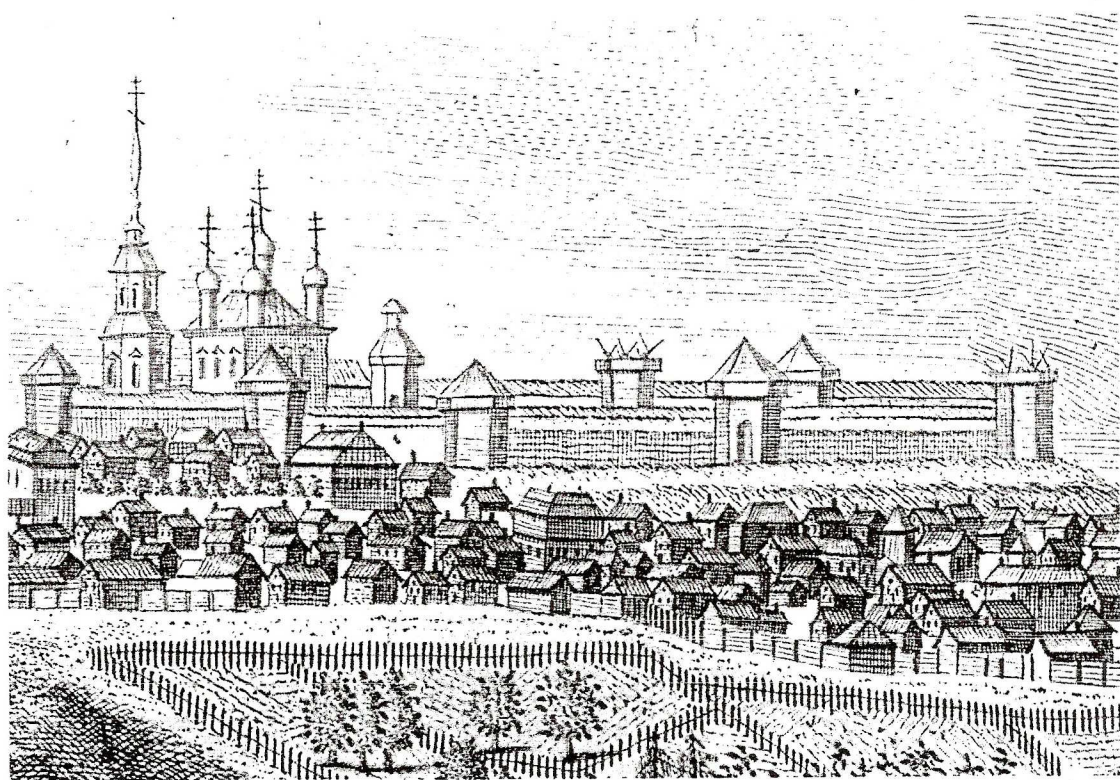
- а) документы по распределению «порозжей» земли
 - б) планы строительства укреплений
 - с) описание строительства церквей
20. «Росписные списки» – документы, в которых описывается
- а) все государственное имущество при передаче города от одного воеводы к другому
 - б) расписание смены караулов
 - с) описание маршрутов передвижения
21. Бортный ухажий – это:
- а) рыбные ловли
 - б) пчельник
 - с) место перевоза
22. Слово «ясашный» означает:
- а) облагаемый налогом
 - б) особенность рельефа
 - с) служилых людей
23. Большой Чертеж «всего Московского государства по все соседние государства» был составлен:
- а) в конце XVI в.
 - б) в XV в.
 - с) в XVIII в.
24. Слово «засека» традиционно означало:
- а) завал из деревьев
 - б) способ наказания
 - с) место для стоянки
25. Ундоровская черта была проведена:
- а) в начале XVII столетия
 - б) в XVIII в.
 - с) в 1552 г.
26. Установите последовательность городов Белгородско-Симбирской черты с запада на восток:
- 1) Ахтырка, 2) Белгород, 3) Воронеж, 4) Козлов, 5) Тамбов, 6) Керенск, 7) Инсар, 8) Саранск, 9) Карсун, 10) Симбирск
27. «156-го года февраля в 10 день указал государь и бояре приговорили: арзамасцом обоих половин, и нижегородцом и иных городов дворянином и детем боярским, и князем, и мурзам, и татаром быть на государеве службе с окольными и воеводою...»

- a) Богданом Матвеевичем Хитрово
 - b) Богданом Хмельницким
 - c) Иваном Камыниным
28. О каком году идет речь если в документе написано «февраль 7156-го года»:
- a) февраль 1648 года
 - b) февраль 1647 года
 - c) февраль 1670 года
29. Для строительства Симбирской черты требовалось
- a) с трех дворов по человеку
 - b) с каждого двора по человеку
 - c) сколько смогут
30. При строительстве укреплений засечной черты, землю:
- a) укрепляли плетнем и поверх плетня – дерном
 - b) укрепляли надолбами
 - c) не укрепляли
31. Расположите последовательно укрепления Симбирской черты: город Юшанск, Уржумская башня, город Тагаев, город Уренск.
32. Установите соответствие проездных башен Симбирского кремля:
1. Вознесенская	1. на западе
2. Крымская	2. на юге
3. Спасская	3. на севере
33. Рыбный, шелковаренный и винокурный промыслы были развиты в Симбирске ...
- a) в XVII веке
 - b) в XVIII веке
 - c) в XX веке
34. Что в топонимике Симбирска напоминает о шелковаренном промысле?
- a) Тути
 - b) Мостовая
 - c) Сельдь
35. Вязига – это...
- a) позвоночник осетровых рыб
 - b) икра осетровых рыб
 - c) плавательный пузырь
36. Вокруг Симбирского кремля был ров

- а) в глубину около 6 м, в ширину по верху 10 м
 - б) в глубину около 3 м, в ширину по верху 5 м
 - с) в глубину около 2 м, в ширину по верху 4 м
37. В Симбирске в XVII веке городского места было
- а) «вдоль 90 сажень, поперек 83 сажени»
 - б) «вдоль 200 сажень, поперек 200 сажень»
 - с) «вдоль 400 сажень, поперек 500 сажень»
38. В XVII веке Симбирск подвергался осаде
- а) Степана Разина
 - б) Емельяна Пугачева
 - с) Ермака
39. Зеленый погреб – это:
- а) погреб для пороха
 - б) погреб для спиртных напитков
 - с) бомбоубежище
40. Город огорожен «острогом стоячим»
- а) частоколом из бревен
 - б) надолбами
 - с) тарасами

РАЗДЕЛ II

СИМБИРСКИЙ КРАЙ В XVIII ВЕКЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА КРАЕВЕДЕНИЯ

Первый поэт, воспевавший наш город в стихах, появился здесь в начале XVIII века. Это произошло вскоре после Полтавской битвы, когда в плену у России оказались около 16 тысяч шведов. Значительная часть шведской армии, сложившей оружие после Полтавской битвы, была направлена Петром I-м в Казанскую губернию для расквартирования по городам. 17 января 1710 года было послано из Москвы, по царскому указу, в разные города Казанской губернии 800 пленных шведских обер-офицеров и 2000 человек нижних чинов (унтер-офицеров, рядовых драгун и солдат)... Путь от Москвы до Нижнего был совершен партией на зимних подводах в течение 11 дней. Небольшая часть пленных шведов (около сотни человек) попала в Симбирск, где они участвовали в работах по обновлению рва и укреплений симбирского кремля⁴⁰.

Одним из откликов этих событий явился сборник стихов «Песни пленного шведа с Симбирской горы», опубликованный профессором Лундского университета Мартином Вейбуллом в 1868 г. Профессор Вейбулл смог установить автора этого сборника, которым оказался 23-летний старший лейтенант шведской армии Георг Генрих фон Борнеман. В течение зимы 1710 – 1711 гг. Борнеман написал целый цикл стихов. В апреле пленных уже стали переводить в Тобольск⁴¹. Вот как описывает путешествие по России шведский пленный поэт, (приводим фрагменты подстрочного перевода):

⁴⁰ «В 1710 г., вероятно, вследствие обветшания, построен новый город (крепость). Ров был вырыт около города шведскими пленниками». *Невоструев, К.* Историческое обозрение Симбирска от первых времен до его возведения на степень губернского города. / К. Невоструев. - Симбирск, 1909. - С.24.

⁴¹ Считается, что главной причиной перевода шведов была турецкая война, начавшаяся в 1711 году. Как сообщает Смирнов, Указом из Большой Губернаторской Канцелярии из Казани от 11 марта 1711 г. было предписано Нижегородскому обер-коменданту всех пленных шведов их Нижнего Новгорода препроводить в Сибирскую губернию, в город Вятку, с провожатыми солдатами, за крепким караулом, на посадских и уездных поводах.

*«Мы видели хитрого русского, татарина, калмыка и язычника черемиса.
Когда же я думаю, что нам предстоит увидеть Казань и Сибирь,
то от страха кружится голова.*

Но пусть Бог не допустит этого,

Что нам там делать, ведь мы же не скифы?

*Я очень надеюсь, что Бог оградит меня от Сибири
и я не буду там ловить соболей.*

(...)

Ах, наш король нас покинул, и мы попали в плен, словно овцы без пастуха...

Шмит⁴² разъезжает по России, выплачивая субсидии от короля.

Мы очень ждем в Симбирске денег, но Шмит пока не вернулся...

Деньги нужны в этом мире

И русский не дает еды и пива без денег,

Но будем утешаться и надеяться, что деньги все-таки будут,

А значит, будет и шикарный стол у воеводы,

Поедем тогда на острова, взяв с собою полячку – госпожу Тауб

(...)

Любимый мой брат узнали мы горе,

Должны мы до дна испить этот горький напиток.

В небе над нами мы видим сверкание молний,

Нас окружает полная ужаса ночь.

Тусклое солнце днем еле светит сквозь тучи,

Западный ветер в наш парус больше не дует

Но честно, вдвоем, пронесем мы свой крест.

Сияет надежда, теперь лишь она утешает

И сострадание, идущее рядом с несчастьем,

Чтобы любовь в сердцах до конца не иссякла.

О, тяжелая участь! О, повсюду тяжелые цепи!

Неужели от этого в жизни нет избавления?

Мы нашу юность проводим в темнице.

Есть ли на свете для нас справедливость?

О, кто на первое место поставил жестокость

И войны, ради корысти, триумфа и славы,

Тот без мучений живет и страданий.

(...)

⁴² Курьер шведского главнокомандующего в Москве.

*Мы – на чужбине в оковах тяжелых,
Пот течет по щекам и горючие слезы,
Время идет и мы выдержим все испытания,
Недалека уже наша любимая гавань,
Все, что дается – дается по милости Божией:
Счастье и радость, горе и муки и плен.
Верим, сбудутся наши мечты, как мечты Телемака⁴³,
Возвратимся в отчизну, любимую землю родную.
(...)*

*Поступил приказ, что нас увозят с Волги в сторону Оби.
Скоро мы увидим вагонетки и сибирские горы – самый худший край земли,
При этой мысли становится ясно, что Симбирск дороже всего,
И я тебя любимый город никогда не забуду...
Я прощаюсь с тобой в волнении,
Ты учил меня радоваться в плену...
Прощай моя изба на низких досках, где я бродил
Прощайте дорогие комнаты, я вас больше не увижу
Я отправляюсь по длинному пути в Сибирь...».*

Георг фон Борнеман попытался бежать, где-то под Вяткой и пропал без вести (возможно, был убит при попытке к бегству). Тетрадь со стихами сохранилась у его друга ротмистра Георга Маллиена, который тоже пытался писать стихи. После заключения Ништадского мира в 1721 г., он вернулся на родину, а эту тетрадь передал в библиотеку Лундского университета, где она хранится и сейчас под названием «Песни с Симбирской горы».

Век Просвещения и начало исследований российской провинции

В России научное просвещение начинает активно проникать из Европы еще в XVII веке. Но, безусловно, самый яркий этап в этом проникновении европейской культуры в Россию рождается усилиями Петра, который готов был жертвовать для этого любые денежные и человеческие ресурсы всего государства, в уверенности, что это со временем принесет для страны доход. При всем многообразии гипербол, данных ему современниками

⁴³ Телемак – герой популярного в то время романа французского писателя Фенелона «Приключения Телемака» (1699). Роман построен на античном предании о сыне Одиссея Телемаке, который в сопровождении своего воспитателя Ментора отправляется в странствования на поиски отца. Пройдя через множество испытаний вплоть до рабства и познав на собственном опыте чужие страдания, Телемак к концу романа становится здравым политиком, сострадательным и гуманным, питающим отвращение к войне.

и историками, необходимо признать и то, что он был не только великий реформатор российского государства, но и великий дилетант, который со всем энтузиазмом страстного ученика, искренне верил в безграничное могущество европейской науки. При этом он был настолько потрясен во время своего знакомства с Европой успехами европейской науки и техники, что, кажется, не воспринимал все трудности и возможные ошибки в научных построениях (характерно в этом отношении его настойчивое стремление реализовать проект вечного двигателя авантюриста Орфериуса в России). Показательно также и то воодушевление, с каким сам Петр воспринял известие о том, что он удостоен звания члена Парижской Академии Наук за создание точной карты Каспийского моря.

Щапов, ссылаясь на дневник Иоанна Георга Корба за 1698 – 1699 гг., пишет о той борьбе, какую вел Петр со своим окружением за научное просвещение: «заскорузлые в нелепых старинных понятиях бояре говорили: москвитяне к научным занятиям не способны, и потому расходы на сей предмет окажутся совершенно бесполезными; вы только изнурите понапрасну и себя и своих подданных». – «По вашему мнению, – отвечал им на это Петр, – мы родились от природы менее счастливо, чем другие народы; Бог, по вашему суждению, дал нам душу ни к чему не способную! Между тем, как у нас такие же руки, глаза и телесные способности, как и у людей других народов, которым даны они для развития ума; почему же мы только вырождаемся человеческого рода и должны иметь ум неразвитый? Почему же мы только одни недостойны науки, облагораживающей всех прочих людей?»⁴⁴.

Эти рассуждения перекликаются с тем, о чем говорили известные европейские просветители XVI – XVII вв. в обращениях и призывах к народам Европы, с той разницей, что они делали акцент на христианское просвещение, а не на науку. Так, на заре немецкой Реформации, Мартин Лютер считал, что только распространение христианских школ в Германии способно будет просветить и преобразовать немецкое общество, которое не знает даже собственную историю на тот момент: «О, как много поучительных историй и изречений, которые относятся к прошлому и настоящему немецких земель и о которых мы почти ничего не знаем, следовало бы обнародовать! Но это затрудняется тем, что не находится никого, кто описал бы это, или же – если это уже описано, никто не сохраняет книг. Пото-

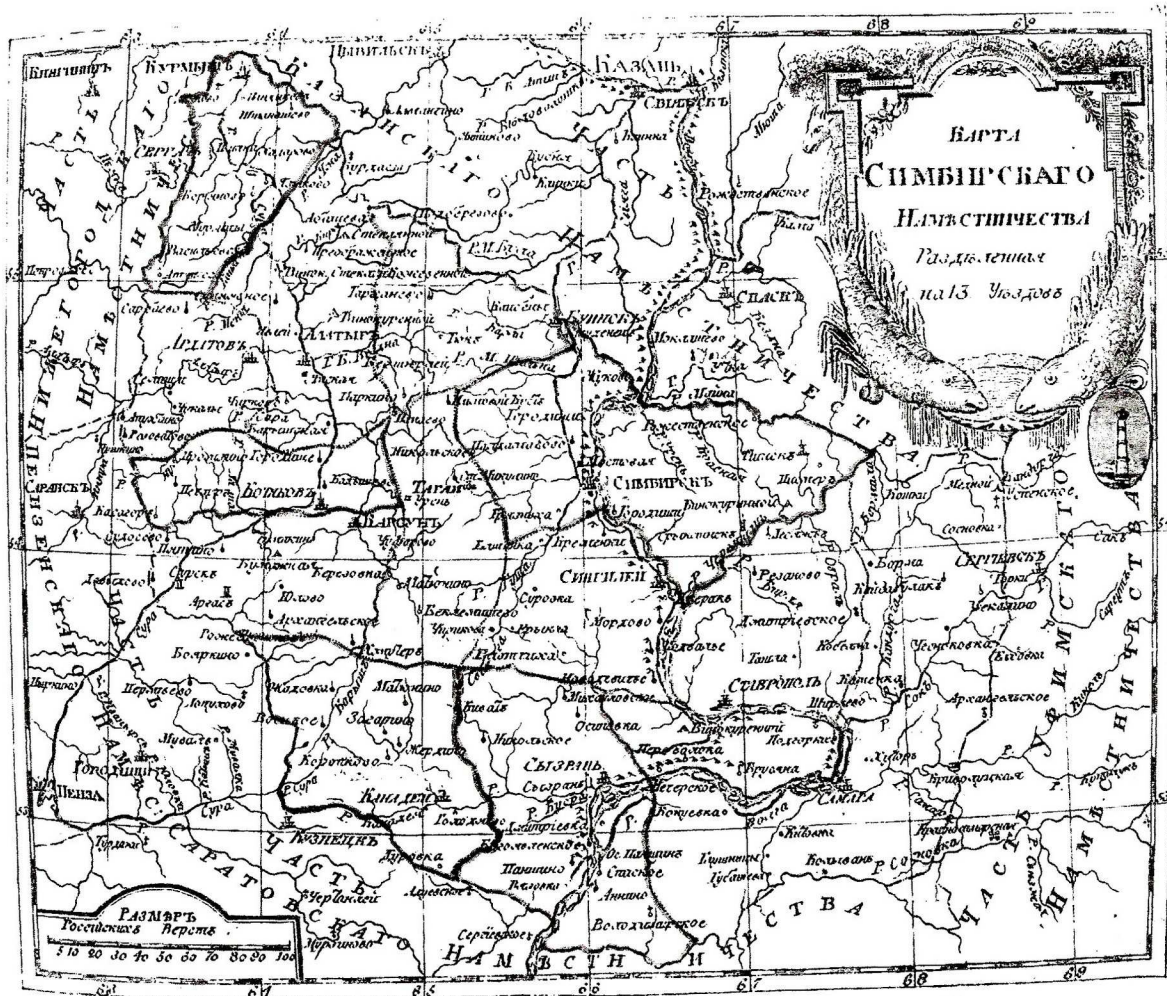
⁴⁴ Щапов, А.П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа А. П. Щапов // Сочинения. - Т. 3. - 1908. - С. 196.

му-то о нас, немцах, ничего не знают в других странах, вследствие чего во всем мире нас называют немецкими тварями, которые ни на что не способны, кроме войны, обжорства и пьянства»⁴⁵.

Энергия Петра Великого породила множество ярких фигур в отечественной науке и в первую очередь в географии. Это и организация Санкт-Петербургской Академии Наук, детища, которого сам Петр уже не увидел, но всемерно способствовал его появлению⁴⁶, и знаменитые экспедиции (Мессершмидта, Беринга и др.), и разворачивание картографических исследований по территории всей России. Блестящие представители петровского времени, такие как Федор Иванович Соймонов, Иван Кирилович Кирилов, Василий Николаевич Татищев, Александр Бекович-Черкасский, Василий Прончищев, Семен Челюскин и множество иных не столь знаменитых, но не менее отважных исследователей, самоотверженно, зачастую с риском для жизни, трудились по составлению карт как в центре, так и по окраинам самой протяженной в мире империи.

⁴⁵ Лютер, М. К советникам всех городов земли немецкой (О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы) / М. Лютер // Избранные произведения. - СПб., 1994. - С. 183.

⁴⁶ Интересен следующий эпизод, приводимый Пекарским: «... в 1724 году, по поручению Петра, Татищев отправлялся в Швецию, и лейб-медик Блюментрост просил его узнавать, не будет ли в Швеции ученых, которых можно было бы пригласить во вновь открывающуюся в Петербурге Академию Наук: «Напрасно ищите семян, возразил Татищев, когда земли, на которую сеять, не приготовлено». Император, узнав, о чем у них идет речь, ответил Татищеву таким апологом: «Некоторый дворянин делал в деревне у себя мельницу построить, а не имел воды. И видя у соседей озера и болота, имеющие воды довольство, немедленно зачал, по согласию оных, канал копать на мельницу припас заготовлять, которого хотя при себе в совершенство привести не мог, но дети, сожалея положенного иждивения их родителем, по нужде принялись и совершили». Пекарский, П. История Императорской Академии Наук в Петербурге. / П. Пекарский - Т. 1. - СПб., 1870. - С. XIII.

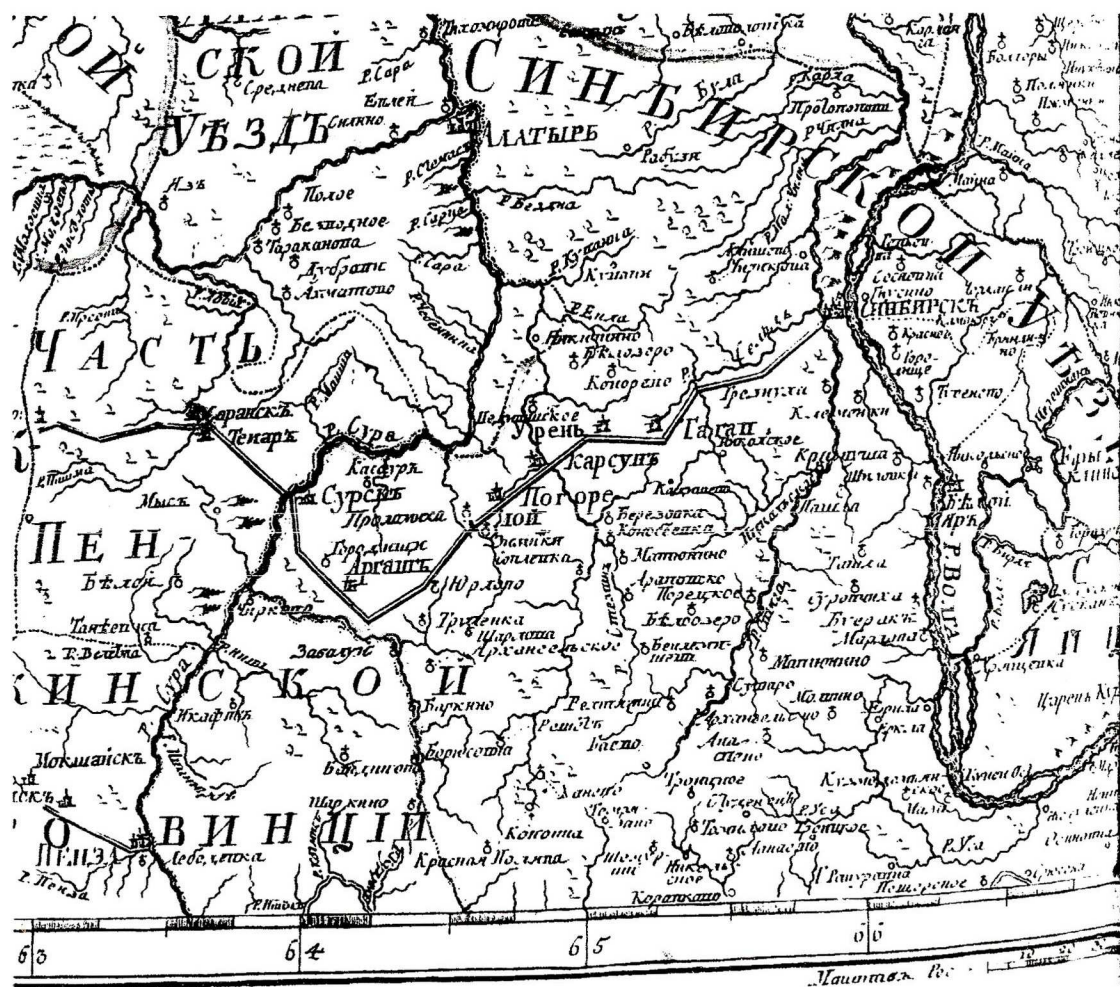

Карта Симбирской губернии (наместничества) конца XVIII века

Характерным общим моментом для российских географов того времени было понимание географии как о такой науке, которая обеспечивает пользу и могущество своей страны, что имело прямую преемственность с традициями служения Отечеству. Так, В. Н. Татищев, один из первых отечественных ученых серьезно размышлявший о целях и назначении географии⁴⁷, относил географию именно к разряду полезных наук, объединяя ее в один раздел с историей: «Весьма полезно в знатных услугах быть чающему учить не токмо своего отечества, но и в других государств деяния и летописи, или гистория и хронография... еже нам к наставлению и предосторожности в наших предприятиях и поступках пользуются. Землеписание, или география, показывает не токмо положение мест, дабы в случае войны и других приключениях знать все онаго во укреплениях и проходах спо-

⁴⁷ См.: Александровская, О. А. Становление географической науки в России в XVIII веке. / О. А. Александровская. - М., 1989. - С. 48 – 53 и др.

способности и невозможности, притом нравы людей, природное состояние воздуха и земли, довольство плодов и богатства, избыточество и недостатки во всяких вещах. Наипаче же собственного отечества, потом пограничных, с которыми некоторые дела, яко надежду помощи и опасность от их нападения имеем, весьма обстоятельно знать, дабы в государственном правлении и советах будучи о всем со благоразумием, а не яко слепой о красках рассуждать мог»⁴⁸. М. В. Ломоносов также неоднократно подчеркивал пользу науки для будущего России. Такое отношение к науке сохраняется и в екатерининскую эпоху, о чем свидетельствует позиция многих просветителей того времени (таких как А. Н. Радищев, Н. И. Новиков, князь М. М. Щербатов, А. Т. Болотов), и в последующие времена. Таким образом, государственная служба (в понимании служения Отечеству) и наука в России с первых моментов своего возникновения оказываются тесно связанными.

Фрагмент из географического атласа Российской империи 1745 г.

⁴⁸ Татищев, В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах / В. Н. Татищев // Избранные произведения. - Л., 1979. - С. 92.

И это само по себе можно воспринимать как норму научного отношения. Но только если речь идет о таком государстве, в котором есть гражданское общество и свобода личности, что уже само по себе является необходимым атрибутом просвещения. Здесь можно вспомнить определение Иммануила Канта: *«Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по своей вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого»*⁴⁹. Но руководство со стороны другого, как бы оно не называлось (опека, надзор или субординация) есть не свобода (согласно аристотелевскому определению «рабы по природе» – это те люди, кто не может пользоваться собственным рассудком). Таким образом, заложенное в основе научного просвещения требование свободы личности оказывается тесно связано с политическими либеральными требованиями. Как писал Леонтович: «Основная идея либерализма – это осуществление свободы личности. (...) Либерализм – творение западноевропейской культуры и, в основном, плод уже греко-римского мира средиземноморской области. Корни либерализма уходят в античность и к этой первоизданной его основе принадлежат такие вполне четко выработанные понятия, как правовая личность и субъективное право (в первую очередь право на частную собственность) (...) ... я должен указать на два исторических источника западноевропейского либерализма: на феодальную систему и на независимость духовных властей от светских в Средние века. Мне пришлось выделить эти корни западноевропейского либерализма потому, что в России они отсутствовали. За представителями церковной власти никогда не признавалось положение суверенных властителей, а феодализма в России не было»⁵⁰.

Один из знаменитых философов той эпохи Давид Юм, оценивая деятельность Петра Великого по просвещению России, пишет: «... он правит подданными так полновластно, словно они его собственность, а вместе с тем так небрежно и с такой тиранией, словно они принадлежат другому. Народ, управляемый таким образом, есть народ рабов в полном и прямом смысле слова; и вряд ли такие люди смогут возвыситься до какой-либо

⁴⁹ Кант, И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант // Собр. соч. в 6 т. - М., 1966. - С. 27.

⁵⁰ Леонтович, В. В. История либерализма в России 1762 – 1914. / В. В. Леонтович. - М., 1995. - С. 2.

просвещенности, вкуса или разума»⁵¹. Юм отнюдь не одинок в своей оценке. Но если это так и указанное противоречие между свободным духом научного исследования и тираническим характером государственного устройства заложено в российской науке с самого начала, то выходом из сложившейся ситуации могло быть лишь создание «автономной зоны» для науки от произвола чиновников разного ранга. Очевидно, что разные российские правители в той или иной степени понимали эту необходимость создания автономии науке; подобно той, которая существовала в Европе.

Екатерина II, продолжая линию европейского просвещения, оказала наиболее серьезную поддержку науке, пытаясь соответствовать, насколько это было возможно правителю Российской империи, европейскому пониманию просвещения. Неслучайно, развитие научных исследований сопровождается принятием Екатериной манифеста о вольности дворянства, открывшего возможность для представителей высшего сословия активно посвятить себя изучению и преобразованию российской провинции. В этом документе отчетливо прослеживается то значение, какое императрица и ее современники придавали просвещению, при этом подчеркивается, что Екатерина лишь продолжает удачный опыт Петра. С этим связывается надежда и уверенность в пользе просвещения на благо Отечества, и то, что благородное российское дворянство «побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать... не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам»⁵².

Именно в это время начинает активно образовываться российская интеллигенция, представители которой связывали с просвещением надежды на кардинальное изменение общественной жизни. Такова, например, была позиция Н.М. Карамзина: «Когда же свет учения, свет истины озарит всю землю и проникнет в самые темнейшие пещеры невежества; тогда, может быть исчезнут все нравственные гарпии, доселе осквернявшие человечество, — исчезнут подобно как привидения ночи на рассвете дня исчезают; тогда, может быть, настанет златый век поэтов, век благодравия — и там, где возвышаются теперь кровавые эшафоты, там сядет добродетель на светлом троне. ... патриот с радостью видит, как свет ума более стесняет темную область невежества в России ... наше среднее состояние успевает не толь-

⁵¹ Юм, Д. О возникновении и развитии наук и искусств/ Д. Юм // Соч. - М., 1965. - Т. 2. - С. 632.

⁵² Манифест о даровании вольности Российскому дворянству от 18 февраля 1762 г. - Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. / А. С. Орлов, В. А. Георгиев и др. - М., 1999. - С. 189.

ко в искусстве торговли, но многие из купцов спорят с дворянами и в самых общественных сведениях... Просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая и по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная»⁵³.

В становлении и распространении просвещения почетная роль отводилась науке. Известный педагог и философ XVII века, создавший основные положения современной системы образования, Ян Амос Коменский в работе «О развитии природных дарований» (*De ingeniorum cultura*) приводит восемь главных средств «сделать себя всецело и прекрасно образованным», среди которых называет **«частое общение с мужами учеными, благочестивыми, деятельными и красноречивыми, общение, заключающее в себе скрытую, но самую действенную силу для нашего преобразования. Ибо справедливо сказано: как прогуливающийся под лучами солнца все-таки согревается, а при продолжительности прогулки он к тому же и загорает, хотя бы он прогуливался и с другой целью; так точно, тот, кто вращается среди людей (добрых или злых, образованных или невежественных, мудрых или глупых), непременно усвоит, хотя бы и бессознательно, нечто из их дарований и нравов. (...) Если ты, ради ученого общения, призовешь откуда-либо **мужей просвещенных, мудрых, даровитых, изобретательных** или дашь поручение своим людям, посланным в чужие страны, пересаживать на родину и прививать в ней все, что только им удастся где-либо подметить прекрасного, гениального, изящного, почитая) им долгом распространять здесь, дома, все, наилучшее ими изученное, а не так, чтобы, возвратившись, снова подлаживаться (как доселе поступала большая часть таких путешественников) к нравам народца грубого и необразованного и вследствие этого оставить все по-прежнему вязнуть в старом болоте, теряя, таким образом, плоды своего путешествия»**⁵⁴.

⁵³ Карамзин, Н. М. Избранные статьи и письма. / Н. М. Карамзин. - М., 1982. - С. 54, 88.

⁵⁴ Коменский, Я. А. О развитии природных дарований / Я. А. Коменский// Избр. пед. соч. в 2-х т. - М., 1982. - С. 17, 24.

О состоянии города Симбирска. Ихто в немъ 29
были походы и походы пашары

отъ сотворенъ мира въ 7156^е Аюроу деса
въ 1648^е.

построенъ городъ симбирскъ сашаними крепо-
стями а строилъ будучи срашныи люди
божикъ и оруженей боданъ матвеевичъ и
пашары сашары, а этого городского дѣла въ
посадки люди низшихъ городовъ сручили
схати. Итого по селену сѣдшихъ трехъ
Итого по селену а по селену городъ сим-
бирскъ и симбирской черты ушадного построка
дѣла работныхъ людей было вѣдано лѣтъ
до 162 по 3326^е селенъ и по 4898 савъ въ
те и построено было шесть лѣтъ.

въ 7157 и 58 году былъ въ симбирску станинъ
и похода и пашары боданъ и камыи и вса-
нъ и камыи и пашары черту и пашары городовъ сѣ-
дшихъ люди передеки и катеръ сручили
и сручили его и пашары.

Описание Симбирска первой половины XVIII века
из коллекции А.С. Пушкина

Вместе с тем буквальное понимание основных положений просветительской доктрины приводило нередко к серьезным конфликтам с властью, примером чего служат судьбы Радищева и Новикова. Одну из своих работ Радищев так и назвал, как бы перекликаясь с текстом манифеста о вольности – «Беседа о том, что есть сын отечества». За идеи, высказанные в своих книгах Радищев, как известно, был приговорен к смерти, и лишь «по милосердию и для всеобщей радости» (по случаю заключения мира со Швецией) казнь была заменена ссылкой «на десятилетнее безысходное пребывание» в Илимский острог. За что же была так раздражена Екатерина II на книгу Радищева? Именной указ императрицы, вменял ему в вину стремление «умалить должное к властям уважение» и «произвести в народе негодование противу начальников и начальства». Очевидно, что для русского чиновничества – это страшное преступление, тогда как для Радищева, одного из первых воспитанников гимназии при Московском университете, получившего затем блестящее образование в Европе, свобода человеческой личности – это норма жизни. Не удивительно, что многие его философские произведения связаны с темой свободы и рабства, причем не только рабства внешнего, но и внутреннего.

Размышляя над проблемой свободы и рабства, Радищев отмечает довольно сложные отношения между ними. В соответствии с просветительскими взглядами философов того времени, он полагает, что история общества начинается с первобытной вольности и постепенно переходит к политическому деспотизму (образуя общество, свободные люди договариваются об общем законе, но со временем правитель забывает свою «клятву», данную народу, и попирает законы мечом: «на что право, когда действует сила?»). Восстание народа на время может возвратить общественную свободу, но во главе восстания могут встать «мужи твердые и предприимчивые» не только «на истину», но и на «прельщение»; не только «любители человечества», но и «льстецы», вновь узурпирующие власть; а в результате возникает новая тирания: «Таков закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство».

В этом же ключе звучит и его вывод о причине падения римской республики – «здание римской свободы», рухнуло из-за постоянного стремления Рима поработить другие народы, из-за ненасытного желания «присвоить вселенную».

Вполне актуально, когда многие называют себя патриотами, звучат и его слова о патриотизме: «Не все рожденные в отечестве достойны величественного наименования сына отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем. ... Известно, что человек – существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому. ... Но в ком заглушены сии способности, сии человеческие чувствования, может ли украшаться величественным именем сына отечества? Он не человек, но что? Он ниже скота, ибо и скот следует своим законам, и не примечено еще в нем удаления от оных.(...) Не сей ли сын отечества? – ... терзающий ближних своих насилием, гонением, притеснением ... раздирающий тех, кои осмелятся произносить слова: человечность, свобода, честность, святость ... Тот не должен существовать, кто смеет противоборствовать его речам, мнению, делам и намерениям! Истинный человек и сын отечества есть одно и то же ... он честлюбив, ... он благодетелен ... он благороден. Истинное благородство есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честью, которая инде не находится, как в непрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам...»⁵⁵.

В духе, близком к духу либерализма, была построена и обширная программа работы Вольного Экономического Общества (ВЭО), однако и здесь одной из главных задач остается польза, приносимая наукой. Так, одним из основателей общества, Т. Фон-Клингштетом было подготовлено следующее предуведомление: «У всех народов нынешний наш век попечительным распространением Наук и знаний, способствующих общей пользе человеческого рода, а особливо прилежным произведением опытов и неусыпным старанием, чтоб земледелие и домостроительство привести в лучшее состояние, столько себя отличает, что по справедливости оной можно назвать экономическим веком...»⁵⁶. Вольное Экономическое Общество смогло организовать работу многих энтузиастов на местах, а также старалось использовать любые возможности, чтобы академические экспедиции являлись источниками сведений по улучшению экономики страны.

⁵⁵ Радищев, А. Н. Беседа о том, что есть сын отечества/ А. Н. Радищев // Избранные сочинения. М.; Л., 1952. Думается, что и другие работы Радищева остались актуальными, несмотря на их забвение. В этом отношении вспоминаются слова Пушкина, который в письме к Бестужеву написал: «Как можно в статье о русской словесности забыть о Радищеве. Кого же мы будем вспоминать?».

⁵⁶ Труды ВЭО. - Т. I. - СПб., 1765.

Так, в рамках ВЭО была составлена программа из 37 пунктов, которые добавлялись к тем, которые были составлены Академией Наук. Впервые включили эти пункты в свои отчеты руководители знаменитых академических экспедиций 1768 – 1774 гг. (Лепехин, Паллас, Гмелин, Фальк, Георги).

Параллельно с этим, еще в первом выпуске «Трудов» общества, было поставлено 65 экономических вопросов, относящихся к сельскому хозяйству, ответы на которые должны были осветить его состояние в различных частях нашей страны. Предполагалось, что эти ответы, будучи опубликованными, дали бы возможность помещикам познакомиться с теми или иными усовершенствованиями в сельскохозяйственном производстве с тем, чтобы «видеть, рассуждать и избирать».

За годы своего существования Вольное экономическое общество провело колоссальную работу по изучению самых различных сторон сельскохозяйственной деятельности. Члены Общества организовали во второй половине XIX века ряд самостоятельных статистических экспедиций по России, в результате чего было составлено огромное количество почвенных карт и карт урожайности основных сельскохозяйственных растений. За годы существования ВЭО были налажены тесные связи со всеми городскими и земскими самоуправлениями (а в результате в библиотеке Общества оказалась собрана уникальная библиотека земских изданий – более 40 тысяч книг и брошюр).

Наряду с Вольным экономическим обществом во времена Екатерины были открыты: *Вольное российское собрание* при Московском университете (1771 – 1783 гг.) и затем там же было открыто *Дружеское ученое общество* (1782 г.) и *Собрание университетских питомцев для литературных целей* (1781 г.), многие труды которых были перепечатаны Н. И. Новиковым в его сборниках. В 1789 году при университете возникло *Общество любителей учености*. Из провинциальных городов в этом отношении отличился только Архангельск, в котором еще в 1789 г. В. В. Крестининым и А. Н. Фомичевым было открыто *Общество для исторических исследований*, где было открыто несколько исторических документов, опубликованных позднее.

Несмотря на вновь открывающиеся научные и просветительские общества, главным заказчиком в исследованиях территории России оставалось государство и Императорская Академия Наук.

Симбирский край екатерининских времен

Во второй половине XVIII века, начиная со времени царствования Екатерины II, происходит интенсификация исследований Среднего Поволжья. В первую очередь, здесь мы вспоминаем труды ряда известных академических экспедиций 1768 – 1774 гг. (П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. П. Фалька, Н. П. Рычкова). Вместе с тем существовало немало интересных предшествующих работ, многие из которых не были ни разу опубликованы; или же публиковались частично (как, например, записи академика Фалька, работавшего в 1769 – 1773 гг. в Поволжье и в Оренбургской губернии). К таковым работам относятся и описания, сделанные участниками экспедиции полковника Свечина⁵⁷, направленного для составления описи корабельных лесов и населенных мест в Нижегородскую, Казанскую и Оренбургскую губернии в 1763 – 1766 гг.

Для начала приведем некоторые записки самой Екатерины во время путешествия по Волге⁵⁸ в 1767 году на участке от Казани до Симбирска.

Казань: «Мы нашли город, который всячески может слыть столицей большого царства... Отселе выехать нельзя: столько здесь разных объектов, достойных взгляду, idee же на десять лет собрать можно. Это особое царство, и только здесь можно видеть, что такое громадное предприятие нашего законодательства и как существующие законы мало соответствуют положению империи вообще. Они извели народу бесчисленного, которого состояние шло по сих пор к исчезанию, а не к умножению; таково же и с имуществом оного поступлено»⁵⁹.

Во время посещения села Головкино перед Симбирском, где находились имения Орлова и Панина: «Сия деревня в 6 верстах от пригорода Майнск, который отчасти брату Вашему принадлежит, а он, чаю, и от роду

⁵⁷ Об экспедиции Свечина см.: Гнучева, В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. / В. Ф. Гнучева. - М.; Л., 1940. - С. 93 – 95; а также, Зерцалов, А. Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века. / А. Н. Зерцалов. - Симбирск, 1896; Свечин, А. А. Описание развалин г. Болгара в 1765 году. / А. А. Свечин. - Казань, 1898. Отд. отт. из Известия Общества археологии, истории и этнографии. - Т. XIV. - Вып. 5; Гуркин, В. А. Симбирская черта... / В. А. Гуркин. - С. 145 – 154.

⁵⁸ Как описывал С. М. Соловьев: «Императрица намеревалась совершить путешествие на Восток до самой Астрахани: «... западная окраина, прибалтийские области были посещены, желалось увидеть любопытный край, где Россия и Европа сходились с Азией, юная цивилизация сталкивалась со старым варварством, где боролось так много разнообразных элементов, откуда приходили известия о великих богатствах страны, об опасных движениях народа». Соловьев, С. М. Сочинения. Кн. XIV. / С. М. Соловьев. - М., 1994. - С. 35.

⁵⁹ Соловьев, С. М. Сочинения. Кн. XIV / С. М. Соловьев. - М., 1994. - С. 49.

в нем не бывал; а мы вчера с луга его потоптали. Хлеб всякого рода так здесь хорош, как еще не видали; по лесам же везде вишни и розы дикие, а леса иного нет, как дуб и липа, земля такая черная, как в других местах в садах на грядках не видят. Одним словом, сии люди Богом избалованы; я отроду таких рыб вкусом не едала, как здесь, и все в изобилии, что себе представить можешь, и я не знаю, в чем бы они имели нужду: все есть и все дешево»⁶⁰. В другом месте она добавляет: «Здесь народ по всей Волге богат и весьма сыт, и хотя цены везде высокие, но все хлеб едят и никто не жалуется и нужду не терпит»⁶¹.

Доехав до Симбирска, Екатерина решила закончить свое плавание и возвратиться в Москву по суше. Здесь она провела несколько дней. Вот несколько замечаний ее о жизни в Симбирске: «Город самый скаредный, и все дома, кроме того, в котором я состою, в конфискации, и так мой город у меня же; ... не полезнее ли повернуть людям их дома, нежели сии лучинки иметь в странной собственности, из которой ни коронные деньги, ни люди не сохранены в целости? (...) Где чернозем и лучше произращения, как-то: Симбирская провинция и половина Алатырской, там люди ленивы, и верст по 15 пусты, не населены, а земли не разработаны. От Алатыря до Арзамаса и до муромских лесов земли час от часу хуже, селения чаще и ни пяди земли нет, коя бы не была разработана, и хлеб лучше, нежели в первых сих местах, и нигде голоду нет»⁶².

Екатерине не понадобилось много времени, чтобы понять отношение чиновников к людям и местных крестьян к земле. Одним из последствий этого стало предложение Екатерины пригласить немецких колонистов для проживания на Волге с целью непосредственной демонстрации европейской традиции землепользования.

Материалы экспедиции полковника Свечина имеют более сухой тон в описании Симбирска и его окрестностей. И это понятно, поскольку он выполняет функцию чиновника по особым поручениям. Тем не менее, это важные свидетельства своего времени, а потому приведем выдержки из рапорта Свечина: «Город Синбирск; поселение сего города состоит в двух местах, первое на высоком косогористом и весьма веселом⁶³ месте, второе под немалой горой на берегу реки Волги окружающее тремя реками, Волгою, Свиягою, и Синбиркой... В 7157 году Богдан Матвеевич Хитрово, з данными ему товарищи, четвероугольное сосновое городовое укрепление,

⁶⁰ Орлов-Давыдов, В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. 1. / В. Орлов-Давыдов. - СПб., 1878. - С. 47.

⁶¹ Соловьев, С. М. Сочинения. Кн. XIV / С. М. Соловьев. - М., 1994. - С. 50.

⁶² Там же.

⁶³ Свечин, как правило, использует для характеристики вида местности три термина: «веселый», «посредственный» или «нехороший».

имеющее 6 башен, и двои ворота, зделано, коего длина по сту сажень, а попереk по осьмидесяти одной сажени, окружа оной немалой глубиной и шириной рвом... От сего города зачалась линия и продолжаетца до Воронежа, деланная при царе Алексее Михайловиче, а в которех годах жители сего города не знают.

Как от стороны реки Волги с сей горы более пришли иловатые нежели глинистые и крепкие места, к тому ж и весьма частые родники из оной истекают, от чего в 1743 году столь много с своего места тронулась, что две каменные церкви повредило, обывательское же поселение, состоящее под сей горой [коего весьма немало] некоторые переломало, а протчие совсем переиначило; но, несмотря на сие и ныне на сем месте вновь строения приумножаетца... Купечества и цеху 3190 душ, кои отправляет вниз Волгою рекою до города Дмитревска, Царицына, и Астрахани, со всяким хлебом суда, протчие же шелковые и разные мелочные потребные для градских жителей товары имеют, прежде были достаточные, и промыслы свои распространяли с изрядным успехом, но от соляной поставке, за мелкостию тогдашнего времени в Волге воды, все обедняли, большая же часть в совершенное банкротство пришли; до плодovitых садов великие охотники кои содержа в изрядном порядке, продажей яблок, груш, слив, вишен, пользуютца, в мае, в июне, и в июле ярморки бывают в синбирском же уезде в Карсуне, при Жадовской пустыне, и в селе Новодевичьем, во оном уезде купца Михаила Воронцова в селе Проломихе в изрядном порядке бумажная фабрика. В сем городе белуги, осетров, шевриг, сомов, белой и красной рыбы, стерледей, шук, лещей, линей, окуней, плотвы, язей, ершей, налимов, раков, и всякой мелкой рыбы весьма довольно, которая по изобилии тамошнего места, и недорого. Диких птиц: гусей, журавлей, разных родов уток, лебедей, чаплей, драхвы, орлов, ястребов, перепелок много, отменных же зверей никаких нет. (...)

Положение места весьма веселое. Строение ветхое, зделанное по старинному обыкновению. Улицы посредственной ширины, имеющие деревянные мосты, к тому ж по высоте места и по скатости оных не весьма грязные. Близь сего города, по берегу реки Волги находятся немалой величины черные камни, имеющие желтые прореси или жилы⁶⁴, которые столь прозрачны и чисты, что по шлифовке малую розницу з гентарем имеют, также и глина, которая для делания тонкой, крепкой и чистой посуды наилучнейшая. Но как первое, так и другое по незнанию жителей пропадает втуне.

Под оным городом через реку Волгу перевоз⁶⁵ на двух поромах».

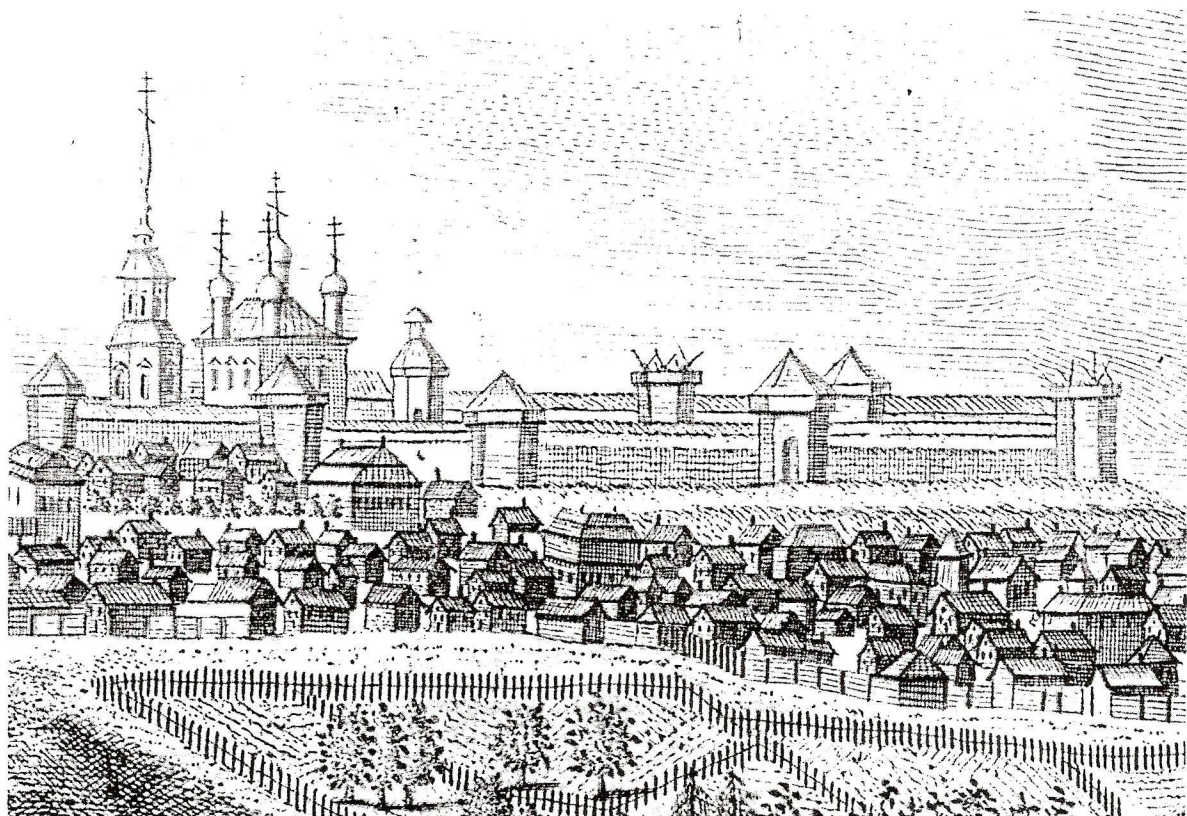
⁶⁴ Этот минерал получил уже в наше время название симбирцит

⁶⁵ Замечательное описание этой переправы под Симбирском дает Ст Аксаков в автобиографической повести «Детские годы Багрова – внука»: «... подъем на Симбирскую гору, высокую, крутую и косогористую, был тогда таким тяжелым делом, что даже в сухое время считали его

Характеризуя ход самой экспедиции Свечина, необходимо отметить, что исследователи сталкивались с самыми неожиданными трудностями, о которых даже трудно было предположить до начала экспедиции. Так, например, в Казанской канцелярии, куда он обратился с запросом о картах корабельных лесов, ему ответили, что у них имеются последние описи годных на корабельное строение лесов лишь за 1729 год, несмотря на то, что «...в рассуждении об врежении лесов 1732 году генеральной инструкцией ... повелено, что за имеющимися вальтмейстерами (*т.е. лесничими*) иметь смотрение губернаторам и воеводам... а оные сменяясь один за другими, имея планы и общие подавали репорты». Неизвестно, на чем основывались доклады губернаторов и воевод, так как выяснилось, в частности, что для составления новых описей и планов посылалась в Казань команда геодезистов еще в 1742 году, однако, как пишет Свечин, двадцать лет спустя «еще тех описей ими и поныне не учинено». Чем дальше разворачивались исследования свечинской экспедиции, тем более неприглядная картина открывалась. На местах Свечина должны были ожидать лесничии, чтобы сопровождать для инспекции леса своего района. Так, например, в Алатыре должен был его ждать вальтмейстер Яков Бурцов, но тот сказался больным и «при показке лесов ему быть никак невозможно, к тому ж дубовым лесам планов и описей у него не имеется»; в Пензе ему показали леса вверх по Суре на 100 верст; «в протчих дистанциях те вальтмейстеры ни один не явились». Поэтому в большинстве случаев Свечин проводил осмотр лично и оказалось, что «где объявлены были леса годные, в тех лесах явились негодные, в протчих же и лесов ничего не явилось, а имеются степные места, почему сверх чаяния в иных местах за неимением лесов принужден был ездить пробираясь не только полями, но и самыми степями».

Свечинская экспедиция оказала весьма важную услугу для позднейших историков — с помощью камеры-обскуры были запечатлены виды многих провинциальных российских городов⁶⁶. Впоследствии эти рисунки легли в основу серии гравюр известного петербургского художника и гравера М. Махаева.

⁶⁶ В фонде Свечина (СПб филиал Архива РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 290. Л. 288 – 290) хранится «Рестр городам, рисованным господином полковником Свечиным»: 1. Казань от западной стороны в большом виде, 2. в таком же представлении с другой стороны, 3. Владимир, 4. Свияжск, 5. Синбирск, 6. Кокшайск, 7. Мензелинск, 8. Чебоксар, 9. Пенза, 10. Саранск, 11. Сызрань, 12. Старошешминск, 13. Кашир.

Симбирский кремль. Фрагмент гравюры Махаева с рисунка Свечина

Академические экспедиции

Екатерина II оказывала постоянно значительную поддержку российской науке, выступая не только как просвещенный меценат, но и предлагая Академии Наук проведение исследований в том или ином направлении. Среди множества проектов, предложенных ею, особенно масштабным является проект организации академических экспедиций в Оренбургскую и Астраханскую губернию в 1768 г., в результате которых впервые были получены научные данные о территории многих российских провинций⁶⁷. Бытует мнение, что Екатерина отдала распоряжение об организации этих «физических» экспедиций под влиянием обращения к ней европейских ученых, которые хотели использовать грандиозную территорию Российской империи для проведения вычислений солнечного параллакса при прохождении Венеры через диск Солнца в июле 1769 г. (тем самым предоставлялась возможность более точно определить расстояние между Зем-

⁶⁷ Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках. М. – Л., 1940. С. 95 – 97.

лей и Солнцем). Однако необходимо отметить, что идея комплексного исследования была близка самой Екатерине, которая активно интересовалась устройством и богатствами собственной империи. Вскоре после завершения собственного путешествия по Волге от Твери до Симбирска, в 1767 г., она пишет записку директору Академии Наук В. Г. Орлову об организации экспедиций. В результате, наряду с шестью «астрономическими» отрядами по наблюдению Венеры, было сформировано пять «физических экспедиций»: две в Астраханскую губернию (отряды академиков С.-Г. Гмелина и И. А. Гильденштедта) и три (под руководством академиков И. И. Лепехина, П. С. Палласа, И. П. Фалька) в Оренбургскую (которым предстояло исследовать Среднее Поволжье, Урал и Сибирь). Эти исследования продолжались в течение шесть лет и дали огромное количество материала по географии и геологии, ботанике и зоологии, этнографии и истории большей части страны.

Для изучения природы Симбирского Поволжья наиболее важными оказались исследования Лепехина и Палласа, которые не только проехали эту территорию, но и остались на зимовку в Симбирске в 1768 – 1769 гг. (тогда как Фальк по причине болезни так и не смог выехать из Москвы в 1768 году и лишь в мае 1769 года встретился с участниками первых двух отрядов в селе Новодевичьем). Несмотря на то, что с момента первых академических экспедиций прошло более двух веков, тем не менее, не было проведено мониторинга фауны и флоры на основе их данных. Отчасти это можно объяснить труднодоступностью материалов экспедиций, ставших уже давно библиографической редкостью.

Петр Симон Паллас (1741 – 1811) – ученый-энциклопедист, родился в Берлине в семье врача, профессора анатомии. Получил образование в Галле, Лондоне, Гааге, где специализировался в области зоологии. В декабре 1766 г. был избран в качестве академика и профессора натуральной истории Петербургской Императорской Академии Наук. В 1768 г. он возглавил 1-й отряд Оренбургской экспедиции, в состав которого входили: капитан Н. П. Рычков, гимназисты (двое из которых стали потом сами академиками) Н. П. Соколов, В. Ф. Зуев и Антон Вальтер, рисовальщик Николай Дмитриев и чучельник Павел Шумский. Отряд выехал из Петербурга 21 июля 1768. Маршрут его проходил в первый год по городам: Москва – Владимир – Касимов – Муром – Арзамас – Пенза – Ставрополь – Сим-

бирск⁶⁸. Затем были многие города и села Нижнего Поволжья, Урала, Сибири, так что в Петербург Паллас вернулся лишь 30 июля 1774 г. Результатом экспедиции были многочисленные сочинения по ботанике, зоологии, но, прежде всего, по географии, которые были опубликованы на латинском, немецком и русском языках в Петербурге, а затем были переводы на английский – в Эдинбурге и в Лондоне, на французский – в Париже. Богатейшие собрания по флоре, фауне, палеонтологии и этнографии вошли в фонд Академической Кунсткамеры.

Иван Иванович Лепехин (1740 – 1802) – известный русский путешественник-натуралист, академик Петербургской и неприменный секретарь Российской Академии Наук, родился в Петербурге, в семье отставного солдата лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Сидоровича Лепехина. После окончания Академической гимназии он обучался за границей в Страсбургском университете (1762 – 1767 гг.), после возвращения был избран в адъюнкты Петербургской Академии Наук. Он стал руководителем 2-го отряда Оренбургских «физических» экспедиций. В состав лепехинского отряда входили гимназисты: Андрей Лебедев, Тимофей Мальгин, Николай Озерецковский (впоследствии академик), рисовальщик Михаил Шалауров и чучельник Филипп Федотьев. Отряд И.И. Лепехина выехал из Петербурга 8 июля 1768 г. Маршрут экспедиции Лепехина в 1768 г.: Москва – Владимир – Муром – Арзамас – Курмыш – Алатырь – Симбирск – Черемшанская крепость – р. Сок – Симбирск⁶⁹. Затем Лепехин проехал часть Урала, Сибири, города Русского Севера, посетил Соловецкие острова, обследовал побережье Белого моря и возвратился в Петербург лишь в конце 1772 года.

По первоначальному плану, составленному в мае 1768 года Палласом, предполагалось, что обе экспедиции проведут зиму в Царицыне или Гурьеве, однако же, остановились на зимовку они в Симбирске. Главной причиной этому послужило то, что территория, которую предстояло исследовать, оказалась значительно более объемной, чем представлялось исходно в Петербурге, что потребовало значительно большего количества времени для исследований. Кроме этого, у путешественников время от времени

⁶⁸ Материалы этого этапа экспедиции вошли в первый том его описания: *Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи*: В 3 ч. / П. С. Паллас; Пер. с нем. [Пер. С. И. Волков, В.Г. Костыгов]. – СПб.: Имп. АН, 1773 – 1788; Ч. 1: Физическое путешествие по разным провинциям Российской Империи, бывшее в 1768 – 1769 году. – 1773.

⁶⁹ Из опубликованных материалов экспедиции И. И. Лепехина, относящихся к указанной территории см.: «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства», 4 части, 1771 – 1805 гг.; ч. I. 1768 и 1769 гг., VII + 537 стр., с 23 грав. таблицами.

возникали задержки из-за отсутствия лошадей на станциях, из-за поломки экипажей по причине плохих дорог, и т. п. И, наконец, оказавшись к началу холодов на территории Симбирской провинции, они могли рассчитывать на более-менее сносную связь со столицей лишь через провинциальную канцелярию, которая находилась в Симбирске. Поэтому Паллас и приглашает Лепехина в отличие от первоначального плана возвратиться в Симбирск. Лепехин воспринял с радостью подобное известие.

У Палласа и Лепехина было много общего: они были ровесниками, оба получили европейское образование и волею судьбы оба оказались в маленьком Симбирске в течении долгой зимы 1768 – 1769 года. И в то же время они представляли собой совершенно иные миры: один был солдатским сыном, отданный с 10 лет в ученики академической гимназии, другой вырос в семье известного берлинского профессора хирурга и получил образование в Берлине, Галле, Гааге, Лондоне. Один был уже признан в Европе в качестве блестящего ученого, стремился сделать научную карьеру, совершить большое путешествие по неизведанным странам; другой вернулся на родину после нескольких лет учебы за границей с жадным желанием оказаться полезным своему Отечеству. Насколько различно было их мировоззрение, их цели и планы, настолько по-разному они воспринимали и свое пребывание в этом провинциальном городе. Даже их въезд в Симбирск оказался различным, с различным настроением.

Паллас: «Уже в последнем рапорте из Пензы я был вынужден посетовать на плохую погоду и ранние холода, однако с тех пор у меня появились еще более веские основания для жалоб. Все мое путешествие из Пензы, откуда я уехал 15 сентября, до Симбирска; куда по причине плохой дороги и ветхости моих экипажей я смог попасть только 22 сентября, оказалось крайне неприятным из-за непогоды, когда мороз чередовался со снегом, бурей и дождем... Внезапно начавшийся затем дождь, смешанный со снегом, сделал путешествие еще несноснее. Непогода и выпавший повсюду глубокий снег также явились причиной того, что в пути я не смог сделать много наблюдений»⁷⁰.

Лепехин приехал в Симбирск теплым августовским вечером, и его первые впечатления от города сопровождаются такими эпитетами как «великолепный вид», «лучше выстроен» по сравнению с другими городами и т.д., кроме того, в отличие от Палласа, Лепехин дает в своих записках общую географическую характеристику города: «Самый город Симбирск

⁷⁰ Паллас. Рапорт № 6 ... С. 41 – 42.

стоит на западном берегу реки Волги между двумя реками. С восточной стороны протекает река Волга, к которой тут подошло весьма широкое плесо: ибо в поперешинике своему мерная две версты имеет. Западную часть города обтекает река Свияга.

Возвышенное место, на котором построен город, имеет великолепной вид, а особливо для высоких церковных колоколен... Город Симбирск пред другими городами может хвалишься и яблонными садами, которых как в самом городе, так и около онаго великое находится множество: один только там недостаток, что подошли степные и безлесные места, и стрельный лес должно получать с верху по Волге»⁷¹.

Паллас в своих отчетах почти ничего не пишет о самом городе, кроме того, что это место богато окаменелостями. Впрочем, в одном письме на имя директора Академии Наук графа В. Г. Орлова, он все-таки дает небольшую, но яркую характеристику Симбирска как такого, «где кажется любят крюкотворство и с удовольствием беспокоят иностранцев»⁷².

Паллас в своих отчетах старается передать прежде всего информационную сторону исследования, отступая от изложения лишь для того, чтобы подчеркнуть неудобства своего путешествия. Тогда как в текстах Лепехина мы видим не только отчет исследователя, но и взгляд художника, воспринимающего окружающую природу как некое живое существо. Даже препятствия путешествия из-за непогоды приобретают в лепехинском описании характер сказочности: «Обуреваемая Волга заставила нас ночевать на берегу, и на другой день не прежде могли переправиться, как по полудни; да и то не без опасности»⁷³. Опасности, встречающиеся по дороге, описываются им легко и с чувством юмора: «Ясная погода и приятность леса далеко завели нас от берега; но наставшая вдруг буря с дождевыми облаками принудила убираться на свое суденышко. Обход был не близок: и так, спеша укрыться от дождя хотели спуститься прямо на берег. Обрывчивая земля не допустила долго лепиться и научила летать; но не к верху, а к низу. Дорога была не очень далека, но шероховата, и глыбы земли провожали меня до самого подола горы»⁷⁴. Далее идет замечательная фраза, по непонятным причинам не вошедшая в третье издание: «Многие из них не весьма были ко мне ласковы; но одна, и по несчастию моему самая большая, посетила меня в загорбок с таким доброжелательством, что я едва мог со-

⁷¹ Лепехин... С. 125 – 126

⁷² Языков П. Обзорение истории геогнозии Симбирской губернии // СГВ 1850, № 2.

⁷³ Лепехин... С. 260.

⁷⁴ Лепехин... С. 373 – 374.

общить беду мою спутникам и доплестись до лодки. Посещение сие принудило меня домоседничать в лодке почти до самого города»⁷⁵.

Надо отметить, что лепехинское описание путешествия заметно выделяется из всех остальных описаний академических путешествий 1768 – 1774 гг. Прежде всего читателя поражает сочность и красочность языка исследователя, сюда необходимо добавить удивительную точность наблюдений. Почти все, что попадает в поле зрения Лепехина, так или иначе характеризующее особенности местности, не ускользает от его внимания, будет ли это явление природы или характеристика нравов и привычек местного населения. Известный историк науки В.П. Зубов так характеризует стиль Лепехина: «В Записках Лепехина природа и история предстают перед человеком в их неразрывной слитности. Отсюда – постоянное внимание к технике и экономике, к лучшему использованию природных богатств, к человеку, являющемуся владельцем этих богатств».⁷⁶ Другие исследователи (Паллас и Фальк) не воспринимали тонкостей, не только из-за незнания языка, но и потому, что это не входило в прямые обязанности естествоиспытателя.

Так, например, живописно Лепехин представляет башкирские приемы ловли медведей: «8-го числа г. Статский Советник приготовил нам любопытное зрелище. Призвав одного Башкирца, приказал ему показать способ как они лазят в свои борти и сохраняют соты от лакомых до меду медведей: ибо Башкирцы, живучи в лесистых местах, делают свои ульи на высоких соснах, и только временной имеют присмотр, то есть с весны и с осени. Лазят они на дерево, имея из тонких ремней сплетенной шириною в три пальца и нарочито упругой канат, *кирям*. В дереве делают небольшие зарубки, *киртык*, так чтобы ножные пальцы могли в оныя вместились. Когда хотят лезть на дерево тогда оное обняв *кирямом* скрепляют концы в петлю, и положит его

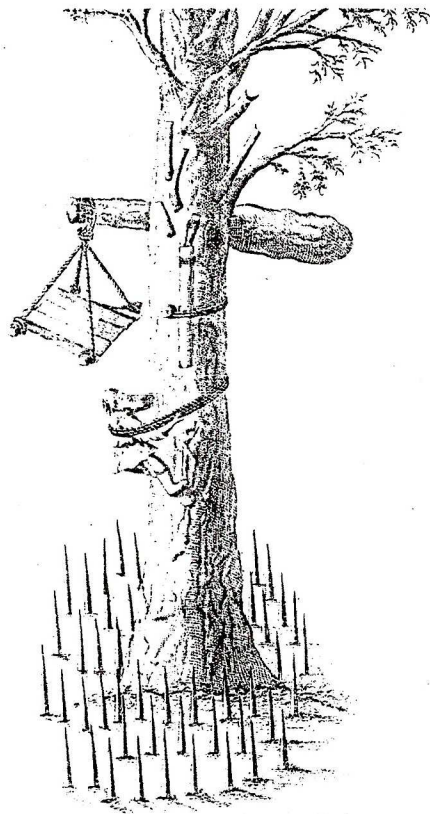

Рисунок из книги Лепехина

⁷⁵ Цит. по кн. Лукина Т.А. Иван Иванович Лепехин. М. – Л., 1965. С. 78.

⁷⁶ Зубов В.П. Историография естественных наук в России. М., 1956. С. 67.

через левое плечо и поясницу, упираются ногами в дерево и вешаются на канате навзничь. Потому руками взбрасывая канат кверху и лежа на оном, удобно могут лезть кверху и в низ спускаться. Для предостережения меду от медведей нарочито смешные выдуманы способы. Над закрышкою улья прикрепляют веревку, на которую навешивают чурбан *талык*, так чтобы он висел по самому тому месту, где медведю к улью лезть надобно. Чурбаны препятствуя в предприятии медведю, досаждают ему; почему он, стараясь его отвести с дороги, толкает в сторону. Чурбан приведенный в движение, бьет медведя или в бок, или в голову; от чего медведь разсердясь, сильнее бьет лапою в чурбан и далее его отталкивая сильнейший получает удар. Сие позорище продолжает он до тех пор, пока или выбившись из силы, или от сильного чурбанного удара низвергается. Другой способ состоит в следующем. На сук дерева, которого вершину можно довести до отверстия улья, привязывают на веревках четверугольную зыбку (люльку), и приведши с нею сук к затворке улья, прикрепляют оной тоненькою веревкою. Медведь лезя на дерево, неотменно принужден бывает садиться на люльку, чтобы добраться до улья: но как в сем случае веревочка, которою сук прикреплен с люлкою, совершить его намерение препятствует, то он перерывает оную. Сук, освобожденный от притягающей силы, сродною себе упругостию разпространяется, и люльку с медведем от дерева относит. И так медведь принужден бывает на ней качаться до тех пор, пока хозяин улья не придет и не убьет его: ибо взобраться на дерево разстояние, а на землю скочить отчасти высота и отчасти острые вколоченные около дерева колья воспрещают».

Для современного жителя особенно ценно то, что ученые оставили после себя первое научное описание флоры и фауны Симбирского Поволжья, многие из представителей которых либо совсем исчезли на этой территории, либо находятся на грани вымирания. К таким представителям животного мира можно отнести выхухоль, в изобилии населявшей пойменные озера, о которой Лепехин писал в 1768 году так: «Других водяных зверей как то бобров около Симбирска ныне совсем не слышно; но вместо того почти все озера наполнены выхухолями. Выхухоль голову имеет в разсуждении тела не велику, рыло высунувшееся упругое, нижнюю губу короткую, пасть небольшую, глаза едва приметные, ушки малые, покрытыя густыми и мягкими волосами; прочая шерсть у него на бобра схожа, но только не так осиста. Сторона глаз и отверстие ушей, так как и вся исподняя часть животного, покрыта из бела сероватою шерстью. Хвост длинной, сначала

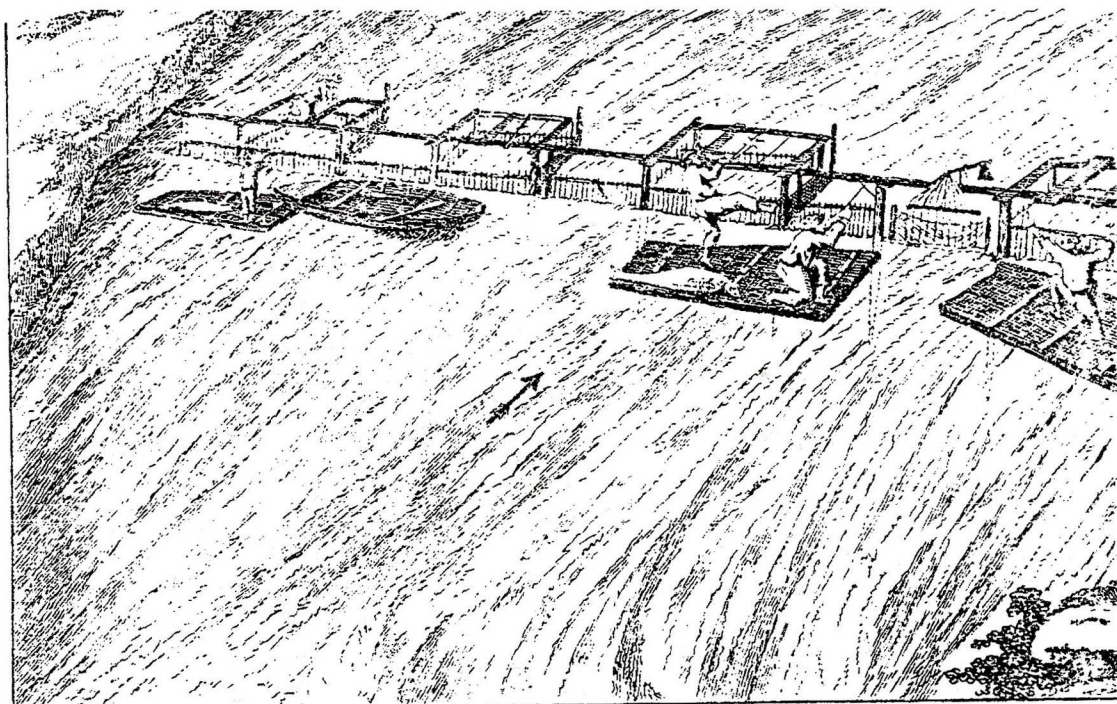
круглой, тонок, шерстист; но тотчас разпростирается в большую шишку, содержащую в себе сплетенные пузырьки, наполненные вязкою желтоватою материею... Содержащееся вязкое вещество в пузырьках хвостовой шишки такой имеет крепкой запах, что надобно иметь особенную привычку, чтобы его сносить. Мне кажется, что он гораздо превышает бобровую струю. По крайней мере для меня запах сей также столь был головоломен, что я пяти минут выхухоля в руках держать не мог без головной закружки. Хотя шубка на выхухоле и осиста; однако для тяжелаго запаха (ибо и от нее несколько пахнет,) ни на что не употребляется, кроме опушки на тулупы. Хвост его держат в платяных сундуках, для защищения платья от моли; но сей дух проникает и в самое платье». Сюда же можно отнести описания рыб, которые в настоящее время в нашем регионе стали редкостью: белуга, осетр, стерлядь, севрюга, костера и др. С большим интересом читается сегодня и описание тех приспособлений, которыми местные рыбаки вылавливают волжскую рыбу, описание технологии (почти утраченной сегодня) производства рыбьего клея, а также многих иных особенностей народного быта.

Следует отметить, что этнографические характеристики народов Поволжья, которые так подробно даны в работах Лепехина и Палласа, тесно переплетаются с описанием отношений местных жителей к окружающей природе. И это представляет особое значение в свете проведения на базе этого материала исследований по социоэкологическому мониторингу данного региона.

Рассматривая достижения академических экспедиций, необходимо помнить, что без помощи местного населения, многих находок могло бы не существовать. В частности, Петр Иванович Рычков помог участникам экспедиции составить план наиболее важных маршрутов по местности, а его сын Николай Петрович неоднократно выполнял важные поручения Палласа и в 1769 году возглавил собственную экспедицию от Симбирска до реки Ика⁷⁷. В тексте записок Лепехина мы находим упоминание о помещике села Нагаткино капитане поручике Плещееве, предоставившем коллекцию древних костей, обнаруженных им на Бирюче, о помещике села Суровчиха капитане Суровцеве, который «сообщил мне изогнутую кость... то был затверделый буйвол рог, из чего заключать можно, что в прежние времена буйволы или сами около Волги водились добровольно,

⁷⁷ Рычков, И. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 – 1770 году. / И. П. Рычков. – СПб.: Имп АН, 1770 – 1772.

или держали их у себя кочующие народы»⁷⁸, а также о простых людях, тепло принимавших путешественников. Так, во время поездки от Тетюшей до Ундор, Лепехину со своими спутниками встретились местные рыбаки – вандовщики: «Вандовщиками называются стерляжи ловцы, которые имеют право ловить стерлядей чрез все то время, в которое вода прибывает в Волге, и когда стерлядям самый лучший бывает ход. Ванды делаются на подобие мереж из прутья, но только полы у них не так далекое имеют расстояние. Вандовщики отменную имеют в раздавании рыбы щедрость, происходящую от предубеждения. Всяк, кто заедет на ватагу Вандовщиков, имеет право насыщать свой желудок стерлядями как говорят, безданно беспошлинно: ибо брать за рыбу деньги, которую варят в их стану на пищу, не только за непристойное почитают, но и за ущерб в их ловле. И мы когда принуждали их взять деньги за рыбу, довольно получили поклонов, чтобы избавить их от денег, и чрез то не развратить их улов»⁷⁹.

Ловля рыбы на Волге (учуги). Рисунок из книги Лепехина

Директор Петербургской Академии Наук граф В. Г. Орлов постоянно оказывал содействие ученым. В Симбирске он поручил их попечению своему давнишнему приятелю помещику Афанасию Степановичу Мещеринову. Нужно при этом учитывать, что Орловы получили незадолго до этого

⁷⁸ Лепехин... С. 320.

⁷⁹ Лепехин... С. 313.

богатые земли на юге Симбирской провинции около устья Усы (те, которые в свое время принадлежали Савино-Сторожевскому монастырю, а затем Меншикову) в обмен на все их прежние поместья в разных районах России. Тем самым, появилась возможность здесь наладить образцовое хозяйство по европейским стандартам. Орлов был лично заинтересован во всестороннем предварительном научном исследовании территории своих земель. Но интерес Орлова к успеху экспедиции нельзя свести только к этому обстоятельству. Имѐя превосходное европейское образование и желание оказаться полезным для Отечества, Орлов являлся едва ли не самой удачной фигурой на посту президента Академии Наук за весь XVIII век. И это отмечалось не только соотечественниками, но и за рубежом. В частности, знаменитый «король ботаники» Карл Линней в одном из писем выражал благодарность Орлову за усердие в распространении ботанической науки в России, при этом дается поистине поэтическая характеристика ботаников, как «людей, назначенными к познанию Божества, в изящнейшем из его Творений (*in agnoscendum Deum ex opera pulcherrima*)».

Мы уже говорили о том, что исследования того времени носили комплексный характер. Собирались сведения не только по естественной истории, но и по истории прошлых веков. Так в письме к Миллеру от 10 ноября 1768 г., Паллас сообщает: «Я не знаю, достойно ли упоминания то, что во время путешествия из Пензы в Симбирск в 48 верстах от Пензы, на речке Юлок, у деревни Городище, мне встретилось довольно хорошо сохранившееся татарское земляное укрепление. Похожее сооружение осматривал г. доктор Лепехин у Промзина Городища неподалеку от Алатыря на Суре, и таковых в тех краях можно найти немало». В рапорте от 28 декабря Паллас пишет: «Несколько дней назад я совершил небольшое путешествие на саях к знаменитым развалинам Болгар, где велел зарисовать сохранившиеся руины, насколько это позволяла холодная погода. Кроме того, я накупил у крестьян разных серебряных и медных монеток, собираемых там на полях, и прочих мелких предметов старины. Я вышлю их вместе с многочисленными животными и окаменелостями, кои еще находятся у меня и подлежат срочной отправке».

В исторических описаниях Лепехина встречаем интересные комментарии, которые сегодня являются яркими свидетельствами нравов той эпохи: «Село Промзино городище стоит на левом берегу реки Суры; а городищем прозывается по остаткам земляного вала: ибо издавна в сем месте бывало пограничное место с Кубанцами. Сколько тому лет никто не запомнит, как

некогда Кубанцы делали сильное нападение на сие местечко. Малое число жителей против многочисленной орды делали сильной отпор, и с посрамлением толпы своих неприятелей обратили в бегство. С сею победою сопряжена была и людская особливая набожность; ибо тогда у них при ключе на белой горе явился образ Николая Чудотворца, которому все единогласно победу над Кубанцами приписали, и в знак своей благодарности сему Святителю построили на том же месте изрядную часовню, к которой после и монастырь присовокуплен был, Промзино городище, которое ныне составляет огромное село и спасено было от множества иноверцев, в прошлом 1766 году все в пепел обращено от единоплеменных злодеев. Тридцать человек разбойников, пристав к сему селу для своей прогулки, и будучи раздражены в селе, с великого злостию зажгли сперва крестьянские овины, от которых все сие огромное село обращено было в пепел»⁸⁰.

Не менее интересны характеристики местного татарского населения того времени можно найти в отчете Н.П. Рычкова о его собственной экспедиции⁸¹, в ходе которой он подробно описал древние болгарские городища. Чрезвычайно любопытны его замечания о развитой системе образования, существовавшей тогда даже в отдаленных татарских селах: «Проезжая по большей части татарским деревням с прилежанием взирал я на воспитание их детей. Обряды, кои употребляют они при воспитании своих питомцев, достойны справедливой похвалы: ибо они с самого младенства их стараются воспитывать в познании их закона и всех достоинств человеческих; а для того в каждой татарской деревне находится молитвенный храм и училище для детей, которых обучает живущий тут Мулла. При вступлении младенца в сие похвальное училище, Мулла начинает их учить словесным наукам татарского и арапского языка, потом показывает им правила закона, и толкует им тайны их святого Алкорана. Не изъяты от такого воспитания дети и женского полу; а различие только состоит в том, что девочек не все учат по арапски, но только одни почтенные и богатые отцы»⁸².

В результате первого года исследований, проведенных экспедициями Палласа и Лепехина, уже в 1771 году было введено в научный оборот огромное количество видов растений и животных. В целом же по стране бы-

⁸⁰ Лепехин ... С. 120.

⁸¹ Схема маршрута первой экспедиции Н. П. Рычкова такова: Симбирск – Чердаклы – Кандаля – д. Стар. Баран – дер. Чибаш – Камкина – Биляр – Новошешминск – Заинск – Мензелинск – Челны – Елабуга (Чертов городок) – далее по Ику до Оренбурга. В последующие годы он участвовал в экспедиции Лепехина в Сибири и затем после побега калмыков был направлен на обследование Иркутской области.

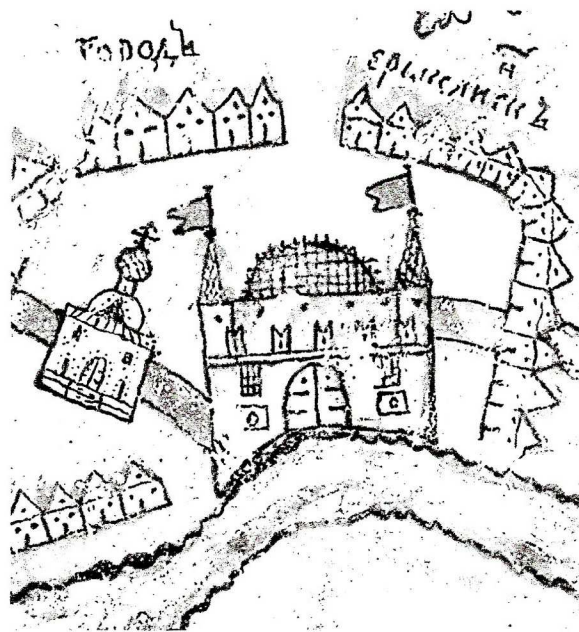
⁸² Рычков, Н.П. Указ. соч. / Н. П. Рычков. - С. 5.

ли проведены впервые геологические и палеонтологические исследования, составлены этнографические очерки, значение которых не только не утрачено сегодня, но и приобретает все более возрастающую ценность, поскольку этот мир природы все более уходит в прошлое.

Это хорошо понимали уже спустя полвека после экспедиции, когда в 1818 г. по инициативе Президента Российской Академии С. С. Уварова было предпринято третье издание материалов ученых путешествий. Вот в частности, что говорится в предисловие к этому изданию: «Успехи большей части наук в неразрывной находятся связи с успехами общих познаний о земном шаре, нами обитаемом. (...) Главной к тому способ подают путешествия ученых, одаренных основательностью ума и знаний, притом проницательных, решительных, деятельных... Такими, хотя не редко затруднительными способами достигли наконец до нынешних сведений о естественном состоянии земель, о произведениях, о промыслах, искусствах, фабриках, ремеслах, о торговых сношениях, и даже о языках, о нравах, обычае, образе жизни, о выгодах и недостатках каждого народа. (...) Основательные сведения о внутренности России всегда черпали из записок Академиков; и в сем смысле труды их незабвенны; но во всех отношениях время течет для нас исполинскими шагами. С тех пор как Академики путешествовали, многие предметы взяли другой вид. Сии изменения нужно доводить до сведения Академии, дабы она могла с точностью решить, что было, и чего не стало, что созрело и развилось – и что исчезло не возвратно.

Мудрое правительство призывает всех к лучшему познанию Отечества во всех его Естественных выгодах и недостатках... и налагает на каждого Гражданина обязанность, обращать внимание на самого себя и на окружающие его предметы, и давать в них отчет себе и Отечеству»⁸³.

⁸³ Полное собрание ученых путешествий по России. Т.1. - СПб., 1818. – С. XX – XXI.

Город Ерыклинск на карте 1717 года

Как проходило открытие Симбирской губернии

В декабре 1780 года у Симбирска появился статус губернского города, что было результатом административной реформы, проводившейся Екатериной II. В чем суть этой екатерининской реформы административного деления государства? Главной предпосылкой к перестройке было стремление Екатерины упростить громоздкий аппарат центральной власти: «нашли мы, что по великой обширности некоторых Губерний, оныя недостаточно снабдены как правительствами, так и надобными для управления людьми... Происходящее от того неустройство весьма ощутительно, с одной стороны медленность, упущения и волокита суть естественные следствия того положения, где дело одно другое останавливает... и покрывает неисполнение должности. С другой стороны от медлительного производства возрастают своеволие и ябеда обще со многими пороками, ибо возмездие за преступления и пороки производятся не с такой поспешностью, как бы надлежало для укрощения и в страхе предерзостным. (...) Дабы Губерния, или Наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от 300 до 400 тыс. душ».

От этого учреждения о губерниях берет начало не только децентрализация власти (губернские правления поднимались до уровня коллегий, и должны были подчиняться исключительно Сенату или императорской Особе); но и возникло начало разделения властей «Сие наше постановление Судебные места отделяет от Губернских Правлений». Появилось на

местах много новых государственных служб: губернское правление – по делам чисто административным, казенная палата – по делам финансовым; значительная часть дел управления была передана «приказам общественного призрения», состав которых был выборный. Здесь надо добавить, что уездное управление, в лице исправников и «нижних земских судов», было тоже выборным. Кроме того, были учреждены губернские и уездные дворянские собрания, для выбора должностных лиц местной администрации и суда, для обсуждения вопросов, предлагаемых от правительства, и для заведования сословными нуждами. Для управления сословными делами учреждались предводители (губернские и уездные), дворянские депутатские собрания и дворянские опеки. Все дела местного хозяйства и полиции были переданы «общей городской думе» и ее исполнительному органу, «шестигласной думе». Возникло еще множество других государственных служб и учреждений. Одним из результатов этой реформы, по словам известного историка В. О. Ключевского было то, что «размножилось до чрезмерности чиновничество... там, где прежде дела велись десятью, пятнадцатью чиновниками, теперь их явилась целая сотня».

Контроль за деятельностью всех губернских учреждений от лица верховной власти поручалось государевому наместнику или генерал-губернатору, который не обязательно должен был присутствовать на месте, о чем в частности говорит п. 93 Учреждения «Когда Государев наместник или Генерал-губернатор в наместничестве ему вверенном пребывание свое имеет, тогда производится ему по 500 руб на месяц столовых денег». Он считался «ходатаем за пользу общую и государеву, заступником утесненных и побудителем безгласных дел». Он был обязан побуждать суды к скорому решению дел, а если находил решение несправедливым, то мог остановить его исполнение, донеся об этом сенату или в делах, не терпящих отлагательства, императрице. Вместе с тем вводилась должность губернского прокурора, который также назначался верховной властью и дополнял функции генерал-губернатора: «Буде губернский прокурор усмотрит за кем неисправление должности, то повинен доносить о том не токмо генерал-губернатору, но генерал-прокурору; ибо во всех губернский прокурор есть око генерал-прокурора».

Ввиду того, что власть наместника во многом совпадала с властью губернаторов, их стали назначать по одному на две и даже на три губернии. Поэтому первый генерал-губернатор Симбирский П. С. Мещерский, одновременно был и генерал-губернатором Казанским, через год эту должность

получил генерал-поручик И. В. Якоби, одновременно наблюдая и за Уфимской губернией.

Довольно мало сохранилось свидетельств, характеризующих общественную жизнь Симбирска того времени. Поэтому особое значение имеют отчет князя П. Мещерского от 28 декабря 1780 года о том, как происходило открытие Симбирской губернии. В состав отчета входят «Журнал», где расписаны все события, происходившие в Симбирске в эти дни, а также «Ведомость» с краткой характеристикой всех населенных пунктов по уездам новообразованной губернии и дан список всех симбирских помещиков того времени, с указанием их отношения к службе.

15 декабря по всем городским площадям с утра проходили глашатаи, известившие симбирян о предстоящем событии. Вот как это записано в Журнале: «В 9-м часу утра на всех городских площадях комендантом, при звуке трубном и литавре, ославлено семи словами: «Что от правящево должность генерал-губернатора всем возвещается начатие по высочайшему указу открытия Симбирской губернии на основании учреждения в 1775 году ноября в 7 день изданнова» по сих словах учинено восклицание: «Виват великая Екатерина!»».

16 декабря. В этот день состоялись главные торжества по открытию губернии. Началось с пушечных выстрелов: «По пробитии утренней зари, день ... ознаменован публике городской чрез выстрелы пушечные». Затем в 8 часов представители Симбирского дворянства, купечества и мещанства собрались в наместническом доме, в 9 часов все отправились в соборную церковь, где по окончании литургии «был читан высочайший Ея Императорского Величества манифест и указ об открытии губернии. За сим было от прсосвященнова поучительное слово и молебствие с коленопреклонением. По окончании того произведены пушечные сто один выстрел. А от воинских команд в строю троекратно огонь беглый. В продолжение оногo дворянство к выборам чинили присягу». Вечером в 6 часов была произведена перед домом наместническим «иллюминация».

В последующие дни происходили баллотировочные выборы (т. е. выборы путем тайного голосования это «в специальном помещении») предводителей уездного дворянства, кандидатов в заседатели в совестной суд, в верхний земской суд, уездных судей, исправников и заседателей в суды уездные и нижний земский.

23 декабря в тронном зале в собрании дворянства был избран губернский предводитель «флота капитан бригадирского ранга г-н Нагаткин», за-

тем было произведено «баллотирование ис кандидатов в заседатели» – двоих в совестной суд и десять человек в качестве заседателей верхнего земского суда.

26 декабря было «дано повеление о затворении отныне и навсегда канцеляриев провинциальных Симбирской и Алатырской, и воеводских Сызранской и Курмышской, и канцеляриев же земских Ставропольских и Самарской».

27 декабря опять же в тронном зале собрались «все губернские чины и дворяне и граждане знатнейшие», оттуда все вместе пошли в соборную церковь, а «по окончании Божественной литургии говорено преосвященным Слово, потом молебствие было с коленопреклонением». Затем была произведена пушечная канонада из 101 выстрела и ружейный беглый огонь. После этого салюта состоялось освящение комнат в наместническом правлении, палаты уголовных дел, палаты гражданских дел, палаты казенной. Вечером в 6 часов была зажжена иллюминация перед домом наместнического правления, а для простого люда, так же как и 16 декабря, было выставлено угощение в виде «вина, меда, пива и съестных запасов».

В течение трех последующих дней была принята присяга у избранных дворянством судей и открыты следующие учреждения: приказ общественного призрения, верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа, симбирский уездный суд, дворянская опека, нижний земский суд, Симбирский городской магистрат, нижняя расправа, совестной суд, присутственные места в уездных городах. А 1 января, по поводу завершения всех этих мероприятий было дано в «наместническом доме угощение столами», а с наступлением темноты была устроена иллюминации и фейерверк.

Следует напомнить, что в разгар торжеств (22 декабря) был утвержден Екатериной доклад Сената «О гербах городов Симбирского наместничества», в результате которого за Симбирском остался старый герб «в синем поле на белом столбе золотая корона», а гербы уездных городов должны были соответствовать правилу «чтоб во всяком гербе Симбирского наместничества в щите была часть из герба наместнического города».

Благодаря статусу губернского города в Симбирске в 1786 г. состоялось открытие главного народного училища, преобразованного через два десятилетия в губернскую гимназию. Молодые преподаватели, из которых большинство были выпускниками Петербургской учительской семинарии, сформировали просветительское сообщество, в духе идей Новикова. Дея-

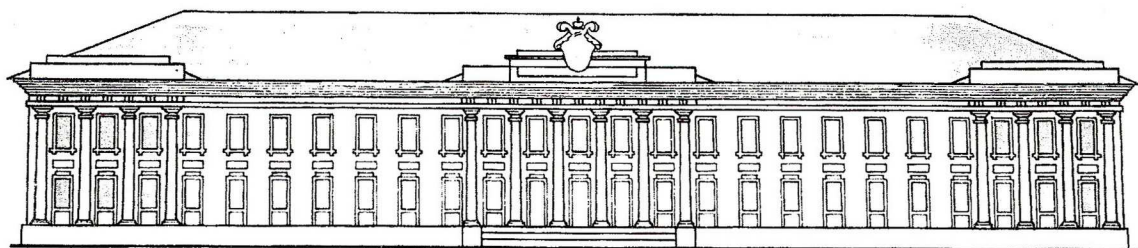
тельность этого кружка можно представить по воспоминаниям Ивана Алексеевича Второва (1772 – 1844), страстного библиофила. Имя Второва известно сегодня благодаря его уникальной коллекции книг. Это собрание было подарено Казани в 1844 г. сыном Ивана Алексеевича – Николаем Ивановичем Второвым (литератором, археологом и этнографом) с целью организации общественной библиотеки. С коллекции книг Второва началась Национальная библиотека Республики Татарстан – одна из старейших общедоступных библиотек России.

На страницах дневника, который велся И.А. Второвым на протяжении многих лет, воссоздается картина духовной жизни, складывавшейся вокруг преподавателей главного народного училища в Симбирске в начале 90-х годов XVIII столетия. Это было время расцвета типографской и литературной деятельности Н. И. Новикова и начало громадной популярности Н.М. Карамзина, а также иных представителей масонства. Как отмечает Де Пуле: «масонская литература и отчасти родственное ей сентиментальное направление питали Второва и его друзей кроме названного Веревкина, учителей высшего народного училища Тихонравова (Андрея Ивановича), Цветкова (Степана Ивановича), Шутихина, и стихотворца Иванова. Окружающая их жизнь представляла диаметрально противоположность с тем, что они вычитывали в книгах, и все наши юноши стали себя перевоспитывать, переделывать себя к тому идеалу нравственного совершенства, который заявляли масонские мыслители. Сами они (по крайней мере Второв) никогда не принадлежали к масонским ложам... В борьбе духа с подавляющей и порабащающей его всякого рода материальными инстинктами наши юноши не уступали аскетам».

Приведем здесь несколько выдержек из дневника И. А. Второва, рисующих нравы Симбирска того времени: «На вечерах у Веревкина, Тихонравова и др. учителей, кроме литературных занятий, чтения книг, рассуждений и т. п. велась живая беседа и о др. предметах, пили чай, пунш, играли в карты, но умеренно и без тех, доходивших до безобразия излишеств, которым предавалось тогда чиновное симбирское общество (...) Павел Мих. Мясников, читаем под 29 апреля, пересказывал сегодня матушке о моем развращении и безбожии, будто происходящем от чтения книг! Я рвался сам известием, помня что говорил с невеждой о физике и метеоре дождя с громом». Де Пуле заключает, что «как ни бедна была в интеллектуальном отношении жизнь Симбирска все же она, сравнительно с уездной Самарой или Ставрополем, казалась земным раем. Кроме читающих круж-

ков в Симбирске в эту пору бывали театры и маскарады, которые неуклонно посещал Иван Алексеевич... «в маскараде я гордился будто равенством с прочими, хотя судьба и не наградила меня еще благородством».

Просветительские традиции, заложенные в первом коллективе Симбирского училища во многом сохранились и на следующем этапе развития общества, когда на основе училища в 1809 году была открыта губернская гимназия, преподаватели и выпускники которой внесли серьезный вклад не только в культуру Симбирского Поволжья, но и всей России.

*Губернская гимназія
Расада*

Проект здания гимназии в Симбирске

При императоре Павле (1796 г.) древнерусское слово «наместничество» было упразднено как архаизм, напоминавший о либеральных экспериментах матушки, и осталось только западноевропейское казенное слово «губерния», при этом Павел хотя и сохранил большую часть административного аппарата, но постарался устранить идею выборности в местные органы власти. Верховная власть в губернии стала принадлежать губернатору, назначаемому императором. Был упразднен верхний земский суд, число заседателей земского суда было сокращено, создан был новый институт становых приставов, существенно отличавшихся от прежних заседателей тем, что не избирались от дворянства, а назначались губернатором, через губернские правления. Однако идея самоуправления продолжала жить, получив во времена правнука Екатерины – Александра II – дальнейшее развитие в виде системы земских учреждений.

Тестовые задания к разделу II

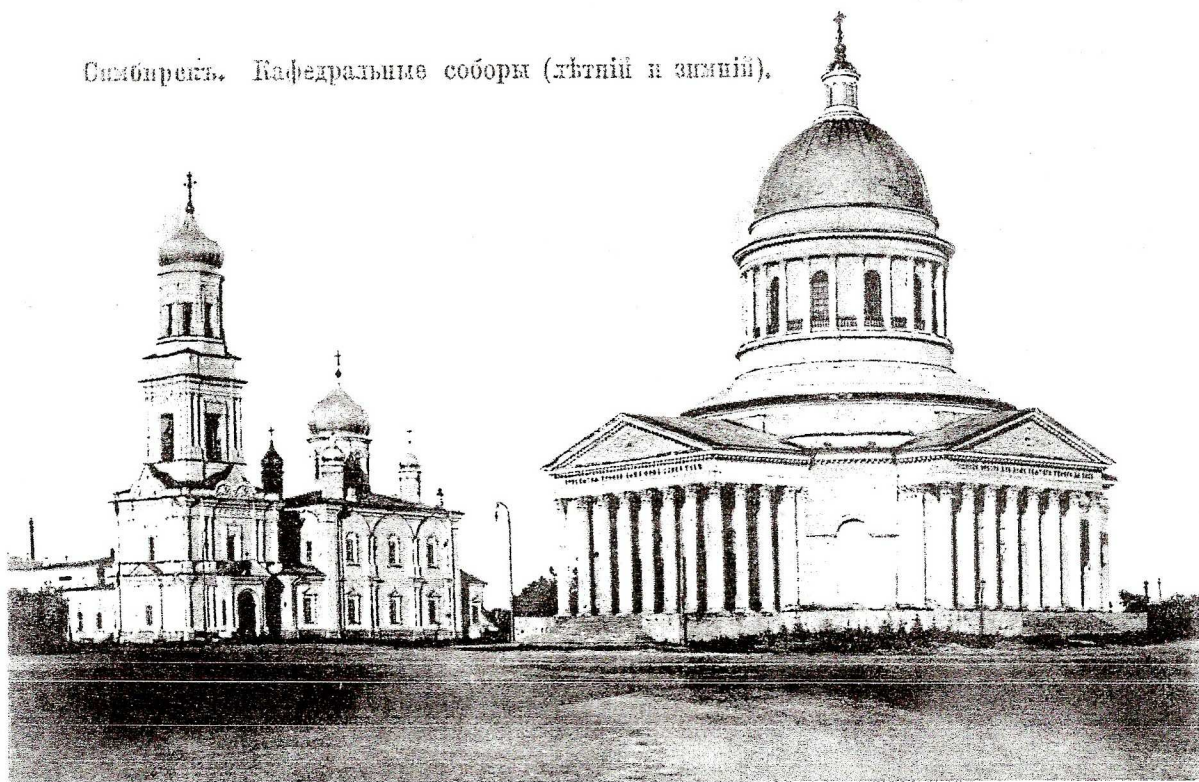
41. Первый поэт Симбирска:
- a) Николай Карамзин
 - b) Николай Языков
 - c) Георг фон Борнеман
42. Будный стан – это...
- a) место, где заготавливают и сжигают лес
 - b) рыболовецкий стан
 - c) сторожевая вышка
43. В Симбирское Поволжье в XVIII веке были организованы экспедиции: П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. П. Фалька, Н. П. Рычкова, К. Линнея, М. В. Ломоносова. Уберите лишнее.
44. Экспедиция полковника Свечина, направленного для составления описи корабельных лесов и населенных мест в Нижегородскую, Казанскую и Оренбургскую губернии состоялась:
- a) в 1763 – 1766 гг.
 - b) в 1700 – 1702 гг.
 - c) в 1812 – 1814 гг.
45. «Одним словом, сии люди Богом избалованы; я отроду таких рыб вкусом не едала, как здесь, и все в изобилии, что себе представить можешь, и я не знаю, в чем бы они имели нужду: все есть и все дешево». Эти впечатления о Симбирском Поволжье XVIII века принадлежат российской императрице:
- a) Екатерине II
 - b) Екатерине I
 - c) Анне Иоановне
46. Первый рисунок Симбирска, положенный в основу серии гравюр известного петербургского художника и гравера М. Махаева был сделан с помощью камеры-обскуры:
- a) А. И. Свечиным
 - b) И. И. Лепехиным
 - c) П. С. Палласом
47. Для изучения природы Симбирского Поволжья наиболее важными оказались исследования Лепехина и Палласа, которые не только проехали эту территорию, но и остались на зимовку в Симбирске

- a) в 1768 – 1769 гг.
 - b) в 1868 – 1869 гг.
 - c) в 1668 – 1669 гг.
48. В ходе административной реформы Екатерины II были введены
- a) выборы в местные органы власти путем тайного голосования
 - b) выборы в местные органы власти путем открытого голосования
 - c) были только назначения «сверху»
49. Слово губерния следует рассматривать как синоним наместничества
- a) в ходе административной реформы Екатерины II
 - b) в ходе административной реформы Петра I
 - c) в ходе административной реформы Павла I
50. Торжественная церемония по случаю открытия Симбирской губернии состоялась:
- a) в декабре 1780 года
 - b) в сентябре 1780 года
 - c) в декабре 1796 года
51. В Симбирске было открыто главное народное училище
- a) в 1786 году
 - b) в 1700 году
 - c) в 1812 году.

РАЗДЕЛ III

ПРОСВЕЩЕНИЕ И САМОСОЗНАНИЕ СИМБИРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Симбирскъ. Кафедральныя соборы (лѣтній и зимній).

ПРЕДПОСЫЛКИ НАУЧНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПРОВИНЦИИ

Десятнадцатый век подарил нам целую плеяду блестящих исследователей Симбирского Поволжья из представителей академической науки и краеведения. Активная просветительская деятельность предшествующего столетия стала приносить свои плоды, которые весьма ощутимо проявились в российской провинции. Несмотря на то, что сфера академических интересов больше тяготела к границам Российской империи, тем не менее, на смену академическим путешественникам пришли местные исследователи, получившие необходимое образование в университетах и других высших учебных заведениях Москвы, Петербурга, Дерпта и Казани. Важно отметить, что при этом происходили значительные перемены в провинциальное общество, среди которых одно из главных – появление людей, способных оценить и поддержать проведение научных исследований края.

Начинается этот исследовательский интерес с одиночек – энтузиастов, которые на первом этапе не имеют никаких социальных организаций в провинции для поддержки своей деятельности, поэтому самой простой и органической формой такого объединения оказываются родственные или дружеские связи. Семья Языковых представляет удачный пример такого объединения. Действительно, братья Языковы смогли провести многочисленные исследования природы и истории Симбирского Поволжья, затрачивая на это лишь свои собственные средства. Причем средства, вложенные в научную деятельность, были огромные (чего стоят только ежегодные закупки научной литературы, выходящей в Европе). Более того, своей филантропической деятельностью (организация первой публичной библиотеки, первого естественнонаучного музея, первого научного исторического сборника и мн. др.) Языковы смогли создать необходимые предпосылки для дальнейшего научного просвещения края. Кроме Языковых в

первой половине столетия в Симбирске появлялось еще несколько ярких фигур, оставивших след в истории изучения края, в частности, это историк и географ Иван Пушкарев и профессор Симбирской семинарии Капитон Невоструев.

На следующем этапе (вторая половина века) мы видим, что происходит консолидация отдельных исследователей в различные научные общества. Из которых наибольшее влияние на развитие научных представлений о крае оказала Симбирская губернская ученая архивная комиссия, результатами деятельности которой активно пользуются и современные историки и краеведы.

Другим научным обществом, значимость которого до конца еще не оценена в местном краеведении, является Русское Географическое общество, инициировавшее целый ряд краеведческих исследований в области физической и экономической географии, этнографии и истории.

Прежде чем мы перейдем к тому, как происходило исследование территории Поволжья в XIX веке, попробуем обсудить – какие изменения произошли в отечественном просвещении. Какие факторы повлияли на то, что в конце столетия происходит расцвет научных исследований в российской провинции? Размышляя над этим вопросом, можно выделить следующие важнейшие изменения:

- появление системы университетского и гимназического образования;
- развитие научных сообществ, как в центре, так и в провинции;
- становление сети общественных библиотек и музеев.

Все эти факторы в той или иной степени присутствовали и при исследованиях Симбирского края, несмотря на то, что номинально университет в то время так и не появился в Симбирске. Однако если помнить, что под европейским университетом понималось традиционно научное сообщество – «*Universitatis magistrorum et scholarorum*», т.е. в буквальном переводе «землячество (сообщество, корпорация) учителей и учеников», то, такие научные сообщества возникали и активно работали в Симбирске в XIX веке, несмотря на все сложности провинциальной жизни.

Гимназическое образование и «роскошь полупознаний»

Рассмотрим некоторые принципы, по которым происходило строительство гимназического образования в России, на основе анализа изменений в гимназических уставах. К середине XIX века, т.е. к тому времени, когда началась университетская реформа, гимназии также претерпели несколько реформ. Первым гимназическим уставом следует считать «Устав учебных заведений подведомых Университетам 1804 года», возникший вместе с появлением университетского устава.

Как известно, до 1804 года во всей Империи было всего три гимназии: Санкт-Петербургская академическая гимназия, которая просуществовала с 1726 по 1805 гг., количество учащихся было невелико (например, в 1737 г. насчитывалось всего 18 учеников); Московская, при Московском Университете (1755 г.), целью которой было приготовление к «слушанию университетских лекций» (здесь число учащихся доходило до 900), которая «погорела в 1812 г. и с тех пор не восстанавливалась»; Казанская, основанная по образцу Московской в 1758 г., в которой большое значение придавалось изучению восточных языков (тюркские, калмыцкий и др.) «в виду соседства Казани с инородцами в Казанской губернии».

План И. И. Шувалова, представленный им Сенату еще в 1760 г., о необходимости учредить гимназии во всех знатных городах, хотя и был одобрен, но ему суждено было осуществиться только в 1804 г., когда появился первый общий устав гимназий и училищ. С этого собственно и начинается существование российских гимназий (тогда было открыто 43 гимназии и 422 уездных училища).

В курс собственно гимназий по Уставу 1804 г. входили:

Чистая математика (алгебра, геометрия, тригонометрия), прикладная математика и опытная физика;

История с мифологиею и древностями, география и статистика;

Философия (логика, всеобщая грамматика, психология и нравоучение), изящные науки (эстетика и риторика) и политические науки (политическая экономия, право естественное и право народное)

Естественная история, «начальные основания наук, относящихся к торговле», и технология

Латинский язык

Немецкий язык

Французский язык

Рисование

Закон Божий, Русская грамматика, арифметика и чистописание не были включены в этот курс, потому что проходились в уездных училищах, причем Закон Божий вел не священник, а один из учителей.

Пункты этого первого устава настолько хороши и красноречивы для характеристики тех идей, с которыми создавалась первая гимназическая система, что я решил привести большие фрагменты этого удивительного документа. Многие из этих идей будут вскоре опротестованы властью и только в шестидесятых годах отчасти восстановлены. Наиболее же разительные контрасты обнаруживаются при сравнении этих уставов с положением современной школы.

Итак, согласно этого первого устава (пункт № 3) гимназии должны были открываться в каждом губернском городе, при этом цели гимназического образования были вполне в духе гуманистических просветительских идей, а именно:

«П.4 Учреждение Гимназий имеет двоякую цель: 1) приготовление к Университетским наукам юношества, которое по склонности к оным или по званию своему, требующему дальнейших познаний пожелает усовершенствовать себя в Университетах; 2) преподавание наук... тем, кои, не имея намерения продолжать оныя в Университетах, пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека. (...)

П.14 В Гимназию принимаются всякого звания ученики, окончившие науки в уездных училищах... либо дома, если только имеются достаточные сведения к продолжению наук, преподаваемых в Гимназиях».

Хотелось бы остановиться на 28 пункте, посвященному проведению школьных экскурсий. Мы знаем, что уже гораздо позднее – на рубеже XIX – XX вв. в России стало интенсивно развиваться экскурсионное движение, которое после революции обрело как бы второе дыхание. Как писали видные представители этого метода: «Экскурсия, по точному значению этого слова, есть действительно «исход» из догматических рамок просветительской работы ... «исход» на то самое место, где изучаемое явление может быть непосредственно наблюдено и обследовано. При этом для метода не важно как далеко и долго продолжается экскурсия... Экскурсии могут быть загородные, музейные, но мы не привыкли думать, что с таким же правом могут быть предприняты экскурсии по двору, в родном саду и даже в собственной комнате (*очевидно, последняя фраза написана под впечат-*

лением книги Ксавье де Меестра «Путешествие по моей комнате»⁸⁴.) Во всех случаях характерной особенностью экскурсионного метода является то, что он отказывается от посредничества книг и предпочитает читать не печатную книгу, а «живую книгу природы»...»⁸⁵. И вдруг оказывается, что задолго до этого общественно-педагогического движения подобные идеи были заложены в первом гимназическом уставе. Однако последующие административные вмешательства, как в университетскую, так и в гимназическую жизнь, похоронили это положение на несколько десятилетий, причем настолько глубоко, что никто из лидеров нового экскурсионного движения не обмолвился о том, что уже существовало до них. Вот этот пункт: «П. 28 Дабы лучше соединить Теорию с Практикою и дать ученикам ясное понятие о многих предметах, которые они проходили в классах, учителя, преподающие Математику, Естественную Историю и Технологию, должны с более успешными из своих учеников ходить во время вакаций за город, сие послужит тем ученикам некоторым награждением. Учитель Математики... показывает им в сих прогулках различные роды мельниц, гидравлических машин и других Механических предметов... Учитель Естественной Истории и Технологий собирает травы, различные роды земель, камней и изъясняет их свойства и отличительные признаки. В зимнее время, сей же учитель с частию своих учеников осматривает в городе Фабрики, Мануфактуры и мастерские художников, дабы предметы, которые он преподает по сей части, объяснить практикою; ибо рисунки и описания не могут дать ясного и достаточного о том описания».

Следующие пункты интересны тем, что в них оговариваются те принципы, к которым так стремилась советская школа, противопоставляя их гимназическим, речь идет о бесплатном образовании, доступным для каждого: «П. 38 Учитель, всех приходящих в класс учиться его предметам, должен обучать, не требуя от них никакой платы за учение; при самом же

⁸⁴ «Я предпринял и совершил сорока двудневное путешествие по всей моей комнате... Удовольствие, находимое в путешествии по своей комнате, не подвержено беспокойной зависти людей, оно не зависит от счастья... Какие выгоды имеет этот образ путешествия, например, для больных? Им нечего будет бояться перемены воздуха и годовых времен; трусы безопасны от воров, они не повстречаются ни с пропастями, ни с болотами... И так дерзайте, следуйте за мною все те, которых неудача в любви, разрыв дружбы удерживают в ваших покоях, удаляя от низости и вероломства людей». *Меестр, Ксавье де. Путешествие по моей комнате. /Ксавье де Меестр. - СПб., 1802. гл.1 – 2. Через год вышло продолжение: Новое путешествие по моей комнате. - СПб., 1803.*

⁸⁵ *Завадовский, Б. М. Внешкольные биологические экскурсии. (Материалы к теории и практике внешкольных экскурсий). / Б. М. Завадовский. - М.:Л., 1924. - С.7.*

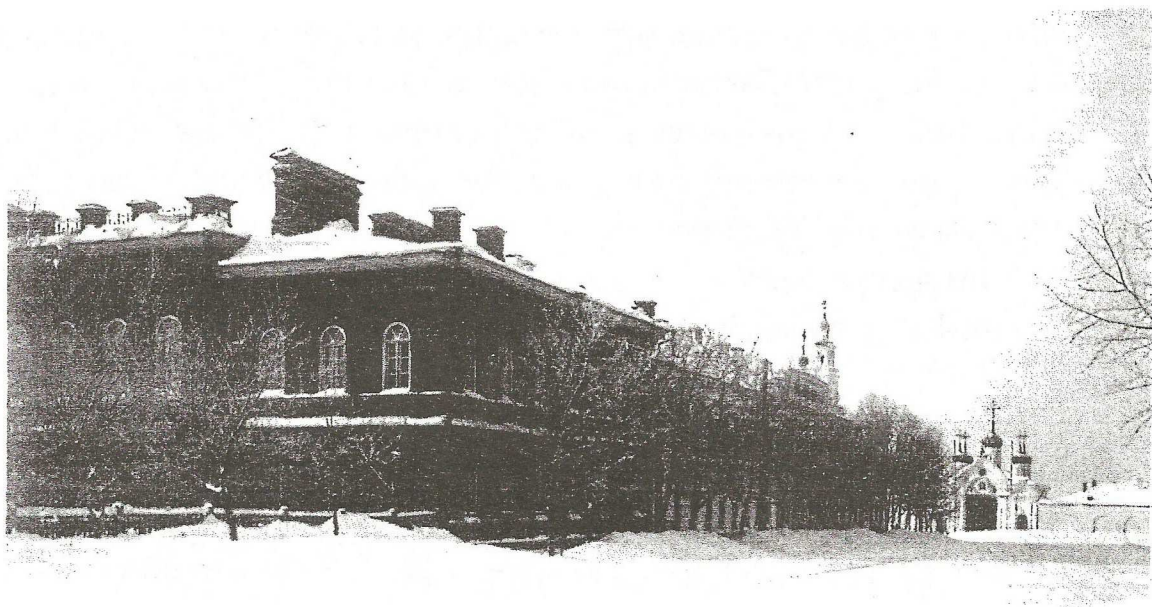
учении не должен пренебрегать детей бедных родителей, но всегда иметь в памяти, что он приготовляет членов обществу».

Нельзя пройти и мимо следующих пунктов, в которых декларируются те принципы отношения учителя к ученикам, о которых значительно позже писал Л. Толстой, как о том, чего нет в школьном обучении, но что составляет его сердце: «П. 40 Он (*учитель*) должен стараться всеми силами, дабы ученики преподаваемые им предметы понимали ясно и правильно; быть терпеливым и исправным и полагаться больше на свою прилежность, нежели на чрезмерный труд учеников своих. Для малолетних детей он старается сделать учение свое легким, приятным и более забавным, нежели тягостным.

П. 41 При наставлении всех учащихся... учитель должен стараться более о образовании и изошрении их разсудка, нежели о наполнении и упражнении памяти, не теряя из виду главного предмета юношеского наставления, состоящего в том, чтобы приучить детей к трудолюбию, возбудить в них охоту и привязанность к наукам, которая, по выходе из училища, заставила бы их пещись о дальнейшем усовершенствовании себя... и через то сделать их способными по всякому званию; особливо ж дать уму и сердцу их надлежащее направление, положить в них твердые основания честности и благонравия, исправить и преодолеть в них худые склонности.

П. 42 Учителя занимают у своих учеников место родителей; и по тому должны принять их чувствования, кротость, ласковость, терпение и внимание к их пользе, сердцу родителей свойственные. Строгость их не должна иметь в себе ничего суроваго, а благосклонность ничего мягкосердого, дабы не привлечь на себя ни ненависти, ни презрения.

П. 44 Первым предметом попечения учителя должно быть то, чтобы хорошо вызнать свойства и нравы детей, дабы можно было лучше управлять ими; он должен стараться с самого начала взять власть над детьми, состоящую в некотором преимущественном виде, внушающем к нему почтение, любовь и повиновение. Он должен... руководствовать ко всякому добру своими речами и примерами».

Гимназія. СІМБІРСКЪ

Здание Симбирской гимназии. Фото конца XIX в.

Интересны многочисленные частные обязанности учителей Гимназии. Фактически они сводились к организации научных исследований силами преподавателей гимназии, что было особенно актуально ввиду незначительного количества ученых в России того времени: «П. 51 Дабы История Российского Государства имела со временем достоверные памятники, откуда бы можно было заимствовать доказательства происшествий, относительно к распространению наук, учителям Гимназии... надлежит общим трудом вести записку заведенным и впредь заводимым училищам... В такой записке означать точно год и число, когда и в чье царствование основаны сии училища, при каком Министре, Попечителе, Директоре, при каких именно Смотрителях и учителях... показывая, где сии учителя учились, откуда они родом... Вообще описывать тут успехи наук в Губернии, замечая состояние и приращение книгохранилища и собрания естественных вещей и прочих пособий при училищах... Описание сие продолжать ежегодно, и приготавливая за каждый год к 1 числу список оного в Университет, посредством Попечителя коего доходит оный в Главное Правление училищ; другой же список хранить в Библиотеке Гимназии, внеся оный в роспись книг.

П. 52 Препоручается также учителям Гимназии... вести Исторические, Метеорологические, Топографические и Статистические записки о Губерниях, включая в оные, сведения о земледелии, времени посева и жатвы, о свойствах земли, употребляемых при землепашестве орудиях и других предметах... Сей труд относится к числу посторонних обязанностей учителей, за которые они имеют ожидать особенной награды, если оный будет достоин уважения. Университет дает подробные по сему предмету наставления учителям».

Устав 1804 г. в дальнейшем неоднократно корректировался, первоначально графом С. С. Уваровым, который в 1811 г. ввел в программу Закон Божий и русский язык, а цель гимназии ограничил подготовкой к поступлению в университет. Но и этого показалось мало, несовместимость точки зрения правительства и просветителей на предназначение гимназий привели к тому, что при Николае I были разработаны более жесткие требования. Главным недостатком, как считали тогда, было: «Громадное множество самых разнообразных предметов, сравнительно малое число учебных часов... все это сообщало гимназическому ученью по Уставу 1804 г. поверхностный энциклопедический характер... Эта роскошь полупознаний, по удачному выражению одного из наших государственных людей, была самою капитальною ошибкою Устава Гимназий 1804 года».⁸⁶

Важнейшие изменения по Уставу 1828 г. были следующие:

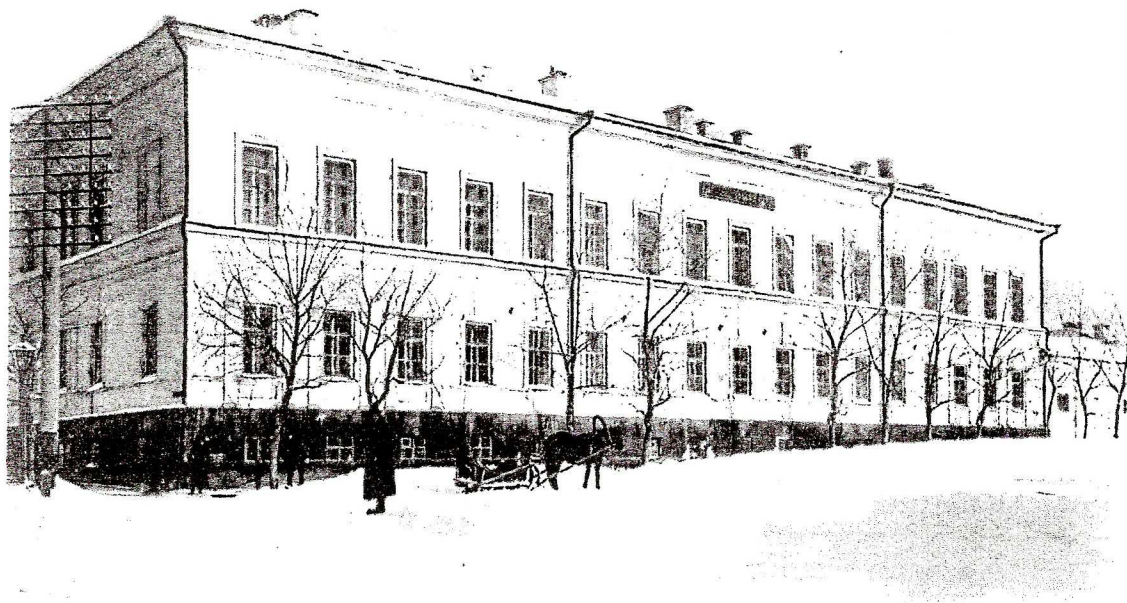
Гимназия была образована из 7 классов, с семилетним курсом (вместо 4-хлетнего).

В гимназическом курсе были сделаны некоторые сокращения, именно: исключены естественные науки, кроме физики, и все части прикладной математики, усилено изучение латыни и немецкого языка введением их преподавания с 1 класса, и предположено обучать греческому языку в гимназиях, состоящих при университетах.

Были введены телесные наказания, замененные потом розгами, «как пристойнее»⁸⁷.

⁸⁶ Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). - 1864. - С.1335.

⁸⁷ Понадобилось несколько десятилетий борьбы общества против этого пункта, чтобы педагогика конца XIX века вернулась к тому, что уже было зафиксировано в Уставе 1804 года. О перипетиях этой борьбы см., например, у Добролюбова (Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами // Добролюбов Н. А. Избр. пед. соч. - М., 1986. - С. 211 – 233).

Гимназический пансион. Фото начала XX в.

19 ноября 1864 г. появился новый Устав о гимназиях, значительно видоизмененный и дополненный Уставом 19 июня 1871 г. По этим уставам средние учебные заведения оказались подразделены на классические и реальные гимназии (с 1871 г. реальные гимназии были переименованы в реальные училища). Эти два направления гимназического образования составили предмет не менее оживленной дискуссии российской общественности, чем мы видели по университетскому вопросу.

Реальное образование отдавало предпочтение изучению новых языков, естественнонаучным дисциплинам и математике. Выпускники реальных училищ должны были для поступления в университет сдавать вступительный экзамен по латыни, в то время как выпускникам классических гимназий для этого предоставлялось право беспрепятственного поступления в любые высшие учебные заведения.

Итак, посмотрим, что же дает (или, точнее, может дать при правильной постановке) классическое образование.

Первое – это возможность нравственного воспитания» что, как считал В. В. Розанов, не доступно реальному образованию⁸⁸.

⁸⁸ «Образование реальное не воспитательно; будучи даваемо с отроческих лет и до поры возмужалости, оно, конечно, неизмеримо увеличивает количество содержащегося в душе, но заме-

Во-вторых, изучение древних языков (в первую очередь латинского) лежавших в основе современных, упрощенных по своему синтаксису и грамматике новоевропейских языков, выполняет «формально-образующее» значение, развивая личностное мышление, по мнению Розанова, даже лучше, чем математика⁸⁹.

В-третьих, историко-культурную роль древних языков и произведений античной культуры невозможно заменить изучением современных достижений европейской культуры, построенной на основе наследия античности. В той мере, насколько мы осознаем себя частью общеевропейской культуры, мы должны понимать, что творчески включаться в эту культуру можно только через осмысление исходных идеалов. Печальной особенностью отечественной культуры является то обстоятельство, что довольно часто в истории России прагматические интересы одерживали верх над необходимостью знания истоков европейской культуры. Как писал Чаадаев: «Мы, придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию (...). У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам Бог весть откуда»⁹⁰.

Как можно оценить качественную сторону того образования, которое в конечном итоге воспитало множество известных имен в российской науке? В этой связи любопытно взглянуть на учебный процесс глазами гимназиста, о чем так хорошо представлено в русской мемуарной литературе. В частности, о своем пребывании в 1871 – 1873 гг. в Симбирской гимназии вспоминал В. В. Розанов:

«Масса учеников, 3/4 или 4/5, были реалистами текущего момента... Робкая, смиренная, недалекая, ленивая душа этих учеников, смесь сатиры

чительно, что оно почти не изменяет при этом самой души, не утончает ее требований, не вызывает ее стремлений, не делает более чуткой или отзывчивой при восприятии». *Розанов, В. В. Сумерки просвещения. / В. В. Розанов. - М., 1990. - С. 59.*

⁸⁹ «В новых языках западных нет в собственном смысле склонений, т. е. нет этих варьирующихся в зависимости от смысла предложений, как это есть в латинском, и притом в таковом обилии (...) Те языки беднее, чем смысл, который через них хотелось бы и возможно выразить (...) два склонения вместо латинских пяти, нет того богатств, времен и наклонений (...). Без сомнения, для самих римлян изучение латинского языка не имело формально-методической значимости (...) она возникла только тогда, когда римляне умерли и язык их остался как мертвое наследие – по неутребительности, но живое по сохраненной в нем логике, духу...». *Розанов, В. В. Сумерки просвещения / В. В. Розанов. - М., 1990. - С. 244.*

⁹⁰ *Тарасов, Б. Н. Чаадаев. / Б. Н. Тарасов. - М., 1990. - С. 450.*

и идиллии, снизу вверх с необозримым страхом взирала на как бы железную крышу всяческих «властей» и подавленная, думала только об исполнении. Исполнение – оно скучно, сухо. Это «учеба уроков» и «хорошее поведение». Нужна и поэзия: поэзией и утешением, грубее – развлечением для них служили драки, плутовство, озорство, ложь, обман, в старших классах – кутежи, водка и тайный ночной дебош. Как заключение этого подготвления, как награда за скучные учебные годы давалась и получалась «казенная служба», такая или иная, смотря по выбору, склонностям, успехам и связям или общественному положению родителей. В основе все это было лениво и косно. Было формально и без всякой сути в себе. Тоже удачно было это названо «белым нигилизмом». Тут не было ни отечества, ни веры, но формы «отечества» и «веры» были. Стояли какие-то мертвые скелеты... и им поклонялись ... без порыва, без идеала, без «будущего» в смысле мечты... Общую внешнюю чертою, соединявшею этих людей было **отсутствие чтения**»⁹¹.

Оркестр гимназистов. Фото начала XX века

Думаю, что Розанов, при всей его любви к ярким и насыщенным образам, не сильно преувеличил истинное положение дел и далеко не все вы-

⁹¹ Розанов, В. В. Русский Нил/ В. В. Розанов // Сумерки просвещения... - С. 561 – 562.

пускники гимназий могли составить основу для поддержания научной традиции.

Действительно, если попытаться хотя бы грубо оценить качество гимназического образования по тому критерию – какое количество гимназистов продолжало учебу в отечественных университетах, то получается следующее: из российских гимназий к концу XIX века ежегодно выходило около 8 тысяч человек, а во всех университетах училось (в 1900 г.) 16497 студентов и 1109 вольнослушателей (если учесть, что число первокурсников составляло около 25% от общего состава), то получается, что в университет поступало меньше половины всех выпускников гимназий. И хотя часть выпускников гимназий уезжала на учебу в европейские университеты, но это количество вполне перекрывалось выпускниками реальных училищ (в это время выпускалось около 4 тысяч «реалистов»). Причем, судя по процентному соотношению распределения студентов по факультетам⁹² (1899 г.) – юридический 43,1%, медицинский 28,1%, физико-математический 22,9%, историко-филологический 5%, значительная часть студентов ориентировалась на практическую, а не на научную деятельность.

Роль Симбирской гимназии в исследованиях края

Каков был вклад в изучение Симбирского Поволжья преподавателей Симбирской гимназии? При рассмотрении этого вопроса следует учитывать довольно меткое замечание одного из историков гимназии Агринского, который писал: «Даровитые люди вообще не оставались долго преподавателями в Симбирской гимназии и старались составить себе карьеру на ином поприще деятельности. Причиной этого являются следующие – в первую очередь материальная необеспеченность учителей, заставляющая влачить его жалкое существование...»⁹³ – слова более чем актуальные сегодня, спустя столетие. Действительно, в Симбирской гимназии работали в разное время многие блестящие преподаватели, оставившие след в разных областях науки, однако большинство из них получили научное признание уже за стенами гимназии. Такова, к примеру, судьба замечательного русского астронома и математика Дмитрия Матвеевича Перевощикова, став-

⁹² Милуков, П. Университет / П. Милуков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. - СПб., 1902.

⁹³ Агринский, А. С. Симбирская гимназия (1809 – 1909): Историческая записка. / А. С. Агринский. - Симбирск, 1909. - С. 20 – 21.

шего впоследствии экстраординарным академиком АН (по отделению чистой математики). Перевощиков с 1809 по 1816 гг. работал в Симбирской гимназии в должности старшего учителя математики и физики, в 1812 – 1813 гг. Как свидетельствует историк Агринский: «Перевощиков первый положил начало метеорологическим наблюдениям при Симбирской гимназии, которые только в 30-х годах были введены в качестве обязательных занятий преподавателям физики в гимназиях Казанского учебного округа»⁹⁴. Результаты наблюдений доставлялись в Казанский Университет. Перевощиков внес много предложений по усовершенствованию учебного процесса, однако большая часть его предложений так и осталась на бумаге.

В это же время в Симбирской гимназии работало несколько преподавателей, проводивших научные исследования. Это Успенский Дементий Васильевич, преподаватель естествознания в Симбирской гимназии в 1809 – 1816 гг. Он подготовил гербарий местной флоры. Соловьев А.М. (род в 1791 г.), который в 1814 – 1816 гг. преподавал историю, географию и статистику. Написал диссертацию «Обозрение Российской истории» на степень адъюнкта, которую в 1816 г. представил в Казанский Университет. Известно, что он после 1818 г. вышел в отставку, далее следы Соловьева теряются.

В 1838 – 1857 гг. в гимназии работал Верниковский Иван Антонович – преподаватель истории и латинского языка. «Питомец некогда знаменитого Виленского университета, поляк, католик, Верниковский, за патриотически-польское юношеское увлечение в числе других был выслан из Западного края, попал в Казань, ... потом, после польского восстания был отправлен в Вятку, служил в тамошней гимназии учителем французского языка. О Верниковском в «Былое и думы» упоминает Герцен как об ученом ориенталисте, друге Мицкевича и Ковалевского... Из Вятки Верниковский перешел в Симбирскую гимназию, где он был последовательно учителем латинского языка, инспектором, и директором. Впоследствии был переведен директором одной из Харьковских гимназий и там в 60-х годах окончил свой жизненный путь»⁹⁵.

В 1860-е годы преподавал математику, метеорологию, астрономию инспектор гимназии Панов В. П. Известно, что он проводил систематиче-

⁹⁴ Агринский, А. С. Симбирская гимназия ... / А. С. Агринский. - С. 20. Согласно уставу 1828 г. эти наблюдения были вменены в обязанность учителю физики и с 1835 г. при Симбирской гимназии производились систематически 4 раза в сутки (записывались показания барометра, температуры воздуха и направление ветра).

⁹⁵ Агринский. Симбирская гимназия ... / А. С. Агринский. - С. 8 – 9.

ские метеорологические наблюдения, таблицы наблюдений посылал в Главную географическую обсерваторию.

С 1858 года по 1862 год в гимназии преподавал выпускник Казанского Университета Михаил Васильевич Арнольдов (1834 – после 1870). Уволенный в отставку за распространение среди воспитанников герценовского «Колокола», он устраивается на работу секретарем губстаткомитета, где он проработал с 1863 по 1867 год. В эти годы он осуществил ряд поездок по губернии, подготовил к изданию 4 выпуска «Материалов для истории и статистики Симбирской губернии», опубликовал ряд краеведческих статей в местной и центральной прессе. В 1869 г. он уехал в качестве учителя русского языка в Тифлис. Дальнейшие следы его теряются.

Здание частной женской гимназии в Симбирске

С 1866 г. в гимназии стал преподавать географию, статистику, этнографию, педагогику Ауновский Владимир Александрович (1835 – 1875), ученый-этнограф, выпускник физико-математического факультета Главного педагогического института. В 1872 г. он был утвержден директором учительской семинарии в с. Порецкое Алатырского уезда Симбирской губернии, в 1874 – директор Псковской учительской семинарии. Во время своего пребывания в Симбирске он вел большую научную работу, был действительным членом Симбирского губ. статкомитета и его секретарем, сменив на этом посту М.В. Арнольдова. Им были опубликованы: Истори-

ческий очерк Симбирской губернии, Историко-статистический очерк городов и уездов Симбирской губернии, Этнографический очерк мордвы-мокши и др., под его редакцией были изданы Памятные книжки Симбирской губернии (1868, 1869), Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии (1868), Симбирский сборник (1870).

Иван Яковлевич Христофоров (1836 – 1892) – преподаватель истории и греческого языка Симбирской гимназии. Родился в семье дьякона, закончил Казанскую духовную академию в 1862 г., во время обучения в Академии был близко знаком с профессором Казанского университета историком Щаповым, который определил во многом характер научных интересов Христофорова. В 1865 г. он был назначен в Симбирскую гимназию. Активно занимался исследованием документальных источников по истории края, в частности, им было подготовлено и опубликовано более 200 грамот XVII – XVIII вв. из архива рода Тенишевых, описаны старинные рукописи и грамоты из собрания Карамзинской библиотеки (опубликовано сообщение в Трудах 4-го археологического съезда), разобраны документы, относящиеся к начальному этапу русской колонизации края: «Юго-Восточная граница Московского государства» (Симбирские Губернские Ведомости – 3.02.1876); «Исторические акты, относящиеся до обращения в христианство при царе Федоре Алексеевиче инородцев» (Симбирские Губернские Ведомости – 1880); «Исторические документы для колонизации Симбирской губернии» (Вестник Симбирского Земства – сентябрь, 1887); подготовлено «Историческое исследование о значении аристократии в общественной жизни» (Симбирские Губернские Ведомости – 11.03.1872), а также «Очерки из истории Симбирской Гимназии с 1809 года по 1825 год» (Симбирск, 1875).

Занимался историей и краеведением Агринский Александр Семенович, преподаватель истории и географии, выпускник Казанского Университета, автор исследования «Симбирская гимназия (1809 – 1909): Историческая записка» (Симбирск, 1909).

Отдельная тема – это роль бывших воспитанников Симбирской гимназии в российской науке, многие из которых стали впоследствии видными учеными в различных областях знания. Здесь можно только перечислить такие известные имена, как зоологи Модест Богданов и Михаил Дмитриевич Рузский, орнитолог Сергей Александрович Бутурлин, антрополог, член Русского Географического общества Сергей Михайлович Чугунов, палеонтологи Константин Андреевич и Георгий Константинович Кабановы, гео-

логи Игорь Степанович Рогозин и Дмитрий Ефимович Перкин, хирург и офтальмолог, академик АМН СССР Владимир Петрович Филатов, хирург, член-корр. АМН СССР Борис Владимирович Огнев, физик Игорь Курчатов, поэт и философ Велимир Хлебников, философ Василий Васильевич Розанов, талантливый библиограф, сотрудник Пушкинского Дома Александр Сергеевич Поляков и ряд других. Необходимо упомянуть и тех выпускников гимназии, кто внес существенный вклад в развитие симбирского краеведения и среди них, в первую очередь, тех, чьими усилиями создавался Симбирский естественно-научный музей: геолог и путешественник Глеб Степанович Рогозин (1890 – 1923), а также ботаник, географ и талантливый педагог Владимир Иванович Апраксин (1895 – 1958), воспитавший не одно поколение краеведов и натуралистов.

«Universitatis magistrorum et scholarorum»

Вспомним, что означает само понятие «университет» и как происходило становление первых университетов в России?

Слово «университет» часто связывают с понятием «универсальный», т. е. всесторонний, однако происхождение его объясняется характером сообщества тех ученых и студентов, которые и образовали первые европейские университеты еще в средние века⁹⁶. «Землячество (сообщество, корпорация) учителей и учеников» могло и не иметь собственного помещения, а занятия проходили на квартирах. Показательно в этом отношении, что один из отечественных авторов по краеведению Н. К. Пиксанов, начиная свою книгу «Областные культурные гнезда»⁹⁷, говорит об удивлении русских путешественников в Йене, которые в поисках здания Йенского университета слышали, что такого в городе нет. Впоследствии они выяснили, что одного здания и не существует, а сам университет разбросан по частным квартирам профессоров по всему городу. Точно так, начиная с эпохи средних веков и Возрождения, существовали многие другие университеты европейских городов. Более того, университеты могли странствовать (впрочем, также как и многочисленные странствующие студенты того

⁹⁶ «Всякое товарищество, купеческая ганза, или гильдия, или торгово-промышленный цех в средние века назывался universitas (напр. universitas civium – городская коммуна) в виду чего члены вольной школы, как представители педагогического и ученого ремесла, стали называться universitas studii, universitas magistrorum et scholarorum или просто universitas studentum, т. к. термином studentas обозначали безразлично учителей и учащихся». Готлиб, А. Университет / А. Готлиб. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIV а. - С. 751.

⁹⁷ Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда. / Н. К. Пиксанов. - М.; Л., 1928.

времени – «ваганты»), подбирая себе тот город, в котором были более удобные условия для существования.

В российских университетах был несколько иной порядок. Вспомним, как происходило становление отечественной университетской системы. К началу XIX века в Российской империи существовали три университета: Виленский, Дерптский и Московский, в 1804 г. открываются еще два – Харьковский и Казанский, а в Петербурге учреждается Главный Педагогический институт, преобразованный в 1819 г. в университет. Еще позднее, в 1834 г., в Киеве, в противовес закрытому правительством Виленскому университету (в силу его католических пристрастий), создается Университет св. Владимира, задуманный как своеобразный форпост православной культуры на юго-западных границах Российского государства.

В этом процессе формирования университетского преподавания реформаторы ориентировались на опыт классических немецких университетов. Организованные по образцу университетов Германии (что нашло яркое отражение в уставе 1804 г.), российские университеты получили значительные возможности самоуправления. Это вполне соответствовало исходным принципам европейского университета, в которых, как мы знаем по опыту средневековых университетов, даже ректор мог выбираться из числа студентов. В соответствии с этим уставом 1804 года организация хозяйственных дел и преподавания полностью зависела от совета университета – автономной корпорации профессоров. Члены университета подчинялись собственному суду, изменить решения которого мог лишь Сенат.

Как уже отмечалось, образцом для российских университетов начала XIX в. служили университеты протестантской Германии с их свободой преподавания и учения. Однако как объясняют историки, по ряду политических причин, из которых основной было заключение в 1815 г. Священного Союза, взгляды Главного правления училищ переменились, и решено было преобразовать учебные заведения по идеалу, созданному Священным Союзом, в основу которого была положена клерикальная система образования, принятая во Франции и Австрии. Следствием чего стало усиление идеологического давления на учебные заведения. В Манифесте от 24 октября 1817 г. было заявлено о реформе народного просвещения в России: «... желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения, признали мы полезным соединить дела по Министерству Народного Просвещения с делами всех вероисповеданий, в состав одного управления под названием Министерства Духовных Дел и Народного

Просвещения. Само собой разумеется, что к оному присовокупляются и дела Св. Правительствующего Синода».

В 1818 г. князь А. И. Голицын начинает новый этап реформ учебных заведений, целью которого была ликвидация либеральных начал. В 1819 г. в университетах учреждаются кафедры богословия и начинается преподавание Закона Божия в гимназиях. Отныне все направления российского просвещения должны были соотноситься с религией. Целью образования объявлялось достижение согласия между верою, ведением и властью, или, другими выражениями, между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским. Особенная осторожность рекомендовалась по отношению к книгам по философии и естествознанию. Все преобразования сводились к одной цели: изгнанию опасного духа философского вольномыслия и установлению согласия между верою, ведением и властью.

Осуждению российских чиновников подверглись многие немецкие университеты, и прежде всего «опаснейшие во всей Германии»: Гейдельбергский, Йенский, Вирцбургский, Гессенский, Берлинский, а также Кенигсбергский университеты. Насколько отличалось мнение об университетах в это время, можно судить, например, по записке А. С. Стурдзы о современном положении в Германии, в которой говорилось, что немецкие университеты – «это средневековые развалины, несовместимые с учреждениями и потребностями нового времени, будучи скопищем людей без цели, образуя государство в государстве зараженным духом корпоративности, исключительности, они близки к разложению. Их поддерживает только заманчивая прелесть академической свободы. Только решительная, коренная реформа университетов может обещать лучшую будущность Германии. Для пресечения вопиющего зла необходимы следующие меры: 1. Уничтожение всех привилегий, присвоенных университетам в средние века и несообразных с современным положением государств. 2. Подчинение студентов городской полиции. 3. Начертание плана учения по каждому отделу наук с точным обозначением, какие именно предметы обязан слушать студент и притом не по собственному выбору, а по определению совета. 4. Корпорация профессоров должна быть рассматриваема как совещательное собрание».

Здание Мариинской гимназии в Симбирске. Фото начала XX века

Надо думать, что поскольку подобный проект не удалось осуществить по отношению к германским университетам, то в полной мере он был реализован в России.

С начала 20-х гг. начинает меняться идеологическая атмосфера в университетах, отношение к немецкой философии и так было настороженным, особенно это касалось учения Шеллинга, а теперь оно становится активно враждебным. В 1821 г. в Петербургском университете после так называемого «профессорского дела» был отстранен от преподавания философии А. И. Галич. История этого «профессорского дела» довольно известна. Попечитель петербургского учебного округа и университета Д. П. Рунич при поддержке попечителя Казанского университета Магницкого и министра Народного просвещения А. Н. Голицына поручил директору Санкт-Петербургского университета Д. А. Кавелину тайно взять у студентов Отделения философских и исторических наук конспекты. Голицын и Рунич увидели в студенческих конспектах преступление против религии, власти и народа. Особенно четко их взгляды на систему образования и на роль философии в просвещении русского народа, видны по неопубликованной рукописи Рунича «О народном обучении в России до кончины императрицы Екатерины II; в царствование императора Петра I; и ко времени учреждения министерств в царствование императора Александра I». В частности, он писал: «... одно вольнодумство, развившееся через чтение ино-

странных книг, не могло убить духовного начала в людях, не отняв у них через теории философии пантеистической и материалистической коренных сил Духа... От всех несчастий общество удерживалось вплоть до того, как стали учреждаться университеты по «образцам Протестантским»... Теории права, политические и исторические – системы пантеизма и материализма могут подлежать исследованиям глубокой учености и многолетней опытности; но отнюдь не должны входить в университетское и школьное преподавание».

Вскоре было созвано чрезвычайное собрание правления и конференция университета, на которой профессора Э.-В. Раупах, Ж.-Ф. Деманж, А. И. Галич и К. И. Арсеньев, К.Ф. Герман, Ф.-Б. Шармуа были обвинены в преступлениях против государства и религии. Несмотря на протесты целого ряда профессоров (Балугьянского, Грефе, Соловьева, Чиждова и Плисова), собрание признало «учение всех четырех преподавателей вредным. Самих преподавателей неблагонадежными и опасными». Относительно А. И. Галича Рунич заметил, что он потерял себя через пристрастие к внушенному ему в Германии лжемудрию. В результате были уволены профессора Э.-В. Раупах, Ж.-Ф. Деманж, К. И. Арсеньев, К. Ф. Герман, Ф.-Б. Шармуа. Галичу было предложено перейти на другую должность.

Дальнейшие изменения российского университетского устава происходили по линии усиления правительственного и религиозного контроля над университетской жизнью и содержанием учебных программ. Так, в Уставе 1835 года университеты оказались подчиненными непосредственно попечителям учебных округов. Университетские власти (ректор, деканы) хоть и оставались выборными, однако срок их полномочий увеличился от одного года до четырех лет, для усиления их административного значения. Судебные права в рамках университетов были отобраны вовсе, а инспектора над студентами более не выбирались советом университета, а назначались попечителем учебного округа из посторонних лиц. Для студентов вводились внешние правила поведения и определенная форма. В программах были сделаны изменения с целью ослабить теоретические основы и усилить прикладной характер преподавания⁹⁸ (очень похожие изменения

⁹⁸ Подобная узкоприкладная направленность университетского образования дала повод для внутренней полемики художника (чеховского героя из «Дома с мезонином») с распространенной в его время философией малых дел («дело надо делать»): «Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, — они ищут правды и смысла жизни, ищут бога, душу, а когда их пристегивают к нуждам и злобам дня, к аптечкам и библиотечкам, то они только осложняют, загромождают жизнь. У нас много медиков, фармацевтов, юристов, стало много грамотных, но совсем нет биологов, математиков, фи-

происходили во время советской реформы университетского образования в начале тридцатых годов). Обязательным предметом для всех факультетов стало богословие и действующее право.

Итак, налицо был *принудительный* («добровольно-обязательный») характер российской университетской системы, что было заметно задолго до того, как развернулись описанные события. Вместе с тем, как отмечал сторонний наблюдатель, у вновь испеченных университетов обнаружился и другой «врожденный порок»: «При отсутствии общественного спроса на научные знания массовое насаждение учебных заведений было занятием бесполезным и разорительным... так попытка основания школы юриспруденции, стоившая казне немалых денег (студентам помимо стипендии оплачивали жилье), окончилась полным провалом – преподаватели, выпитые из-за границы, приходили в пустые аудитории /.../ А во времена, именуемые нами варварскими, Парижский университет насчитывал 4000 студентов, являвшихся со всех частей Европы учиться на свои деньги /.../ Все самые ученые академии Европы ... начинались со свободных собраний нескольких частных лиц, побуждаемых любовью к наукам, а вовсе не волей правительства /.../ К науке не летят, к ней ползут на коленях. /.../ Наука, подобно порядочной женщине, не сдается без долгих ухаживаний»⁹⁹.

По всей видимости, этот «врожденный порок» университетского образования в России так и не был преодолен. В частности, даже полвека спустя Пирогов писал, что русские университеты «продолжают быть учебными учреждениями, приспособленными преимущественно к образованию людей должностных на службу государству»¹⁰⁰. Действительно, здоровое честолюбие можно приветствовать, но очевидно, что оно явно отличается от бескорыстного стремления человека к истине. Но это значит, что и люди будут выходить другие из этого рода университетов.

Могла ли сама система университетского обучения при такой постановке выражать свободный дух споров и диспутов, несмотря на все внеш-

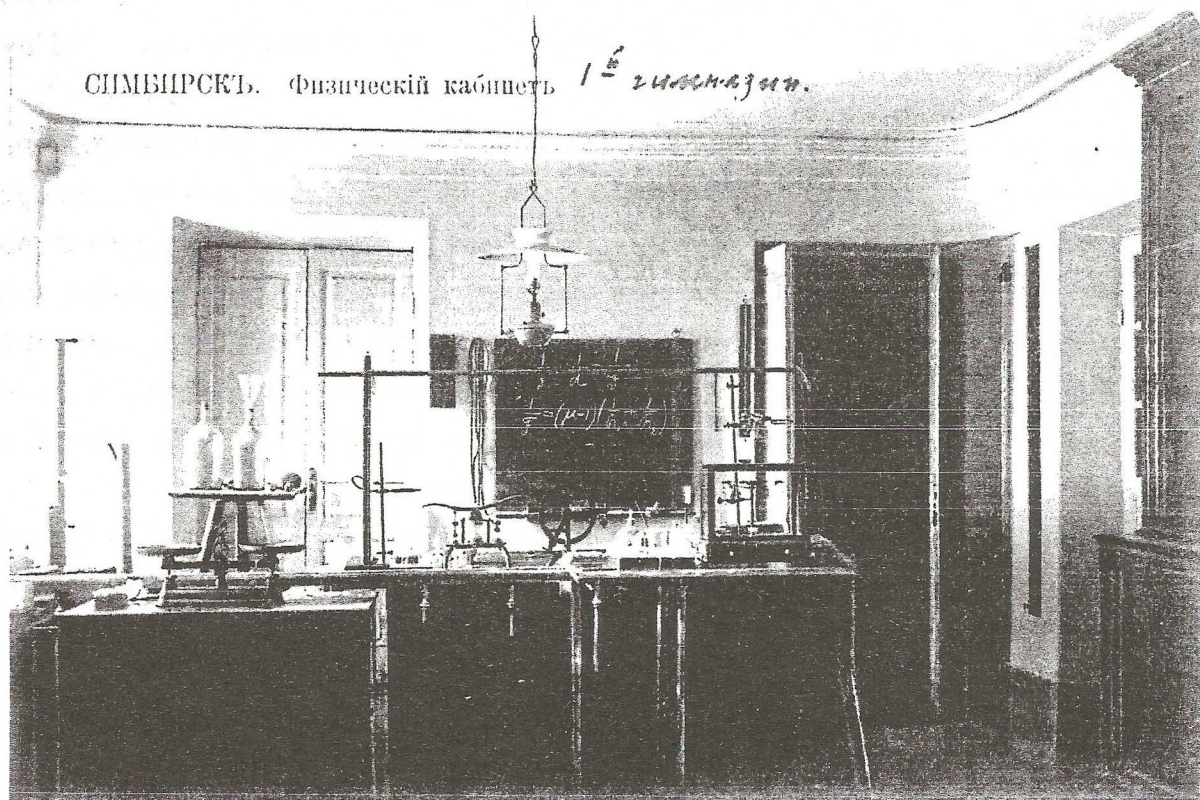
лософов, поэтов. Весь ум, вся душевная энергия ушли на удовлетворение временных, преходящих нужд...».

⁹⁹ Ж. де Местр. Петербургские письма. 1803 – 1817. / Ж. де Местр. - СПб., 1995. - С.139, 197.

¹⁰⁰ Пирогов, Н. И. Избр. пед. соч. / Н. И. Пирогов. - М., 1953. - С. 151. И далее: «наши университеты до того привыкли считать себя государственными учреждениями, что все их внимание сосредоточилось на одну подготовку для государства людей с дипломами, званиями и правами на чины, а на просвещение края и общества, они смотрят как на дело вовсе постороннее». Там же. С. 352. Сравните также высказывание известного публициста Бабста: «что такое наши университеты – школы ли, где за хорошее учение и добропорядочное поведение дают чины, где готовятся люди для государственной службы, или это высшее учебное заведение, всем открытое, с полною свободою преподавания, без которой немислимо развитие науки». Бабст, И. К. От Москвы до Лейпцига. / И. К. Бабст. - М., 1859. - С. 63.

ние ограничения и полувоенную цензуру? Как ни удивительно, но, несмотря на все цензурные рамки, свобода мысли все-таки пробивалась через сам предмет изучения, находя основания в студенческом образе жизни.

Здесь можно сослаться на воспоминания писателя И. А. Гончарова о студенческих годах в Московском университете: «Программы, инструкции бессильны против свободы науки. Сжатая в учебных классах, как река в тесных берегах, она с университетской кафедры изливается широким и вольным потоком. Между профессором и слушателями устанавливается живой ток передачи жадному вниманию из ее откровений, истин, гипотез. Этой свободы не дают или не давали другие из высших гражданских, военных или духовных заведений. Я не говорю, чтобы свободе этой не полагалось преград: страх, чтобы она не окрасилась в другую, т.е. политическую краску, заставлял начальство следить за лекциями профессоров, хотя проблески этой, не научной, свободы проявлялись более вне университета; свободомыслие почерпалось из других, не университетских источников»¹⁰¹.

Физический кабинет Симбирской мужской гимназии

¹⁰¹ Гончаров, И.А. Собр. соч./ И. А. Гончаров. – М., 1952. – Т.7. – С. 246 – 247.

В отличие от правительства российская общественность возлагала на университеты основные надежды на просвещение всей страны¹⁰²: «Прямое назначение наших университетов, это быть маяками, разливать свет на большие пространства»¹⁰³. Во многом именно благодаря влиянию общественного мнения период гонений на университеты закончился в эпоху Александра II. Новый университетский Устав был принят 18 июня 1863 года. Центральной идеей этого устава было признание автономии профессорской корпорации. Но произошло ли при этом превращение университетов в «маяки» просвещения? Получилось как раз то, чего так опасалось правительство: долго сдерживаемое цензурой свободомыслие приобрело поневоле политический характер. Известный историк педагогики Б. Саймон, размышляя над этим вопросом, писал: «Когда в начале XIX века русской монархии понадобился рациональный и надежный механизм подготовки крупных и мелких чиновников для того, чтобы управлять огромной страной, за образец была принята прусская система образования. /.../ Однако результат этой политики едва ли оправдал возлагавшиеся на нее надежды. Из стен учебных заведений действительно выходили служащие, адвокаты, врачи, военные. Но при этом в среде студенчества стихийно росли свободомыслие и массовый радикализм, что повлекло за собой крупные студенческие волнения, а затем и последующие события 60-х годов прошлого века»¹⁰⁴.

При таком положении дел в университетской жизни не удивительно, что в 1884 году принимается очередной устав, главной характеристикой которого было ограничение университетского самоуправления. Была восстановлена власть попечителей учебных округов над университетами. Ректор перестал быть выборным, а стал назначаться министром народного просвещения (в это время министром был И. Д. Делянов), университетский суд был уничтожен. Повышение заинтересованности студентов предполагалось решать изменением учебного процесса. В частности, новым уставом отменялись должности штатных доцентов и был введен институт приват-доцентов, которые предлагали курс по выбору и читали лекции за соответствующий гонорар. Но, как это часто бывает, административное решение этого вопроса так и осталось только на бумаге, поскольку гонорар оказы-

¹⁰² «Престиж университетов в глазах шестидесятников был особенно велик потому, что научно-образовательную функцию они сочетали с просветительной». *Эймонтова, Р. Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. / Р. Г. Эймонтова. - М., 1993. - С. 83.

¹⁰³ *Пирогов, Н. И.* Избр. пед. соч... / Н. И. Пирогов. - С. 352.

¹⁰⁴ *Саймон, Б.* Общество и образование. / Б. Саймон. - М., 1989. - С.14 – 21.

вался распределяемым совершенно независимо от достоинств курса и преподавателя, а соответствовал численности студентов на факультете и положению предмета в испытательной программе. Как язвительно замечал человек, знавший эту систему не понаслышке: «Никакая конкуренция не могла возникнуть между экзаменатором, читающим «обязательный» предмет, и добровольцем-преподавателем, который бы захотел объявить параллельный «необязательный» курс по тому же предмету»¹⁰⁵. А потому факультативные дисциплины «по выбору» оказывались лишь возможными.

Не удивительно, что искусственно создаваемые ограничения принципам свободомыслия и университетского самоуправления привели к неуклонному росту активного противостояния студентов и администрации в борьбе за право на свободу научной мысли. Студенческие «беспорядки», начиная с 1884 года, стали все более организованными и, охватывая все большие регионы – в 1887, 1890, 1894, 1896, 1899, 1900, 1901 годах, – явились движущей силой революций 1905 и 1917 гг.

Размышляя о причинах, по которым научной традиции все-таки удалось сохраниться, несмотря на все перипетии политической борьбы, Вернадский делает просто ошеломляющий вывод: «Не традицией и не преемственностью поддерживалась непрерывность хода научного развития в России; она достигалась тем, что в стране постоянно возникали новые ростки научной мысли и научной деятельности, заменялись погибшие. Эти ростки всходили на неблагоприятной почве, часто гибли при самом своем зарождении, но брали **своим количеством** и непрерывностью появления. Процесс шел, как стихийный природный процесс: *рост научной работы поддерживался постоянным перевесом рождения над смертью*»¹⁰⁶.

Как это и случалось не раз в нашей стране, победа оказывалась результатом численного превосходства. Другими словами, несмотря на жесткую позицию государства по отношению к инакомыслию, в России к середине XIX века складывается необходимая «критическая масса» в интеллигентной среде для осуществления «цепной реакции» научного воспроизводства. Что же являлось тем основанием, которое позволяло преодолевать деструктивную составляющую политического режима?

¹⁰⁵ Миллюков, П. Университет. / П. Миллюков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. - СПб., 1902. - С. 797.

¹⁰⁶ Вернадский, В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. Гл. 1.3 Отсутствие преемственности и традиции. / В. И. Вернадский. - М., 1993.

Причин этому несколько, а именно:

во-первых, в России к середине века уже существовало минимально достаточное количество гимназий, которые были исходно ориентированы на подготовку к университетскому образованию и тем самым был обеспечен постоянный приток новых потенциальных исследователей;

во-вторых, нужно учитывать существовавшую тогда, несмотря на цензуру, возможность постоянного общения с западноевропейским научным сообществом, а также возможность выпускникам российских гимназий беспрепятственно поступать на учебу в европейские университеты (достаточно было лишь аттестата зрелости);

в-третьих, сюда можно отнести факт существования многих научных обществ, проводивших исследовательскую работу, как правило, в более независимых условиях, чем университеты;

в-четвертых, в это время проходило довольно активно создание того культурного пространства как в столицах, так и в провинции, которое необходимо для самостоятельного развития личности (библиотеки, музеи и т. д.);

и, наконец, следует учитывать своеобразный эффект «отрицания отрицания», когда в результате действия цензуры и диктата в учащихся рождалось и закалялось сильное желание выйти за пределы этого мира, построенного по бюрократическим предписаниям, в надежде найти недостающую свободу и гармонию в мире науки, построенном на законах разума.

Научные сообщества

Первым научным обществом в России, возникшим по частной инициативе, видимо, следует считать *Вольное экономическое общество* (1765 г.), которое, как мы видели, было организовано при поддержке правительства, однако в дальнейшем существовало самостоятельно. Это единственное научное общество, сохранившееся с XVIII до XX века, несмотря на постоянно возобновляющиеся попытки правительства превратить это свободное общество в подчиненное. После 1917 года это старейшее автономное научное сообщество претерпело судьбу многих других либеральных учреждений.

Расцвет научных обществ приходится на время реформ Александра II. Динамика роста научных обществ показывает, что если в 1856 г. по всей

стране насчитывалось около 20 – 25 обществ, то уже через 25 лет их количество перевалило за 200 (вместе с медицинскими обществами), а к концу века общее число научных обществ достигало 340.

При всех ограничениях свободы научного творчества мы должны констатировать, что духовная атмосфера в России 60-х годов, с характерными для нее просветительскими идеями и горячей верой в знание, обеспечила науке сравнительно прочное общественное внимание и поддержку. Многочисленные дискуссии, происходившие в прессе, значительно повлияли на университетскую реформу, которая в свою очередь заметно содействовала возникновению многих научных обществ.

В 1867 г. открылся Первый съезд русских естествоиспытателей. Организационные хлопоты взял на себя физико-математический факультет Петербургского университета. В ближайшие два года после I съезда *общества естествоиспытателей* начали действовать при Петербургском (1868), Казанском (1869), Харьковском (1869), Киевском (1869) и Новороссийском (1870) университетах. В продолжение этой традиции в 1882 году было открыто общество естествоиспытателей в Варшавском университете и в 1889 – в Томском и Юрьевском. В неуниверситетских городах также стали открываться такие общества: *общество для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении* – в Ярославле (1864 г.); *Уральское общество любителей естествознания* – в Екатеринбурге (1870 г.); *естественно-историческая секция* Петровского общества исследования Астраханского края в Астрахани (1874 г.); *общество естествоиспытателей и любителей природы* – в Саратове (1895 г.); *общество любителей исследования Алтая* – в Барнауле (1891 г.).

В 1864 г. по инициативе видного археолога и общественного деятеля графа А. С. Уварова (1825-1884) было основано *Московское археологическое общество* для изучения и охраны отечественного историко-культурного наследия. «В начале XX века в обществе насчитывалось около пятисот действительных членов и членов-корреспондентов ... в своей деятельности члены общества занимались не только Москвой. По существу это было Всероссийское общество изучения и охраны историко-культурного наследия»¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Фролов, А. И. Из истории становления музееведческих центров России / А. И. Фролов // Музей и власть. Сб. науч. тр. под ред. Каспаринской С. А. Ч. 2. - М., 1991. - С. 65.

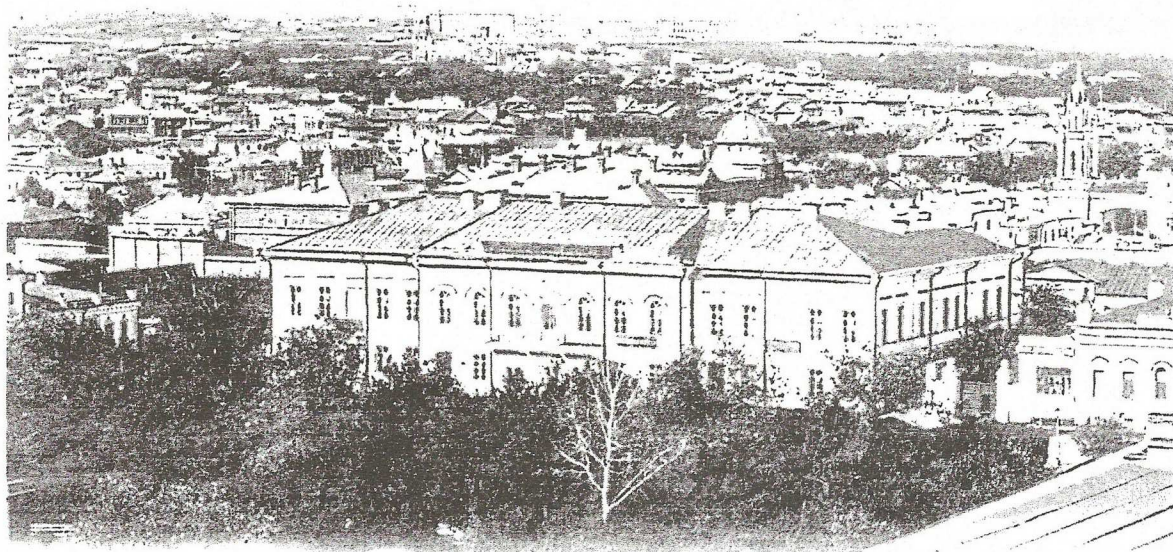
Появилось несколько новых исторических обществ. При Харьковском университете – *Историко-филологическое* (1876), при Казанском – *Казанское общество археологии, истории и этнографии* (1878). Еще раньше в Казани было открыто *Казанское общество любителей словесности* (1812 г.). В Астрахани было открыто *Петровское общество исследователей Астраханского края* (1874 г.). С 1874 года стали открываться по инициативе академика Н.В. Калачова общественные научные организации – *губернские ученые архивные комиссии*. Кроме этого, необходимо отметить, что в годы действия нового университетского устава в России состоялось шесть археологических съездов.

На седьмом археологическом съезде с докладом «Областные музеи» выступила председатель Московского археологического общества П. С. Уварова. В ее докладе было подчеркнуто служение российских музеев «образовательным целям» и проведена мысль о том, что только «учреждению музеев запад обязан распространением просвещения среди масс, воспитанием вкуса публики, развитием искусств и промышленности, равно как и большею любовью к истории и археологии страны»¹⁰⁸.

На этом же съезде рассматривался «Проект положения для губернских и областных музеев». Именно тогда начинает отчетливо формулироваться идея превращения провинциального музея в научное учреждение. В указанном проекте ясно определена главная цель музейной деятельности: «Музей должен сделаться ученым центром для окружающей его местности». Согласно проекту предполагался широкий круг задач для осуществления этого замысла: «Это не только заботы «внутримuseumного характера», но и составление «археологической карты» тяготеющего к музею региона, создание научной библиотеки по краеведческой проблематике, сбор сведений о всех находках и научных открытиях, сделанных в регионе... без научно-исследовательской функции музея... все музейное дело в целом обречено на жалкое прозябание»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Цит. по Фролов. Указ. соч... С. 68.

¹⁰⁹ Там же. - С. 69.

Симбирск. Общий вид. Фото начала XX века

Действительно, история провинциальных естественнонаучных и краеведческих музеев дает нам множество свидетельств, когда именно музеи эффективно выполняли задачу научного центра по изучению территории. Причем их можно рассматривать как своего рода университеты, которые не только проводили исследовательскую работу, но в значительной степени и просветительскую, оказываясь одновременно научно-образовательными центрами. Наряду с музеями подобные задачи в провинции выполняли гимназии, библиотеки и губернские научные сообщества, такие как статистические комитеты и ученые архивные комиссии. Именно в результате их совместной деятельности была создана научная база, включающая в себя комплексное знание об истории и географии того или иного региона, были собраны и опубликованы документы XVI – XVIII вв., относящиеся к первым этапам русской колонизации территорий, многие из которых были затем утрачены в ходе социальных потрясений XX-го века. Стали доступны и труды тех одиночек-энтузиастов, которые работали в провинции, начиная с конца XVIII века и в первой половине XIX века.

Одной из самых значительных инициатив, повлиявших на все последующие поколения симбирян, безусловно, было открытие Карамзинской общественной библиотеки, которая фактически с самого начала стала выступать в роли научного и просветительского центра провинции. Рассмотрим, как это происходило.

Библиотеки как российские университеты

Библиотеки, как известно, возникли задолго до появления первых университетов. Значение их в просвещении трудно переоценить, поскольку, как верно заметил Виктор Шкловский, библиотека – это лаборатория человеческой мысли.

В Древней Руси была развита традиция собирательства книг: собирали свои библиотеки и цари, и аристократия, и монахи, и даже крестьяне. С появлением Академии Наук появляются и первые специальные библиотеки. Екатерина II первой высказала идею о создании публичной библиотеки в столице, как писали тогда по этому поводу: «не оставила обратить прозорливого внимания своего и на такой важный недостававший еще в России важный источник народного просвещения, которые представляют публичные государственные библиотеки или открытые для всех книгохранилища»¹¹⁰. Именно публичный характер первой национальной библиотеки способствовал превращению ее во «второй российский университет, который кончали почти все, составившие славу русской науки»¹¹¹. Однако, несмотря на всю необходимость библиотек для развития просвещения, идея открытия публичных библиотек в российской провинции возникает лишь в XIX веке и принадлежит знаменитому адмиралу Н. С. Мордвинову¹¹², бывшему тогда президентом Вольного экономического общества. В апреле 1830 г. Мордвинов обратился в письме к министру внутренних дел с предложением принять необходимые меры по открытию в губернских городах библиотек, которые могут содействовать «народному про-

¹¹⁰ Цит. по кн.: Российская национальная библиотека 1795 – 1995. - СПб., 1995. - С.11.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Мордвинов Николай Семенович (1754 – 1845) – яркий представитель либерализма, во многих отношениях был замечательной личностью, чего стоит лишь тот факт, что он единственный из всех членов Верховного суда, кто отказался подписывать смертный приговор декабристам. В 1823 г. он был избран председателем Вольного экономического общества и сохранял это звание до 1840 г.

свещению, усовершенствованию общежительности и взаимного народного богатства».

Симбирск. Фото начала XX века

Очевидно, что необходимо определенное время с того момента, когда идея была сформулирована и высказана, до ее реализации. В случае с этой идеей понадобилось в разных городах от одного до нескольких десятков лет. В первой половине XIX века были открыты библиотеки в Одессе (при непосредственном участии князя М. С. Воронцова), Воронеже, Тамбове, Самаре, Нижнем Новгороде, Саратове, Вятке, Харькове, Рязани. Каждая из них открывалась, как правило, благодаря энтузиазму отдельных лиц. И в этом отношении достаточно показательна судьба Карамзинской общественной библиотеки, которая может по праву считаться первым университетом Симбирска.

Первоначально здесь, как и во многих иных городах, идея библиотеки была поддержана лишь на бумаге. Реализация этой идеи стала возможной главным образом благодаря усилиям семьи Языковых. В «Симбирских Губернских Ведомостях» можно прочесть по этому поводу: «Известно, что основание Симбирской Общественной Карамзинской Библиотеки положено двумя Симбирскими дворянами, Петром Михайловичем, уже скончав-

шимся, и ныне живущим в Симбирске Александром Михайловичем Языковыми, в честь Русского Историографа Н. М. Карамзина, как Симбирского Дворянина, которого она и носит название с Высочайшего соизволения Карамзинской и из уважения к памяти их брата, Русского Поэта, Н. М. Языкова, от которого они получили эту Библиотеку. Покойный поэт нередко при жизни говорил о необходимости завести в Симбирске Общественную библиотеку и это было любимой его мыслью, почему по кончине его, братья покойного и поспешили передать его собственную библиотеку в общественное пользование (2325 томов) ...Почетный Член Библиотеки А. М. Языков до сих пор не перестает выписывать новые сочинения в Библиотеку, на свой счет, и постепенно увеличивать ее независимо от ежегодных в нее взносов членами, доставляя и просвещенным читателям, и любознательным простолюдинам духовную пищу»¹¹³.

Попытаемся оценить, что значит это детище Языковых для жизни города. Что представлял собой провинциальный Симбирск в начале прошлого века? Наверное, не будет большим преувеличением привести здесь слова молодого Николая Языкова: «Симбирск – это болото человеческих глупостей»¹¹⁴, или высказывание мужа его сестры, морского офицера А.Д. Валуева: «Если бы я должен был вечно жить в Симбирске, то скорее согласился бы быть лошадей, чем симбирским дворянином»¹¹⁵.

При такой атмосфере общественной жизни становится понятным тот восторг, с каким А. М. Языков сообщал В. Д. Комовскому¹¹⁶ о первых впечатлениях после открытия библиотеки: «Читают уже двадцать человек дома с залогами и сорок постоянно в комнате библиотеки. Петр Михайлович пишет, что чрезвычайно умирительно и отрадно видеть в Симбирске сорок человек, сидящих вместе и читающих! – У нас можно сидеть вместе ежедневно и более сорока человек, но за картами. Дворянство же Карамзинской Библиотекой не пользуется, оно удерживает за собой карты, а книги уступает низшим классам народа – черта истинно аристократическая и современная!» (письмо от 5.5.1848).

¹¹³ Симбирские Губернские Ведомости. - 20.X.1862.

¹¹⁴ Языковский архив. Вып. 1. //Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. - СПб., 1913. - С. 408.

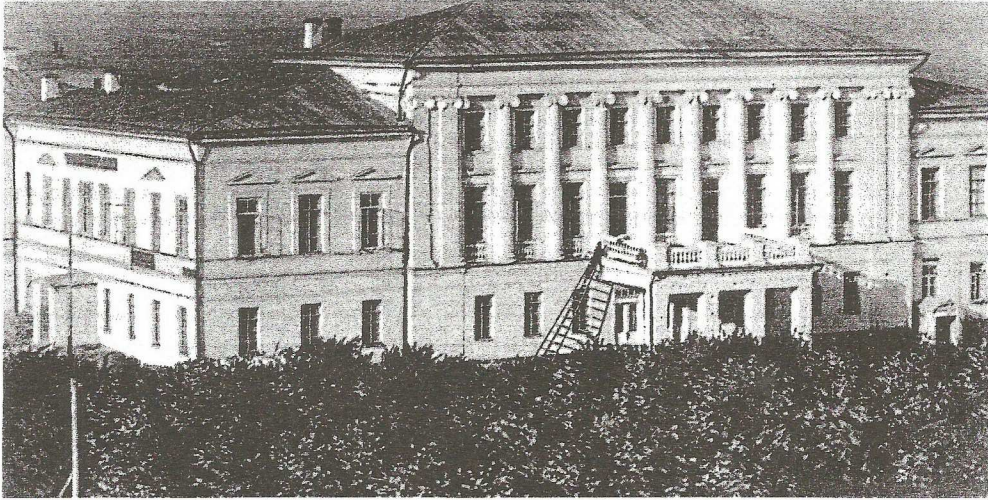
¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Комовский Василий Дмитриевич (1803 – 1851) – близкий друг семьи Языковых еще по периоду учебы старших братьев в Петербурге, переводчик ряда учебников (Немецкая грамматика, Учебник греческого языка), а также эстетики Шлегеля; занимал в конце 30-х годов пост директора канцелярии министра народного просвещения; археолог, председатель археографической комиссии.

Сорок человек, читающих в Симбирске! Нам может показаться наивным подобный восторг, поскольку сегодня такими цифрами нас не удивить. Но долгое время эта цифра определяла круг активных читателей в Симбирске. Так, например, М. П. Погодин, посетивший Симбирск в 1850 году, писал: «Библиотека беспрестанно умножается книжными вкладами, но читателей всего человек 50, и то большей частью семинаристы и мещане; дворянам некогда: с утра до вечера мужчины в клубе, а дамы по домам играют в карты! (...) Из книг библиотеки берут больше книги духовные и исторические, а из литературных произведений читают только Гоголя и Лермонтова». С этим замечанием Погодина вполне согласуются данные и по другим провинциальным библиотекам: к примеру, в Рязани – 3200 посещений за весь 1859 г., в Вятке – 14342 за 1862 г. К тому же, как пишет современный исследователь: «Публичные библиотеки посещали в основном семинаристы и гимназисты, важно и то, что круг чтения провинциальной молодежи был необыкновенно серьезен – от статей по естествознанию до специальных социологических и философских исследований»¹¹⁷.

Очевидно, что появление публичной библиотеки не способно в короткие сроки изменить нравы и духовные запросы городских жителей. Однако без постоянной возможности общения с мыслями и чувствами великих авторов прошлого и настоящего невозможно никакое духовное развитие; без работы с книгами невозможно рождение новых идей. Безусловно, далеко не все жители открывают для себя библиотеку как нечто важное и необходимое в их жизни, но в этом одно из великих преимуществ облагораживающего действия любой библиотеки – она не навязывает свои сокровища и коллекции, библиотека умеет ждать своего читателя, пусть даже многие годы.

¹¹⁷ Козляков, В. Н. Культурная среда провинциального города / В. Н. Козляков, А. А. Севастьянова. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. - М., 1998. - С. 165.

Карамзинская общественная библиотека в Симбирске.

Фото начала XX века

Можно предположить, что открытие общественной библиотеки в Симбирске потребовало от всей семьи Языковых изрядного мужества и сил. Отчасти об этом свидетельствует и переписка А. М. Языкова с В. Д. Комовским, относящаяся к этому времени. Уже в начале 1846 г. Языков сообщает: «Сегодня здешний Губернский предводитель представил в Министерство Проект о заведении в Симбирске Публичной библиотеки. (...) Помещение уже готово. Доставка книг для чтения желающим очень подвинет вперед просвещение нашего дикого края и освежит умы и сердца, плесенью невежества покрытые» (Письмо от 23.02.1846.) В том же письме Языков просит Комовского взять под покровительство утверждение данного проекта, а также просит прислать примерный устав «подобных заведений». 16.06.1846 г. Языков пишет: «Весть о библиотеке меня порадовала; авось и в Симбирске станут читать и просвещаться; право жаль смотреть на дикий застой, который у нас царствует. Заведение это мы поддержим, станем руководить и помогать... В нашем Богом спасаемом граде учреждена еще библиотека при клубе; тут получают много Журналов и почувствовали необходимость в книгах».

Еще через год (26.05.1847) Языков сообщает, что открытие библиотеки отложили до 1.12.1847 – дня рождения Карамзина. В течение этого времени интенсивно собираются книги и пожертвования – «книг множество и денежных жертв на первый случай довольно. Е. А. Карамзина прислала все сочинения ее мужа, в Москве почти все живые писатели дали Панову по

экземпляру своих творений» (письмо от 15.16.1847). Для библиотеки необходимы были не только книги и средства, братья занимаются и вопросами оформления читального зала, в частности, договариваются о бюстах Карамзина, И. И. Дмитриева и брата Николая. В основном всеми организационными вопросами занимаются Языковы: «Брат П(етр) М(ихайлович) все занимается учреждением Карамзинской библиотеки и почти все подготовил к открытию; теперь идет составление каталогов и прочее. Начальство и дворянство помогает плохо; все надобно делать насильно и с большим трудом. Заведение, которое в образованном государстве встретило бы общее и радушное участие всех, здесь не вживается и может держаться только неотвязчивою силой двух-трех беспокойных просветителей...» (письмо от 3.09.1847). К 1 декабря 1847 года в библиотеке собралось более 4000 книг. Из них 2325 томов книг Н. М. и П. М. Языковых, вся библиотека П. Н. Ивашева, пожертвованная его дочерьми Языковой, Ермоловой, Хованской и Дроздовской (546 томов). 22 тома сочинений Карамзина прислала его жена. Книги И. И. Дмитриева, Д. В. Давыдова, И. А. Гончарова, С. Т. и К. С. Аксаковых и других прислали авторы или их родственники. Е. П. Языкова пожертвовала 372 тома, академик Погодин – 92 тома, десятки томов от организаций и немногих местных лиц. К марту 1848 года все было готово к открытию библиотеки, и 18 апреля библиотека была торжественно открыта. Спустя три года в библиотеке уже более 5000 книг, 380 читателей, из них более половины – разночинцы и учащиеся гимназий и семинарий.

Пожар 1864 года (19 августа) уничтожил все, что было сделано с таким большим трудом. Сгорел фонд, свыше 10 тыс. книг и рукописей, погибли бюсты Карамзина, Дмитриева, Н. М. Языкова, портреты Карамзина, Н. М. и П. М. Языковых, Н. И. и А. И. Тургеневых, В. П. Сологуба, И. А. Гончарова, Д. В. Давыдова, Д. П. Ознобишина. 8 сентября собрался комитет библиотеки под председательством Василия Петровича Языкова, который постановил «восстановить библиотеку на прежних основаниях и открыть 1 декабря 1865 г.». В. П. Языков доложил об этом министру просвещения и просил содействия, вошел в обширную переписку с учеными лицами и обществами, с редакторами журналов и книгопродавцами, с городскими головами больших городов, прося их содействия восстановлению библиотеки. В «Московских ведомостях» было сделано воззвание ко всей России о таковом же содействии.

Обращение в центральной печати, а затем и инициатива библиотечного Комитета об объявлении всероссийской подписки на составление неприкосновенного капитала библиотеки, было отпечатано в количестве 5

тыс. экземпляров и разослано по всем правительственным и начальственным местам России. После этого со всех концов страны стали поступать многочисленные, хотя и не так значительные, денежные пожертвования. К 15 апреля 1867 г. капитал библиотеки составлял уже 6,5 тыс. рублей. Неприкосновенный капитал постепенно вырастал и доход от процентов шел на обустройство библиотеки. Все это сделало библиотеку одной из лучших в стране (к 1892 году Симбирская библиотека оказалась самой обеспеченной в российской провинции¹²⁰). На 1 декабря 1866 года библиотека располагала уже 8000 экз. книг и периодических изданий на русском, немецком, французском, латинском, греческом, английском, итальянском, еврейском, арабском и санскритском языках.

Откуда же поступали книги в качестве дарений в библиотеку? Это были пожертвования от учреждений и обществ: от Министерства народного просвещения, общества русских литераторов, Археологического общества, библиотеки Генерального штаба, Воронежской библиотеки, Академии Наук, Казанского университета и др. Поступали книги от частных лиц: от крупных книжных продавцов (Смирдина, Федорова, Сеньковского, Исакова и др.), от издателей журналов, от царской семьи (125 экз. «эльзевиров», комплект Морского сборника и др.). Передали свои личные библиотеки Иван Александрович Гончаров, Владимир Николаевич Карамзин (сын знаменитого историка), московский купец С. Д. Сырейщиков (950 томов) и многие другие замечательные симбиряне или люди, каким-то образом связанные с Симбирском.

В 1874 г. умер А. М. Языков, заботившийся о библиотеке до последних дней. Он завещал библиотеке 3212 томов, а в следующем году его сыновья и дочери пожертвовали библиотеке 2400 р. По выражению Н. И. Никитиной, «Языковы явились поистине добрыми гениями библиотеки»¹²¹. Только до пожара ими было пожертвовано, по примерным подсчетам не менее 5300 книг и более 3000 р., после пожара – более 3000 р. и 4000 книг. В течение почти 50 лет Языковы вели большую работу в качестве Председателей Комитета библиотеки, не только не получая за свой труд, но и еще в качестве членов комитета давали ежегодные денежные взносы.

Создание публичной библиотеки в Симбирске связало живой цепочкой идеи западноевропейского просвещения через тех русских профессо-

¹²⁰ Приведем соотношение количества книг и бюджета в наиболее крупных публичных библиотеках того времени: Одесская – 73,5 тыс. томов, 8500 руб.; Самарская – 36,6 тыс. томов, 12000 руб.; Воронежская – 33, 4 тыс. томов, 3990 руб.; Нижегородская – 28,5 тыс. томов, 8946 руб.; Карамзинская – 28,3 тыс. томов, 19800 руб.

¹²¹ Никитина, Н. И. Симбирская Карамзинская библиотека. // Рукопись из фонда краеведческого отдела Ульяновской областной научной библиотеки.

ров, что учились в Германии в начале XIX века, и затем через Языковых, с жизнью провинциального Симбирска.

Напомним, что одним из этих профессоров был тот самый А. И. Галич, с именем которого было связано «профессорское дело». Галич оставил прекрасные воспоминания о себе у лицеистов, когда он временно замещал преподавателя латыни в Царскосельском лицее. Он познакомил своих учеников не только и не столько с древней грамматикой, сколько с волнующими историями из жизни древних философов¹²⁰.

Александр Михайлович Языков не учился в лицее, но, будучи учеником Горного кадетского корпуса в Петербурге, слушал философские лекции у Галича у него на дому¹²¹. И, хотя Александр Языков не стал философом в профессиональном отношении, однако он смог воспринять и воплотить просветительские идеи в виде создания общественной библиотеки в Симбирске. Кроме того, под влиянием Александра его младший брат – поэт Николай Языков – собирался поступать в Петербургский университет, но в виду описанных событий в 1821 г. поступил в свобододлюбивый Дерптский университет на гуманитарное отделение. Напоминанием о занятиях Александра философией, в рукописном отделе Карамзинской библиотеки сохранились пять курсов лекций, записанные Языковым по рукописям А. И. Галича¹²².

¹²⁰ С 10 мая 1814 г. по 1 июня 1815 г. Галич заменял преподавателя Кошанского. Пушкин, любивший Галича, посвятил ему тогда три стихотворения: «Пирующие студенты» (1814 г.) и два послания в 1815 г. Галич выгодно отличался от своих коллег свободой в преподавании, о чем вспоминали сами лицеисты. Так, например, барон Корф, вспоминая о Кунице, писал: «... система его преподавания была самая негодная. При неимении в то время никаких печатных средств, он сам писал свои записки, а мы должны были их списывать и изучать слово в слово, совершенно в долбежку...». Грот, Я. Пушкин, его лицейские наставники и товарищи. / Я. Грот. - СПб., 1899. - С. 228. В то время как о Галиче вспоминали так: «Когда во время уроков приходилось иногда прервать занимательный разговор о том, о сем, то Галич, взяв в руки Корнелия Непота, говаривал: «Теперь потреплем старика». Там же. - С. 19.

¹²¹ В это же время, а это происходило где-то в период 1817 – 1821 гг., Галича слушали и некоторые из будущих декабристов. Что же касается занятий Языкова, то не сохранилось прямых упоминаний об этом в опубликованных документах. Однако есть ряд косвенных свидетельств. В частности, по воспоминаниям Свербеева: «Профессор Галич даже посвятил своему ученику Александру Языкову книгу в философии, за которую пострадал». Русский архив. – 1899. - № 9. - С. 142. Утверждение это сомнительно, возможно Свербеев перепутал этот факт с тем, что Языкову действительно посвящалась книга по философии, но не Галича, а «История древней и новой литературы» Фр. Шлегеля (СПб., 1829) в переводе В. Д. Комовского, но, по крайней мере, это свидетельство подтверждает факт тесного знакомства Языкова с Галичем. И тем самым объясняет факт появления конспектов лекций Галича в Карамзинской библиотеке.

¹²² Ульяновская областная научная библиотека, отдел редких книг и рукописей: № 54 «Введение в философию» и «Эмпирическая психология», № 55 «Логика», № 56 «Введение в эстетику», № 57 «Философское учение о добродетели», № 58 «Метафизика».

Спустя два десятилетия после открытия библиотеки в Симбирске учится Василий Розанов. Именно благодаря тому, что в это время в городе уже была прекрасная общественная библиотека, он смог в зрелые годы назвать этот город своей духовной родиной: «Вот, наконец, и вторая моя родина, духовная, нагорный Симбирск».¹²³ Далее он продолжает: «Да будет благословенна Карамзинская библиотека! Без нее я думаю, невозможно было бы осуществление этого «воскресения», даже если бы мы рвались к нему... «величественные и благородные люди города» установили прекрасное и местно-патриотическое правило, по которому каждый мог брать книги для чтения домой совершенно бесплатно, внося только 5 руб. залога ... Когда я узнал ... что книги выдаются совершенно даром, даже мне, такому неважному гимназисту, то я точно с ума сошел от восторга и удивления!.. «Так придумано и сколько доброты». Довольно эта простая вещь, простая филантропическая организация поразила меня великодушием и «хитростью изобретения»... это отделялось всего несколькими месяцами от времени, когда я уже читал Бокля и конспектировал «Физиологические письма» К. Фохта»¹²⁴.

Симбирск. Большая Саратовская улица (ныне ул. Гончарова).
Вознесенский собор

¹²³ Розанов, В. В. Русский Нил... / В. В. Розанов. // Сумерки просвещения. - С. 553.

¹²⁴ Розанов, В. В. Русский Нил... - С. 563 – 564.

Однако власти прекрасно понимали эту силу, скрытую в книгах, поэтому с 1867 г., в состав непеременимых членов библиотечного совета были введены директора гимназий по приказу министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, считавшего «что в библиотеках хранятся книги, которые по вредному для юношества содержанию своему не должны попадать в руки воспитанников учебных заведений». (Впрочем, судя по воспоминаниям Розанова, это не сыграло решающую роль в ограничении чтения.)

Интересно взглянуть и на социальный состав читателей библиотеки¹²⁷. Такой анализ проводился в Карамзинской библиотеке регулярно. В частности, в 1869 году из 30-ти тысячного населения города были следующие читатели: дворян – 45, чиновников и разночинцев – 283, купцов – 57, офицеров – 49, духовенства – 22, мещан – 97, учащихся – 265; в 1880 г.: дворян – 184, чиновников – 216, купцов – 149, офицеров – 49, духовенства – 39, мещан – 101, учителей – 50, учащихся – 299, крестьян – 31. Другими словами, всего около 3,5 % читающей публики в городе. Вот это один из выразительных штрихов к портрету общественного лица провинциальной жизни того времени.

Итак, научное сообщество в России формируется в течение XIX века благодаря усилиям довольно небольшого числа просветителей, как на государственном, так и на частном уровне. Причем, как правило, именно частные инициативы приводили к созданию тех учреждений образования и культуры, которые мы давно привыкли считать государственными.

Статистические исследования

Статистические исследования в XIX веке продолжали традицию сбора сведений о территории, проводившуюся еще Разрядным приказом, а также тех топографических описаний местности, которые, как мы уже видели, были распространены в конце предыдущего столетия. С появлением новых статистических органов изменяется лишь форма отчетности. С 1802 года, согласно манифесту Александра I об организации министерств, сбор статистических отчетов с мест поручается министерствам.

В 1811 г. при министерстве полиции¹²⁸ было основано *статистическое отделение*, на которое было возложено рассмотрение губернаторских

¹²⁷ По материалам рукописи: *Никитина Н.И.* Симбирская Карамзинская библиотека.

¹²⁸ Министерство полиции возникло в 1810 г., по мысли Сперанского оно должно было отвечать за внутреннюю безопасность государства, в 1819 г. это министерство было присоединено к Министерству внутренних дел.

отчетов и составление из них общих сводов. Министерство финансов собирало статистические сведения по вопросам государственного имущества, о численности государственных крестьян, о развитии горного и соляного дела, равно как и о внешней торговле, фабриках и заводах, внутренней торговле и промышленности, и о податях и сборах. В 30-х годах разработка статистического материала была распределена между министерствами внутренних дел, финансов и государственных имуществ.

В 1834 г. правительственным Указом были организованы губернские статистические комитеты, подчиненные Центральному статкомитету. Они были образованы в каждом губернском городе и имели своей задачей собирание и обработку статистических данных о количестве и качестве земель, народонаселения, о производительных силах губернии; кроме того, они должны были составлять подробные описания губерний, уездов и городов и препровождать в центральный статистический комитет по одному экземпляру своих изданий. Эти комитеты находились под председательством губернатора, кроме того, в состав входил помощник председателя, избираемый комитетами на три года из числа его членов, а также неперенные, действительные и почетные члены.

В число неперенных членов комитета входили: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, профессор статистики местного университета, если город университетский, городской голова и начальники отдельных ведомств в губернии по частям: финансовой, государственных имуществ, медицинской, гражданского ведомства, удельной, учебной; духовной, путей сообщения, горной.

Действительные члены губернских статистических комитетов избирались из «лиц, могущих быть полезными делу собирания и обработки местной статистики ... и уездные предводители дворянства; начальствующие учеными экспедициями или производящие временно и по поручению правительства какие-либо статистические изыскания и работы»¹²⁹.

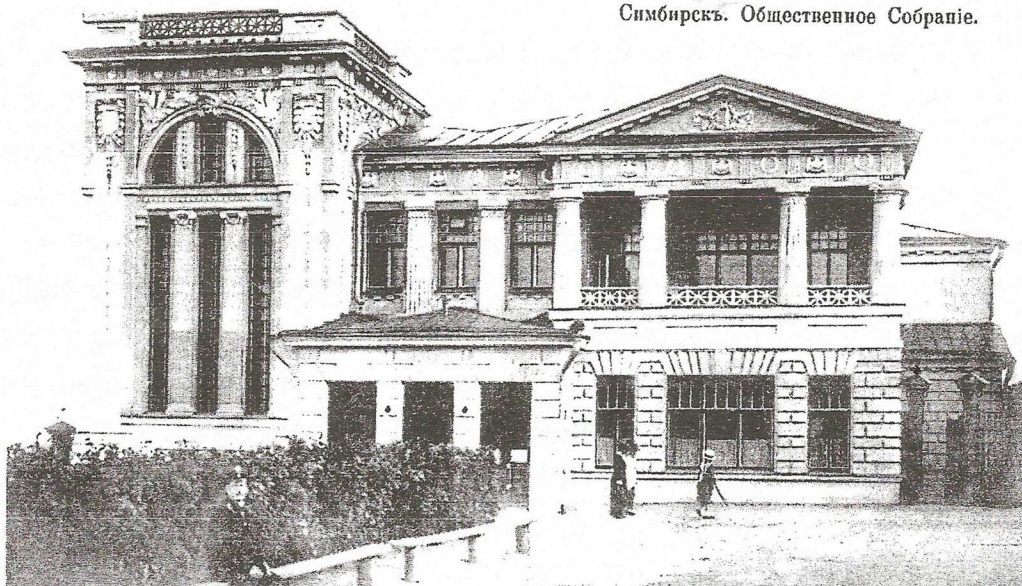
В число почетных членов комитета избирались «лица, приобретшие себе известность своими статистическими трудами или в значительной степени содействовавшие делу статистики своими материальными пожертвованиями; на почетных членов никаких обязанностей не возлагается, хотя правами они пользуются теми же, что и первые две категории членов. Ни время, ни число, ни порядок заседаний статистического комитета закон не определяет, говоря лишь, что обыкновенные собрания бывают в неопределенные сроки, по мере надобности и по назначению губернатора и что

¹²⁹ *Ивановский, В.* Государственное право. § 15. Губернские статистические комитеты/ *В. Ивановский* // Известия и ученые записки Казанского университета. - №5 - 1895. - № 11. - 1896.

в начале каждого года должно быть общее собрание комитета для выслушания отчета, представляемого секретарем, о занятиях комитета за истекший год»¹²⁸.

Одним из важных недостатков этой организации было отсутствие уездных статистических учреждений и специального персонала для статистических работ: «Полицейские и другие чиновники, на которых возлагается обязанность доставления в губернские статистические комитеты статистических сведений, смотрят на это дело как на совершенно им постороннее, не входящее в круг прямых их обязанностей, а потому по их мнению и не требующее особенного внимания; сюда часто присоединяется отсутствие всякого понимания и умения собирать и располагать статистические данные; недостаток времени заставляет относиться к делу исключительно формально — представлять сведения, мало думая о их достоинстве. Вот почему текущая административная статистика губернских статистических комитетов весьма мало заслуживает доверия; а так как эта статистика полагается в основание работ центрального статистического комитета, разрабатывающего данные для всего государства, то и этого рода работы, а вместе с тем и все вообще значение центрального статистического учреждения, имеют, в сущности, не большую ценность. Заслуживают внимания разве специальные работы и изыскания статистических комитетов, производимые на особые средства и по особым поручениям».

Симбирскъ. Общественное Собрание.

Здание Симбирского общественного собрания

¹²⁸ Там же.

Многие современники оценивали работу губстаткомитетов как неудовлетворительную, причинами чего назывались как неудачная организация, так и финансовые трудности¹²⁹.

Проблема финансирования была частично решена после образования губернских земских управ, которые обязывались указом правительства ежегодно передавать статистическим комитетам от 1500 до 2000 руб., однако далеко не во всех земствах статистические бюро находили достаточную поддержку, и, таким образом, «все дело земской статистики страдает отсутствием регулярности и единства деятельности. ... в общем, административная статистика заставляет желать у нас еще очень многого, хотя некоторые отдельные статистические изыскания имеют большую ценность»¹³⁰.

Наряду с финансовыми трудностями существовали и организационные, на что неоднократно указывали представители научной общественности: «В настоящее время вся административно-ученая деятельность комитетов официально лежит в руках секретарей и председателей. Служебные обязанности председателей так велики и разнообразны, что невозможно не только требовать, но и желать, чтобы они в особенности интересовались деятельностью статистических комитетов. Вся надежда, следовательно, на одного секретаря. Для занятия этой должности по положению не требуется какого-либо определенного круга знаний, а требуется только, чтобы ищущий такого места окончил курс в одном из высших учебных заведений, а циркулярное предложение г. мин. внутр. дел от 22 апр. 1862 г. требует, чтобы ищущий такого места заявил уже на деле любовь к статистическим работам. Опыт показал однако что за подшитием к делу этого циркуляра, в должность секретаря назначаются лица, словесно только заявившие свою любовь к статистическим работам. Так, например, в некоторых комитетах секретарями были назначены лица, когда-то действительно окончившие курс в высших учебных заведениях, но по своим специальностям следующие: присяжный стряпчий, отставной лекарь и отставной капитан путей

¹²⁹ «Учрежденные в 30-х гг. XIX в. губернские и областные статистические комитеты (ГСК и ОСК) до середины 50-х гг. в большинстве своем бездействовали. Наряду с отсутствием указаний о методах сбора и обработки статистических сведений, загруженностью членов ГСК своими непосредственными обязанностями, немаловажную роль в столь длительной бездеятельности играл нерешенный вопрос о финансировании комитетов». *Захарова, И. М.* Источники финансирования губернских статистических комитетов во второй половине XIX века (по материалам РГИА) // *И. М. Захарова // Мир в новое время.* - СПб., 2001. - С. 23.

¹³⁰ *Ивановский, В.* Государственное право... Там же.

сообщения, занимавшийся, до вступления своего в должность, торговлей газетами. Можно ли при таких данных надеяться, что археологические исследования в губерниях всегда будут иметь известный определенный ход? (...) До тех пор, пока от секретарей комитетов не будет требоваться определенного круга знаний и специальной подготовки... до тех пор деятельность комитетов вся будет случайна, отрывочна и никогда не может быть направлена на всестороннее изучение губернии, как того желает сам законодатель»¹³³.

Ввиду неудовлетворительности деятельности губстаткомитетов значительная нагрузка по сбору и обработке статистических данных ложилась на научные общества (Вольное экономическое общество, Русское географическое общество, Московское императорское общество сельских хозяев, Лесное общество, Общество охранения народного здоровья в Петербурге и другие), которые проводили собственные статистические исследования.

Несмотря на все указанные трудности и недостатки, необходимо признать, что во многих губерниях статкомитеты смогли провести полномасштабные исследования, что можно объяснить лишь тем, что в состав таких комитетов входили энтузиасты своего дела. Многие краеведы получили замечательную практику, работая именно в этих статкомитетах. Ряд статистических комитетов издавал памятные книги-календари по тому или иному городу. Так, например, Пензенский губернский статистический комитет за 1854-1913 гг. сумел издать 20 выпусков справочных книг и адрес-календарей, составляющих круг важнейших источников по истории культуры края¹³⁴.

Заметно, что наибольшая научная активность Симбирского статистического комитета наблюдалась во второй половине 60-х годов. И это не случайно, поскольку после выхода в 1860 г. Положения о губернских статкомитетах, изменялось положение секретаря (он приравнивался к государственным служащим и соответственно обязан был иметь университетское образование). При этом, как замечает современный исследователь: «Многие секретари комитетов были известны в научной среде и являлись членами таких центральных обществ, как Московское и Русское археоло-

¹³³ Бочаров, Н. Об участии Губернских статистических комитетов в разработке отечественной археологии/ Н. Бочаров // Труды I Археологического съезда. - Т. I.- М., 1871. - С.124 – 129.

¹³⁴ Тюстин, А. В. Краеведение в пространстве культуры Пензенского края/ А. В. Тюстин // Отечественная культура и развитие краеведения. - Пенза, 2000. - С. 160 – 163.

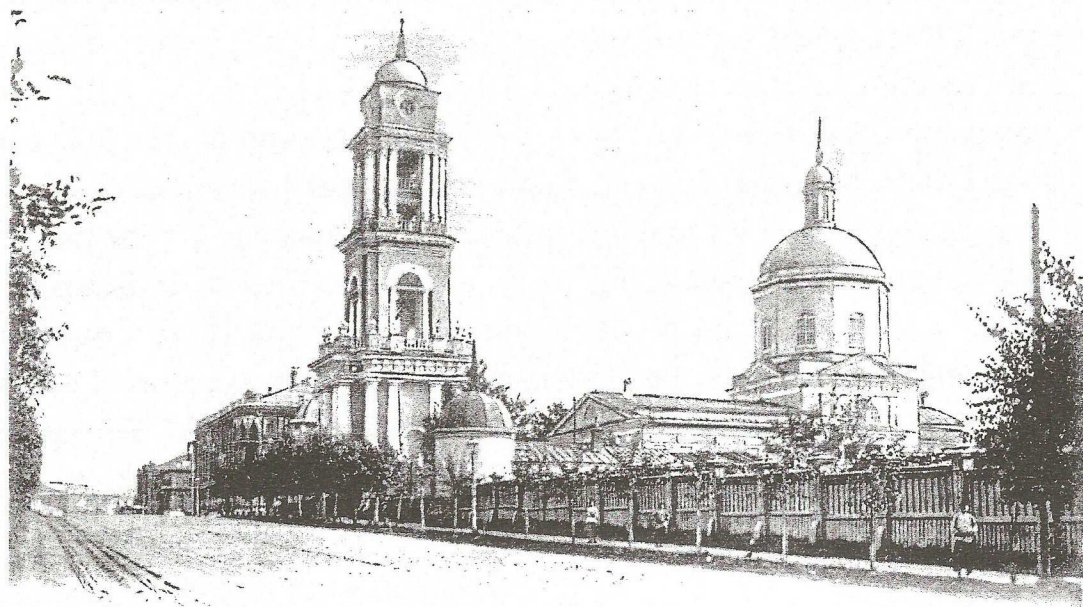
гические, историческое, географическое»¹³⁵. В 1860-х годах на должности секретарей Симбирского статкомитета находились незаурядные педагоги и ученые: Михаил Васильевич Арнольд (с 1863 по 1867 г.) и Владимир Александрович Ауновский (с 1868 по 1872 г.). Именно в эти годы вокруг комитета объединяется круг представителей местной интеллигенции, куда входили коллекционер и археолог князь В. И. Баюшев¹³⁶, директор Симбирской удельной конторы, собиратель древних актов, А. Ф. Белокрысенко, горный инженер А. П. Кеппен, поэт и переводчик Д. П. Ознобишин, помещик-библиофил Д. П. Родионов, корреспондент Русского Географического Общества В. П. Юрлов, историк А. П. Яровой, А. М. Беклемишев, чиновник по особым поручениям при симбирском губернаторе, А. И. Виноградов, занявший пост секретаря статкомитета после Ауновского, протоиерей П. Н. Охотин, учитель гимназии И. Я. Христофоров, А. П. и Н. А. Языковы.

Во многом именно благодаря их деятельности и вышли в свет указанные научные сборники, которые относились к так называемой «необязательной» части деятельности статистического комитета¹³⁷. Симбирским статистическим комитетом в разные годы были организованы не только подготовка и выпуск ежегодных памятных книг-календарей, в которых приводились сведения по широкому кругу тем, но и выход ряда научных изданий.

¹³⁵ Комарова, И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов / И. И. Комарова // Археографический ежегодник за 1986 год. - М., 1987. - С. 89.

¹³⁶ Баюшев Василий Иванович (1819 – 1885) – общественный деятель, археолог, образование получил в Симбирском главном народном училище, участвовал в Крымской войне, в 1867 г. был избран действительным членом Симбирского губстаткомитета. Собрал более 200 документов XVII и начала XVIII вв., касающихся русской колонизации Симбирского края. Эта коллекция вошла в 1-й том «Материалов исторических и юридических района бывшего приказа Казанского Дворца», изданного в 1882 г. под ред. проф. Загоскина. Баюшеву принадлежит большое количество статей в «Симбирских Губернских Ведомостях», в «Московских Ведомостях» и в «Русской Старине».

¹³⁷ В круг деятельности Комитета входили задачи двоякого рода: обязательные, к которым относились: «приискивание способов к получению более достоверных сведений и доставка Правительству необходимых статистических данных...», и «необязательные», имевшие целью исследование губернии в различных отношениях, которые возникли по мнению Комитета и его членов...». Ауновский, В. А. Краткий очерк деятельности Симбирского губстаткомитета .../ В. А. Ауновский // Симбирский сборник. - Т. 2. - Симбирск, 1870. - С. 1.

Троицкая церковь
Eglise Troitsky

Изд. „Семья и Школа“

Симбирскъ
Simbirsk

Большая Саратовская улица. Троицкая церковь.

Интересен анализ, проводившийся В. А. Ауновским, определенных групп статистических материалов. Так, разбирая цифры «движения населения», он пишет о высокой смертности населения (в 1867 году на 100 рождений приходилось 77 смертей, при этом до года умирало почти половина детей – 42,4%): «... в настоящее время научные исследования показывают, что здоровье и продолжительность жизни находятся в точном и прямом отношении к жизненным условиям нашим... везде, где существуют большие скопления народонаселения, недостаток в материальных средствах и усиленный труд, условия для продолжительности жизни бывают всего неблагоприятнее...»¹³⁶. Затем он переходит к анализу социальных и климатических факторов, влияющих на здоровье жителей Симбирского края, где прямо указывает на распространение «перемежающейся лихорадки» (малярии) в весенний период в низменных местах, по большей части больших рек; на связь распространенных в этих местах болезни печени с особенностями климата нагорной стороны Волги и т. д.

Интересны и цифры, приводимые в этих статистических сборниках, позволяющие сопоставить социальные перемены за эти полтора столетия.

¹³⁶ Ауновский, В. А. Отчет о деятельности Симбирского губстаткомитета за 1868 год / В. А. Ауновский// Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. - Отд. 4. - С. 14.

Так, оценивая «степень плодородия браков», Ауновский показывает, что на 1 брак приходится 5,5 родившихся, что среди распределения сословий по доле преступников выясняется, что на втором месте стоят военные (городские обыватели – 1 к 37, военные – 1 к 82, дворяне – 1 к 139, сельские жители – 1 к 264, и духовного звания – 1 к 443), высокий процент среди военных автор объясняет следующим образом: «... это тесно связано с незавидным положением солдата, отвыкнув от земледельческих работ, не знакомы ни с одним из ремесел, и если к тому же он бездомен; то в приобретении средств к существованию, он без сомнения недалек от пути порока»¹³⁷, в связи с этим Ауновский возлагает определенные надежды на военную реформу 1867 года, сокращающую срок службы и позволяющую сохранять гражданские и поземельные права солдату.

Для нас важен еще один момент в работе Ауновского на должности секретаря губстаткомитета – 9 июля 1868 года он предлагает проект создания в Симбирске губернского музея, который «должен служить не только средством для образования людей любознательных, в особенности юношества, но и пищей для научного исследования историка, ботаника, минера-лога, этнографа и др.». К сожалению, проект тогда так и не был осуществлен, по обычной причине – «за отсутствием средств».

Симбирская губернская ученая архивная комиссия и исследования края

Как уже отмечалось, различные исследователи обращали внимание на необходимость тщательного сохранения и обработки исторических документов. Как видно из устава Карамзинской библиотеки, одной из главных задач при ее создании было хранение старинных рукописей и других архивных материалов. Однако одной библиотеки даже в рамках губернии было далеко недостаточно. Одним из первых, кто понял, что для решения проблемы эффективной сохранности древних текстов следует создавать целую систему научной архивной службы в регионах, был известный археограф академик Николай Васильевич Калачов (1819-1885).

В 1869 году он выступил на I археологическом съезде с предложением об усовершенствовании архивной деятельности. Тогда же было высказано пожелание о создании архивов во всех крупных российских городах. На реализацию этой идеи Калачову понадобилось 15 лет. В течение этого вре-

¹³⁷ Там же.

мени он неустанно обращался и к правительству, и к научной общественности, предпринял ряд поездок по зарубежным архивам, с тем, чтобы перенять там лучшие способы организации архивного дела. Выступая в 1874 году на III археологическом съезде в Киеве, он высказал идею создания при областных архивах исторических обществ, которые должны были не только решать собственно архивные задачи, но и готовить молодых людей «приготавливающим себя к историко-археографической деятельности». Таким образом, было обозначено одно из важнейших условий стабильного развития научного сообщества в провинции, через превращение будущих архивов в научную школу.

В 1877 году, выступая на IV археологическом съезде в Казани, он сообщил что «в среде некоторых любителей архивного дела возникла мысль образовать под высшим наблюдением министра народного просвещения частное, но с официальным характером учреждение, в котором любители старины, получившие высшее образование, могли бы совершенствовать свои познания по части археологии и затем, снабженные аттестатами, получать места в разных архивах. Это учреждение будет называться Археологическим институтом». Таким образом, предваряя создание архивных обществ на местах, Калачов смог добиться создания координационного центра в виде Археологического института. При этом он не оставляет надежду на организацию ученых центральных архивов и научных обществ в главных провинциальных городах по европейскому образцу.

Симбирскъ. Панская ул., д. Заборина.

Здание Землемерного училища (ныне здание УлГТУ)

Значение будущих научных архивных центров Калачов видел не только в обработке документов, но, главным образом, в воздействии на просвещение провинциального общества: «Дело в том, что изыскатели старины, работая на той же почве, которую возделывает земледелец, объясняя тот же памятник, мимо которого столько раз проезжает и пахарь, и прасол, и всякий другой местный житель, выслушивая их легенды, былины и песни, этим самым с одной стороны, развивают в народе дремлющие без того нравственные его силы и сочувствие к минувшему быту, а с другой стороны, возбуждают и укрепляют в нем любовь, которая хотя и без того есть в каждом к своему родному пепелищу, но любовь эта делается чрез то и сознательнее и сильнее. (...) Это воспитание конечно чрезвычайно медленное, но верное и прочное».

Научная общественность неизменно поддерживала все предложения Н. В. Калачова, и в 1884 году все-таки было получено высочайшее разрешение открыть архивные комиссии в Тверской, Тамбовской, Орловской и Рязанской губерниях. Вскоре и в других губерниях стали образовываться архивные комиссии и другие научные сообщества. В этом отношении роль археологических съездов, как катализаторов социальных перемен, была достаточно велика. Как писал Уваров: «Сознание важнейшего назначения археологических съездов – возбуждать в деятельности местные силы и подвигать изучение местных историко-археологических вопросов...»¹³⁸.

Благодаря деятельности губернских ученых архивных комиссий были сохранены, разобраны, опубликованы десятки тысяч исторических документов, многие из которых потом погибли и дошли до нас только в виде публикаций. Как писал автор статьи, посвященной 25-летию Археологического Института: «Комиссии эти беспримерные даже в целом мире ученые учреждения, возникшие по частной инициативе и на частные средства, ... не только в большинстве случаев с успехом выполнили своим главные обязанности, но и обратились в местные историко-археологические общества, труды которых давно обратили на себя внимание ученых и исследователей нашей родной старины...»¹³⁹. Но этим далеко не исчерпывалась их деятельность. Архивные комиссии явились инициаторами создания краеведческих и художественных музеев в различных уголках страны, подго-

¹³⁸ Уваров, А. С. Отзыв о сочинении С. М. Шпилевского: «Древние города и другие Булгарско-татарские памятники в Казанской губернии»/ А. С. Уваров. - СПб., 1878.

¹³⁹ С.-Петербургский Археологический Институт (По поводу 25-летия его существования) // Русский Вестник. - 1903. - № 2. - С. 650 – 668.

товили не одно поколение опытных архивистов и археографов, археологов и искусствоведов, историков и краеведов.

Характеризуя деятельность губернских ученых архивных комиссий России, исследователи прошлого и наши советские ученые, как правило, делали акцент на слове «архивные». Однако сами деятели губернских ученых архивных комиссий особо выделяли слово «ученые». Так, например, в 1895 г. на открытии Симбирской ГУАК ее председатель В. Н. Поливанов назвал комиссию учреждением, «преследующим научные цели», и, говоря о важности архивной работы, поставил задачу перехода к более высокой форме деятельности – «занятиям научным».

Можно попытаться обозначить главные отличия губернских ученых архивных комиссий от иных научных организаций в провинции:

Высокая планка научных требований, ориентация на мировой уровень научных исследований, в отличие от иных региональных научных организаций¹⁴⁰, а также от последующих краеведческих организаций.

Тесные связи с иными архивными комиссиями и с ведущими научными организациями по всем регионам России, а также за рубежом.

Относительная финансовая независимость от государства (согласно общественному характеру комиссий, что, впрочем, не мешало широкому поиску финансовых источников не только среди общественности, но и у государственных организаций).

Добровольное объединение участников комиссий на основе их личных интересов, а не как выполнение директивы сверху.

Широкая активность в сфере книгоиздательства.

Активная работа по преобразованию культурной среды города, что ставит их в один ряд со всеми просветительскими сообществами.

Оригинальность и уникальность предмета исследования.

Высокий общий образовательный уровень большинства членов губернских ученых архивных комиссий.

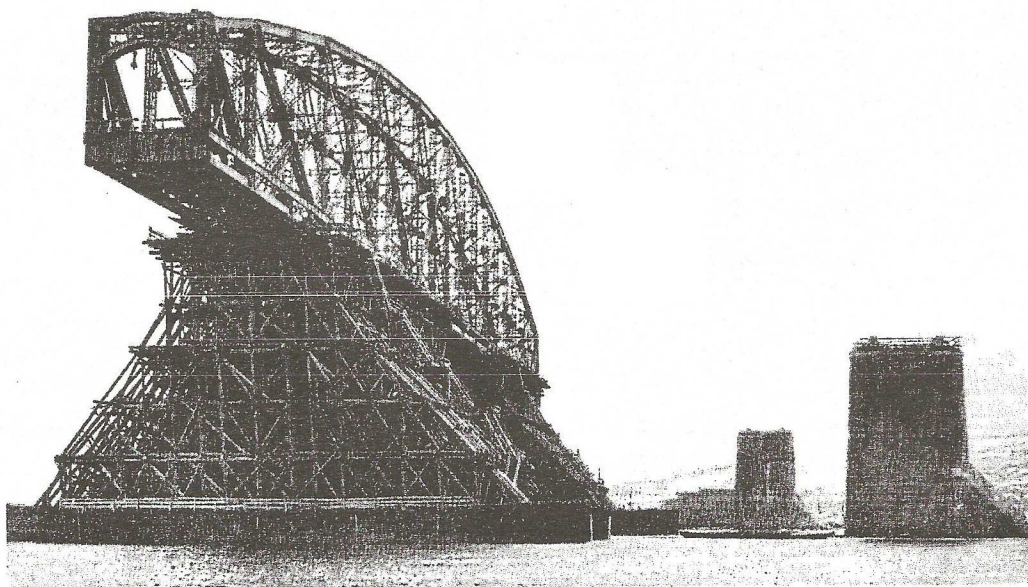
Возможность использовать межрегиональные контакты для повышения квалификации (курсы, регулярные съезды и т. п.).

¹⁴⁰ Макарихин, сравнивая деятельность архивных комиссий с многочисленными научно-историческими обществами России, отмечал в их деятельности много общих черт. Они состояли как из профессионалов, так и любителей. Однако у каждой из архивных комиссий объектом научного исследования выступал свой регион. Через изучение истории отдельных регионов открывался путь к углубленному изучению общерусского исторического процесса. Неслучайно в 20-е годы XX в. бывший сотрудник Нижегородской ГУАК профессор С. И. Архангельский активно обосновывал плодотворность «локального метода» в исторических исследованиях. Макарихин, Н. В. Губернские ученые архивные комиссии России. / Н. В. Макарихин. - Н. Новгород, 1991. - С. 16 – 17.

Создание базы для деятельности дальнейших поколений, и тем самым, включение губернских ученых архивных комиссий в культурно-образовательный процесс в провинции.

Деятельность комиссий проходила параллельно активизации краеведения в среднем образовании. Это вылилось, в частности, в развитие «экскурсионного движения», широко развитого по всей стране на рубеже XIX–XX веков, где главной задачей являлось преодоление недостатков кабинетной системы образования, оторванной от реальной жизни.

Следует отметить еще одну черту деятельности этих научных сообществ – их высокий нравственный потенциал. Стремление пробудить в народе чувство «умного хозяина» во многом обуславливало занятия членов ученых архивных комиссий просветительской деятельностью. Показательными в этом отношении могут служить слова замечательного рязанского краеведа, бессменного председателя Рязанской губернской ученой архивной комиссии (с 1905 по 1918 г.) Степана Дмитриевича Яхонтова: «Русские люди! Много нам работы впереди. Широко поле исторической науки перед нами... Потрудитесь с нами и после нас, родненькие!»¹⁴¹.

Строительство моста через Волгу под Симбирском. Фото 1915 г.

Наглядным выражением деятельности Симбирской архивной комиссии служат изданные ею многочисленные труды ее членов, составляющие

¹⁴¹ Юбилей двадцатипятилетия Рязанской губернской ученой архивной комиссии (1884 – 1909). - Рязань, 1911. - С. 14.

обширный материал, затрагивающий всесторонне историю и археологию Симбирской губернии¹⁴⁴. В этом отношении ближе всего знакомят с деятельностью комиссии журналы ее заседаний. Эти журналы заключают в себе не только сухое перечисление фактов, но почти в каждом из них можно найти очерки и сообщения о достопримечательностях и исторических лицах Симбирского края. Большой интерес представляют очерки, составленные председателем комиссии Владимиром Николаевичем Поливановым: о симбирских масонах (журнал 2-го заседания); памяти Александра Ивановича Тургенева, симбирского уроженца, по поводу исполнившегося 3 декабря 1895 года пятидесятилетия со дня его кончины (журнал 4-го заседания); о поездке в мордовское село Сабанчеево Алатырского уезда с целью исследования местонахождения предметов бронзовой эпохи (журнал 7-го заседания); о поездке в село Языково Симбирского уезда, бывшую вотчину поэта Н. М. Языкова (журнал 8-го заседания); о десятом археологическом съезде в г. Риге, бывшем в августе 1896 г. (там же); Курмышская старина (журнал 13-го заседания); по поводу исполнившегося в 1898 году двадцатилетия ученой деятельности археологического института (журнал 15-го заседания); очерк казачьей колонизации в Симбирском Поволжье, бывший предметом доклада на 12 археологическом съезде в г. Харькове в 1902 году (журнал 32-го заседания); к воспоминаниям о Н. М. Карамзине (журнал 34-го заседания). Кроме этого он подготовил и редактировал совместно с членом комиссии В. Э. Красовским два тома Материалов исторических и юридических района бывшего приказа Казанского дворца (Т. II – III), опубликовал ряд интересных материалов по археологии, составил первую археологическую карту Симбирской губернии¹⁴⁵.

¹⁴⁴ В указателе Шведовой (*Шведова, О. И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий / О. И. Шведова // Археографический ежегодник за 1957 г. - М., 1958. - С. 412 – 415.) приводится список изданий СГУАК, однако этот перечень не полон. Более подробный список был подготовлен в краеведческом отделе Ульяновской областной библиотеки Дворец книги – *Морозова, Н. А.* Издания Симбирской губернской ученой архивной комиссии. / Н. А. Морозова. - Ульяновск, 1987 (ротапринтное издание).

¹⁴⁵ *Поливанов, В. Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. / В. Н. Поливанов. - Симбирск, 1900. Современный археолог так характеризует значение этой работы: «Археологическая карта – одно из любимых детищ Поливанова, предмет его заслуженной гордости. Она вводит в научный оборот обширный археологический материал, выстраивает и описывает его по наиболее совершенной для того времени «французской методике». Труд не утратил своего значения и сегодня, поскольку за прошедшие 100 лет другого подобного издания выпущено не было». *Вискалин, А. В.* В.Н. Поливанов – первый профессиональный археолог Симбирского края / А. В. Вискалин // Усадьбная культура Поволжья конца XVIII – XX веков. Материалы II Поливановских чтений. - Ульяновск, 2002. - С. 19 – 23.

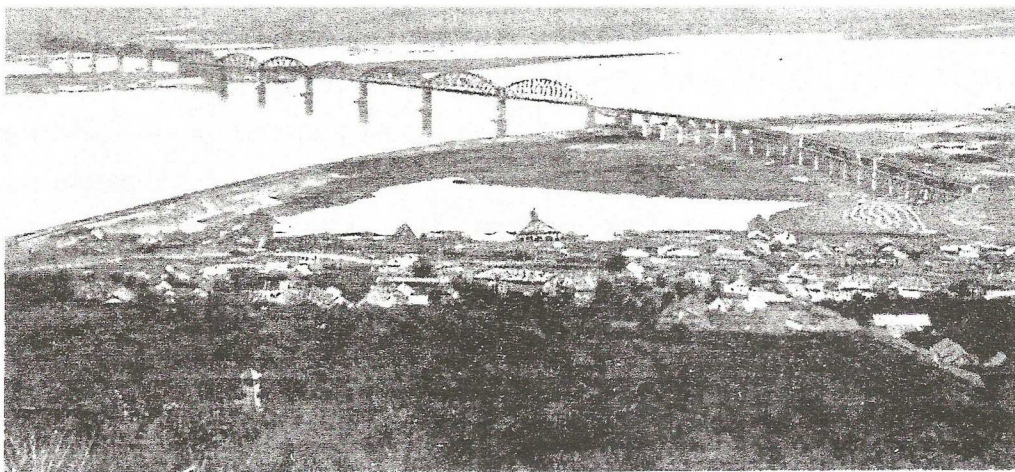
Поливанов был яркой и многосторонней личностью, оставившей заметный след в организации исследований старины и не только¹⁴⁶. Он много и увлеченно занимался археологией, выступив уже в 1877 году на археологическом съезде в Казани с докладом «О Майнском городище в Спасском уезде Казанской губернии на реках Майна и Утка». Сегодня это городище является одним из излюбленных мест работ археологов. Однако наиболее заметным и законченным его вкладом в археологию Симбирского края являются раскопки Муранского могильника (село Муранка расположено на реке Усе в Самарской области). В этих исследованиях принимал участие член французского общества археологии барон де Бай (de Boye), сделавший доклад о результатах раскопок на конгрессе ориенталистов в Женеве в 1894 году и в журнале *Revue Archeologique*.

Поливанов фактически создал первую археологическую школу на базе архивной комиссии. В последующие годы членами СГУАК производились археологические раскопки: близ села Сабанчеева в Алатырском уезде; у села Кайбелы Ставропольского уезда, на месте древнего Симбирского городища; близ села Криуши, Симбирского уезда, на месте древнего города Арбухима; на берегу реки Суры, у села Коржевка, Карсунского уезда; на Воложке близ деревни Палицыной Ставропольского уезда; на берегу р. Волги возле села Хрящевки, Самарской губернии; двукратные дополнительные раскопки Муранского могильника и раскопки в Болгарах. Все материалы этих исследований позволили пролить свет на вопросы этногенеза народов, населявших Симбирское Поволжье в средневековье: «в результате целенаправленных и методичных научных поисков происходит открытие целого пласта неизвестных ранее памятников древней и средневековой истории края, переворачивающее бытующие представления об исторической скудности и бесперспективности края»¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Владимир Николаевич Поливанов (1848–1915) – этнограф, археолог, член-корреспондент французского и бельгийского обществ археологии, почетный член императорского археологического института, губернский предводитель дворянства (1898–1915), гофмейстер двора его императорского величества (с 1906 г.), председатель Симбирского общества сельского хозяйства, председатель Симбирской губернской ученой архивной комиссии. См. о нем: *Баюра, Л. П.* Музей В. Н. Поливанова в Акшуте / Л. П. Баюра // *Симбирский вестник*. Вып. 1. - Ульяновск, 1993. - С. 190 – 200; *Баюра, Л. П.* В. Н. Поливанов – автор неизвестного проекта художественного музея в Симбирске в 1880-е годы / Л. П. Баюра // *Традиция в истории культуры*. Сб. докладов II региональной научной конференции. - Ульяновск, 2000. - С. 190 – 199; *Егорова, И. М.* Книжное собрание В.Н. Поливанова в фондах Ульяновской областной научной библиотеки / И. М. Егорова // *Краеведческие записки*. Вып. 10. - Ульяновск, 2005. - С. 110 – 114.

В ГАУО есть личный фонд Поливанова – Ф. 664, включающий его рукописи, переписку, биографические и хозяйственные документы (60 ед. хранения).

¹⁴⁷ *Вискалин, А. В.* В. Н. Поливанов ... - С. 21.

Мост через Волгу в Симбирске. Фото 1916 г.

Деятельность Симбирской ученой архивной комиссии невозможно представить без архивиста и историка Павла Любимовича Мартынова¹⁴⁶ (1847–1921), который активно включился в работу комиссии с момента ее открытия. В 1904 году он избирается товарищем председателя СГУАК, а с 1917 по 1921 – ее председателем. Среди книг, подготовленных Мартыновым, наиболее значимы: «Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде» (1896); «Селения Симбирского уезда» (1896); «Книга строельная города Симбирска» (1897); «Тагай. Упраздненный город Симбирского уезда» (1898); «Город Симбирск за 250 лет его существования» (1898) (за эту книгу он был награжден золотым жетоном); «Боярин Богдан Матвеевич Хитрово, симбирский помещик» (1900); «Архив Симбирского Окружного Суда. Гражданские дела Буинского уездного суда.» (2 вып.) (1901); «Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году: Переписные книги приказа Казанского дворца» (1902); «Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца». Т. IV – Т. VI. Симбирск, 1904 – 1912. Кроме того, значительное количество материалов П. Л. Мартынова осталось в рукописном виде, из которых наибольший интерес для историков могут представлять два тома «Материалов исторических и юридических района бывшего приказа Казанского дворца» (Т. VIII – IX). Следует под-

¹⁴⁶ См. о нем статью Савич, М. М. Павел Любимович Мартынов / М. М. Савич // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. - Т. 1. - Ульяновск, 2000. - С.357 – 358.

В ГАУО есть личный фонд Мартынова – Ф. 853, включающий в себя 127 дел.

черкнуть, что в связи с общей скудостью исторических источников XVI–XVII вв. в регионе, найденные и обработанные Мартыновым материалы представляют чрезвычайную значимость для современных исследований в области исторической географии по воссозданию картины русской колонизации Симбирского Поволжья и взаимодействия русских с коренным населением этого края.

Большую работу проделал и другой видный сотрудник Симбирской ученой архивной комиссии Валентин Эдуардович Красовский (1852–1905) – губернский секретарь, гласный Симбирского уездного земства, подготовивший исторические очерки уездных городов Симбирской губернии: «Алатырская старина: Путевые заметки по археологии и истории алатырского края» (1899); «Столетие города Сенгиля: Краткий исторический очерк» (1902); «350-летие города Алатыря: Краткий исторический очерк» (1902); «Прошлое города Корсуна: Краткий исторический очерк» (1903). Кроме этого он подготовил фундаментальный труд: «Хронологический перечень событий Симбирской губернии, с 1372 года по 1901 год» (1901)¹⁴⁷. Он также принимал активное участие в составлении и редактировании двух томов «Материалов исторических и юридических района бывшего Приказа Казанского Дворца», «Материалов по истории Симбирского края XVII – XVIII вв.», собранных Зерцаловым А. Н. (1900). За общественную деятельность Красовский был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

Из заметных трудов других членов архивной комиссии были изданы книги: Суперанского М.Ф. «Симбирск и его прошлое (1648 – 1898). Исторический очерк» (1898); Виноградова Ф.В. «Следы язычества в домашнем обиходе чуваш» (1897); Сапожникова Д.И. «Сожжение в Симбирске еретика Ярова» (1898); а также работы многих других авторов.

Обращает на себя внимание успешное сотрудничество архивной комиссии с московскими историками-архивистами, результатом чего было издание следующих уникальных архивных материалов XVII–XVIII вв., хранившихся в Московском архиве Министерства юстиции (ММЮ). В результате были изданы в Симбирске работы А. Н. Зерцалова: «Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы 1665 – 1667 гг.» (1896); «Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира, во второй половине 18-го века» (1896); «Материалы по истории Симбирского края XVII – XVIII вв.» (под редакцией В. Э. Красовского) (1900);

¹⁴⁷ В краеведческом отделе Областной библиотеки имеется авторский экземпляр этой книги, со множеством рукописных дополнений и поправок Красовского.

а также важная для истории края работа В.И. Холмогорова «Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века: Описание Синбирской и Карсунской десятиин Патриаршей области» (1898).

После первых 10 лет работы архивной комиссии выходит обзор (под ред. П. Л. Мартынова) в котором говорится: «Из настоящего краткого обзора десятилетней деятельности Симбирской архивной комиссии видно, что избранный ею путь, заключающийся в возможно большем сближении ее интересов с интересами народного просвещения, принес благие результаты; связь с ее населением, которому она служит, была живая и неразрывная. С этими стремлениями Симбирская архивная комиссия вступает в новое десятилетие, уверенная, что деятельность ее разовьется еще шире и что значение и цель ее существования будут вполне оценены образованным местным обществом»¹⁵⁰.

Действительно, во многом надежды членов комиссии оправдались. За следующее десятилетие они не только смогли продолжать обширную исследовательскую работу по изучению и разбору архивных документов, археологических памятников, произведений искусства, но и организовать постройку уникального здания, явившегося безусловным шедевром архитектуры и украшением города, здания собственного музея, который был задуман как мемориал уроженцу Симбирска – И. А. Гончарову. Именно это здание послужило местом, где впоследствии были развернуты (и продолжают находиться) областные художественный и краеведческий музеи.

Количество членов комиссии неуклонно росло, если вначале было 74 члена, среди которых такие знаменитые ученые, как председатель Московского археологического общества графиня Уварова П. С., директор Императорской публичной библиотеки Бычков А. Ф., помощник начальника отделения МАМЮ Зерцалов А. И. и др., всего 12 человек почетных членов, то через год в составе комиссии – 121 человек, среди которых пятеро новых почетных членов комиссии (Забелин И. Е. – товарищ Председателя Императорского Российского исторического музея, Майков Л. Н. – вице-президент Академии Наук, Рамбо Альфред – министр народного просвещения Франции, Сергеевич В. И. – ректор Санкт-Петербургского университета), а также представители из 9 городов России.

Как уже отмечалось, архивные комиссии вели активную работу по установлению тесных научных контактов с другими научными объедине-

¹⁵⁰ Сборник в память десятилетия Симбирской губернской ученой архивной комиссии. 1895–1905 / под ред. Мартынова П. Л. - Симбирск, 1906. - С. 6.

ниями. Так, в числе адресатов Симбирской архивной комиссии в переписке за 1897 – 1903 годы мы видим Оренбургскую, Саратовскую, Владимирскую, Пензенскую ученые архивные комиссии; Русское Географическое Общество; Петербургскую Академию Наук; Воронежский губернский музей Статистического комитета; Историко-филологический институт в Нежине; Петровское общество исследования Астраханского края; Московский архив Министерства юстиции; Общество археологии, истории и этнографии Казанского университета; Калужское церковно-археологическое общество; Московское археологическое общество. Есть письма и к отдельным известным ученым и коллекционерам.

Карамзинская библиотека. Гравюра Д. Архангельского

Однако развитие таких провинциальных «университетов» продолжалось недолго. Первые признаки надвигающейся грозы проявились еще на рубеже XIX и XX столетий. В это время вновь начинают преобладать центростремительные тенденции, носителем которых явился другой известный архивист Д. Я. Самоквасов, директор Московского архива Министерства юстиции (ныне в составе РГАДА) в 1891–1911 годах. Самоквасов предлагал закрыть все местные ученые архивные комиссии (под предлогом их невысокого научного уровня, низкого материального содержания), а все

собранные на местах материалы передать в центральные научные учреждения¹⁵¹. Эти предложения получили резкие возражения, прозвучавшие с мест. С критикой самоквасовского проекта выступили наряду с местными исследователями также и ведущие историки страны. Несмотря на то, что инициатива Самоквасова не была поддержана архивистами страны до революции, сторонники этого проекта смогли реализовать его с помощью Советской власти (1 июня 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет «о централизации архивного дела»)¹⁵².

Несмотря на тяжести гражданской войны Симбирская ученая архивная комиссия продолжала свою работу вплоть до 1922 года (ряд других ученых архивных комиссий также продолжал действовать до 1923 года). Так, летом 1918 г. выступал перед членами архивной комиссии сотрудник Пушкинского Дома А. С. Поляков¹⁵³. Он предлагал издать подготовленный им словарь замечательных симбирян (художников, поэтов, общественных деятелей), состоящий более чем из 800 имен (!), информация о которых была собрана Поляковым в ходе анализа неофициальной части Симбирских губернских ведомостей (СГВ), а также он подготовил библиографическое описание этой части СГВ за 75 лет (с момента основания). Однако эти предложения так и не были реализованы, несмотря на всю их привлекательность для симбирского краеведения. Безусловно, если бы Поляков предложил эти работы несколькими годами раньше, они были бы изданы, но в 1918 году Симбирская ученая архивная комиссия уже испытывала колоссальные трудности.

Нужно иметь ввиду, что многие из симбирян выехали в августе – сентябре 1918 года вместе с отступавшими белочехами и войсками Комуца, покинув Симбирск навсегда и составив впоследствии довольно большую диаспору симбирян среди русских эмигрантов Харбина, Шанхая и других

¹⁵¹ Интересно отметить, что при этом сам Самоквасов являлся почетным членом ряда губернских ученых архивных комиссий, включая Симбирскую, и участвовал в ее деятельности. В частности, он подготовил и прислал в СГУАК выписку из курмышской писцовой книги 1624–1625 гг. См. *Поливанов, В. Н.* Курмышская старина. / В. Н. Поливанов. - Симбирск, 1899. - С. 4.

¹⁵² См. подробное описание этой истории *Хорхордина, О.* Архивы и история. / О. Хорхордина. - М., 1996.

¹⁵³ Поляков Александр Сергеевич (1882, с. Ундоры Симбирской губ. – 1923, Петроград) – библиограф, историк русской литературы и театра. Принимал участие в библиографических трудах С. А. Венгеров и Н. М. Лисовского, вел отдел библиографии и хронику в журнале «Русский библиофил» (1914–1915). Им был также составлен указатель к «Ежегоднику имп. театров» (1902–1915) и «Список указателей к русским повременным изданиям». Оба указателя не были изданы. См. также *Поляков, А. С.* Симбирский губернский музей (историческая заметка) / А. С. Поляков // Записки Симбирского областного естественно-исторического музея: Вып. 2. / под ред. *Гильзена К. К.* - Петроград, 1915.

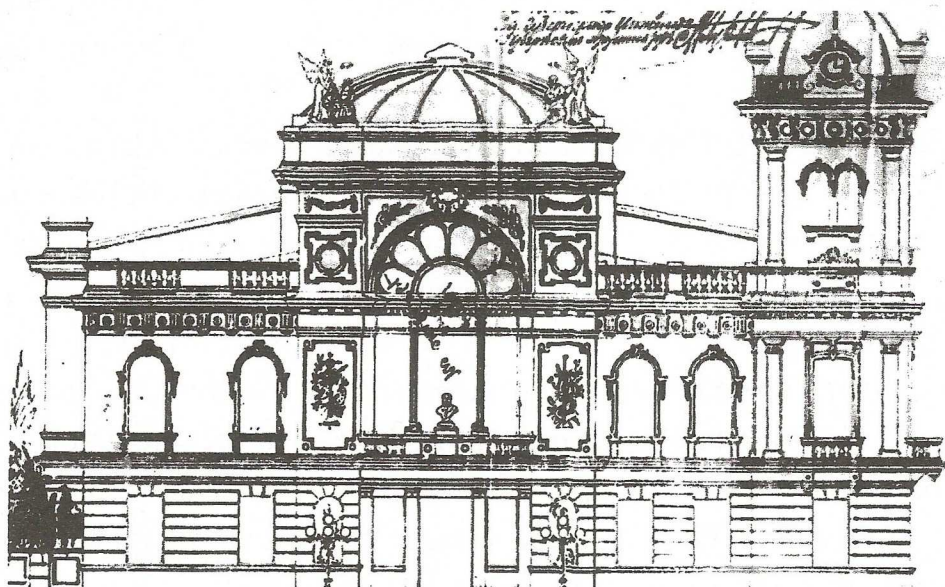
городов зарубежья¹⁵⁴. Среди эмигрантов было много тех, кто входил в состав губернской ученой архивной комиссии. Таким образом, состав комиссии оказался существенно обескровлен после событий 1918 года.

К этому добавился целый ряд проблем, о которых повествует Мартынов в своем отчете «О работе Симбирской Губернской ученой Архивной Комиссии за 1917 и 1918 гг.», среди которых немаловажным было то, что прекратилось финансирование комиссии со стороны центральных и местных административных структур. Приведем фрагмент отчета Председателя СГУАК:

«Деятельность Симбирской Губернской ученой Архивной Комиссии за последние два года, по причинам, обусловленным обстоятельствами военного времени и политическими событиями внутренней жизни страны, не может считаться продуктивным в отношении научных трудов. Главная забота Комиссии была – перенести музей и библиотеку, из временного, очень плохого помещения, в построенный ею, именно для этой цели дом, в память И.А. Гончарова, но эта забота не имела желательного результата, т.к. с осени 1915 года Гончаровский дом взят был под помещение военного лазарета. В конце 1917-го года лазарет был расформирован и Комиссия, получила, по-видимому, возможность пользоваться зданием и произвести необходимый ремонт, но это оказалось невозможным, так как Гончаровский дом, без ведома и предупреждения Архивной Комиссии, занят был под казарменное помещение красной армии; затем, летом 1918 года в нем помещался отряд чехословаков, а с сентября месяца – опять красная армия. Таким образом Гончаровский дом, построенный на деньги, собранные по всероссийской подписке, специально для музея и библиотеки, внутри художественно отделан двойным светом и стеклянными потолками, обращен был первоначально в лазарет, а затем в военную казарму и в течении трех лет не мог поступить в пользование Архивной Комиссии. Так обстояло дело до октября минувшего года, когда нынешний состав Губернского отдела по народному образованию, в целях организации Народного Музея, решил собрать воедино все находящиеся в городе Симбирске музеи и поместить их в Гончаровском доме, который заботами того же Отдела, освобожден от военного постоя и в нем произведен капитальный ремонт, до сих пор еще не оконченный собственно потому, что совместно с музеем, решено устроить в Гончаровском же доме, физический и химический кабинеты,

¹⁵⁴ См. Каппель и каппелевцы. - М., 2003.; Аничков, В. П.. Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922). / В. П. Аничков. - М., 1998. и др.

с лабораториями при них и обширную аудиторию для пролетарского университета, почему для музея и библиотеки Архивной Комиссии, составляющих особый археологический отдел Народного Музея, отведено далеко не достаточное помещение, а для единого архивного фонда здесь вовсе нет помещения.

Проект здания Гончаровского дома А. А. Шодэ

Относительно денежных средств, необходимых для продолжения и развития работ Архивной Комиссии, следует заметить, что прежде поступавшие субсидии от земств и городских общественных управлений прекратились и Архивная Комиссия производила, последнее время, расходы исключительно из остатков капитала, собранного по подписке на постройку Гончаровского дома, а этот остаток, к 1 января 1919 года, едва ли превысит полторы тысячи рублей; между тем нормальных расходов, как показывает прилагаемая при сем смета на 1-ое полугодие 1919 года, потребует в год более 38000 рублей. Кроме того, на Архивной Комиссии тяготеют долги: а) в типографию Токарева, за печатание, в течение многих лет, изданий Комиссии – 7000 рублей и б) в Симбирский Городской Общественный Банк долг под залог Гончаровского дома – 20000 рублей. Помянутая выше смета на 1-ое полугодие 1919 года передана в местный отдел по народному образованию, согласно его о том просьбы, и будет представлена им, со своим заключением, в Народный Комиссариат по просвещению. По этому поводу следует заметить, что до сих пор Архивная Комиссия получала субсидии безвозмездно, безвозвратно и расходовала их бесконтроль-

но перед жертвователями, а казначей, выбираемый из среды членов Комиссии, отчитывался только перед общим собранием; если же теперь Архивной Комиссии придется отчитываться перед Главным Управлением Архивным делом или перед местным Отделом по народному образованию, по всем тонкостям бухгалтерии им на том основании существующих кассовых правил, то можно ли рассчитывать на то, что кто либо из членов Комиссии взял бы на себя такие обязанности. Посему желательно, чтобы суммы, указанные в смете были выданы Архивной Комиссии в виде безвозвратной субсидии»¹⁵⁵.

Последний председатель Симбирской ученой архивной комиссии, известный коллекционер Жиркевич, живший в Симбирске с 1914 г., так охарактеризовал сложившуюся ситуация в своем очерке: «30 июля 1920 года Комиссия могла бы праздновать свой 25-летний юбилей, если бы не война и не наступившие в России смутное время (...) если бы торжественный юбилей состоялся, если бы оно протекало при нормальных условиях... то Комиссии было бы о чем рассказать не только Симбирску, но и научным учреждениям Отечества, о своей 25-летней неустанной, плодотворной работе во славу науки, на благо охраны и спасения родной старины (...) ... в 1919 г. окончательно выяснили вопрос о материальных средствах СУАК. Еще в декабре 1918 г. было получено сообщение об организации Главного Управления Архивным Фондом (ГУАФ) при Народном Комиссариате по просвещению (в Петрограде) ... но в августе прибыл в Симбирск из Москвы инспектор ГУАФ, и категорически заявил, что комиссия не может рассчитывать на получение какой-либо субсидии на расходы по продолжению и развитию своей деятельности ни от ГУАФ, ни от местных отделов по народному образованию, а должна сама изыскивать средства... На какие же «собственные средства» может рассчитывать архивная комиссия при общем равнодушии в Симбирске к ее существованию, при все возрастающей дороговизне жизни, при почти полном отсутствии научных сил...? Архивной комиссии остается лишь ждать последнего удара судьбы, который покончит ее жалкое, вынужденное на бездеятельность прозябание. Тем не менее, и в таком трудном критическом положении Комиссия остается верна себе и старается парализовать попытки посягнуть на ее научные сокровищницы: музей, библиотеку и архив. (...) На этом и приходится оборвать настоящий очерк о научном учреждении, которое при других обстоятельствах даже в наше смутное время, могло бы приносить еще пользу. Скажу

¹⁵⁵ ГАУО. Ф. Р-968. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 – 7.

даже более, что при нынешних усилиях Советской власти спасти от гибели остатки старины в России, именно и нужны такие культурно-научные провинциальные учреждения как Симбирская ученая архивная комиссия, у которой имеется и славное продуктивное прошлое, и традиции научного характера, и основательное знание местной старины, а также тех условий в которых последняя находится...

Симбирск, 8 апреля 1921 г. А.В. Жиркевич».

Несмотря на все вышеуказанные сложности, работа по обработке архивов продолжалась. Мартыновым было подготовлено к изданию продолжение серии «Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца» (Т. VII и Т. IX). К сожалению, эти тома так и не были опубликованы, а обе рукописи хранятся в библиотеке ГАУО. Вплоть до смерти П.Л. Мартынова в 1922 г. и, возможно, несколько позднее архивная комиссия продолжала свою работу, успев за это время обработать значительное число вновь поступивших церковных и иных архивных материалов. Коллекция документов архивной комиссии хранилась еще несколько лет (до 1927 г.) в Краеведческом музее (в Гончаровском доме) и лишь затем была передана в губернское архивохранилище.

Косвенной оценкой значения деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии может послужить высказывание основоположника мордовского краеведения, историка И.Д. Воронина, где он сравнивает краеведение в Мордовии с краеведением в Симбирске: «Научно-историческая мысль пробуждалась и у соседей Саранска. В 1898 году вышла в свет книга П. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования», в 1902 – В. Красовского «350-летие города Алатыря», в 1908 – И. Юркина «Материалы для истории города Корсуна и его слобод»... Саранск же, как и многие города России того времени, не имел монографического описания своей истории. О надобности иметь книгу по истории Саранска не было суждений ни в школах города, ни в дворянском клубе, ни в городской думе, хотя, как известно, в то время проживал в Саранске энтузиаст-краевед, первый по губернии уездный врач Г.П. Петерсон, который был членом Пензенской ученой архивной комиссии. Он собирал сведения по истории Саранска, написал и напечатал в 1899 году небольшой очерк о достопримечательностях города. Но надлежащей поддержки городской управы краевед не встретил, и его изыскания остались незавершенными. (...) Не скоро возникла мысль о написании истории Саранска и в советское время. Это объясняется тем, что в отсталой Мордовии сколь-

нибудь значительных традиций изучения края в дореволюционные годы не создано ... Поэтому нужно было время, чтобы развилась краеведческая мысль в среде советской интеллигенции. Только в 30-е годы в Мордовии появились научные учреждения»¹⁵⁴.

Симбирск. Нов. Введенъ, видъ на Соборную-площадь.

Тестовые задания к разделу III

52. «Масса учеников, 3/4 или 4/5, были реалистами текущего момента...

Робкая, смиренная, недалекая, ленивая душа этих учеников, смесь сатиры и идиллии, снизу вверх с необозримым страхом взирающая на как бы железную крышу всяческих «властей» и подавленная, думала только об исполнении. Исполнение – оно скучно, сухо. Это «учеба уроков» и «хорошее поведение». Нужна и поэзия: поэзией и утешением, грубее – развлечением для них служили драки, плутовство, озорство, ложь, обман, в старших классах – кутежи, водка и тайный ночной дебош. Как заключение этого подготвления, как награда за скучные учебные годы давалась и получалась «казенная служба», такая или иная, смотря по выбо-

¹⁵⁴ Воронин, И. Д. Саранск: историко-документальные очерки. / И. Д. Воронин. - Саранск, 1961.- С. 3. Следует добавить к этому замечанию саранского ученого, что в то время как в Мордовии появились научные учреждения, в Симбирске (Ульяновске) краеведческая активность почти упала.

ру, склонностям, успехам и связям или общественному положению родителей. В основе все это было лениво и косно. Было формально и без всякой сути в себе. Тоже удачно было это названо «белым нигилизмом». Тут не было ни отечества, ни веры, но формы «отечества» и «веры» были. Стояли какие-то мертвые скелеты... и им поклонялись ... без порыва, без идеала, без «будущего» в смысле мечты... Общей внешнею чертою, соединявшею этих людей было **отсутствие чтения**. Автор этого отрывка о Симбирской гимназии:

- а) Василий Васильевич Розанов
- б) Александр Федорович Керенский
- с) Владимир Ильич Ульянов

53. Первым положил начало метеорологическим наблюдениям при Симбирской гимназии академик:

- а) Перовицкий
- б) Лепехин
- с) Паллас

54. Universitas так называлось в средние века:

- а) всякое товарищество или торгово-промышленный цех
- б) исключительно учебное заведение
- с) религиозный орден

55. «Не традицией и не преемственностью поддерживалась непрерывность хода научного развития в России; она достигалась тем, что в стране постоянно возникали новые ростки научной мысли и научной деятельности, заменялись погибшие. Эти ростки всходили на неблагоприятной почве, часто гибли при самом своем зарождении, но брали **своим количеством** и непрерывностью появления. Процесс шел, как стихийный природный процесс: рост научной работы поддерживался постоянным перевесом рождения над смертью» эти слова принадлежат:

- а) В. И. Вернадскому
- б) В. И. Ленину
- с) Н. В. Гоголю

56. Первым научным обществом в России, возникшим по частной инициативе, следует считать:

- а) Вольное экономическое общество
- б) Московское общество испытателей природы
- с) Московское археологическое общество

57. Расцвет научных обществ приходится на время:

- а) реформ Александра II
- б) реформ Екатерины II

с) реформ Петра I

58. Идея о создании публичной библиотеки в столице принадлежит

а) Александру I

б) Екатерине II

с) Николаю I

59. Несмотря на всю необходимость библиотек для развития просвещения, идея открытия публичных библиотек в российской провинции возникает...

а) лишь в XIX веке

б) лишь в XX веке

с) лишь в XXI веке

60. Идея открытия публичных библиотек в российской провинции принадлежит

а) Николаю Семеновичу Мордвинову (1754 – 1845)

б) Владимиру Ильичу Ленину

с) Николаю Михайловичу Карамзину

61. Создание Карамзинской общественной библиотеки стала возможной главным образом благодаря усилиям:

а) семьи Языковых

б) семьи Романовых

с) семьи Ульяновых

62. Автор слов: «Симбирск – это болото человеческих глупостей»:

а) Николай Языков

б) Илья Ульянов

с) Степан Разин

63. «Если бы я должен был вечно жить в Симбирске, то скорее согласился бы быть лошастью, чем симбирским дворянином» –...

а) Емельян Пугачев

б) Дмитрий Валуйев

с) Владимир Ульянов

64. А. М. Языков пишет: «Весть о библиотеке меня порадовала; авось и в Симбирске станут читать и просвещаться; право жаль смотреть на дикий застой, который у нас царствует». О какой библиотеке идет речь:

а) о Карамзинской

б) о Гончаровской

с) о библиотеке Симбирской ученой архивной комиссии

65. «Вот, наконец, и вторая моя родина, духовная, нагорный Симбирск». Далее он продолжает: «Да будет благословенна Карамзинская библиотека! Без нее я думаю, невозможно было бы осуществление этого «вос-

кресения», даже если бы мы рвались к нему... «величественные и благородные люди города» установили прекрасное и местно-патриотическое правило, по которому каждый мог брать книги для чтения домой совершенно бесплатно, внося только 5 руб. залога ... Когда я узнал ... что книги выдаются совершенно даром, даже мне, такому неважному гимназисту, то я точно с ума сошел от восторга и удивления!.. «Так придумано и сколько доброты». Автор этих строк:

- а) Василий Розанов
- б) Николай Языков
- с) Владимир Ульянов

66. Здание Ульяновского областного краеведческого музея было построено по инициативе:

- а) Симбирской ученой архивной комиссии
- б) Симбирского губернатора
- с) Симбирского дворянского собрания

67. Симбирск переименован в Симбирск

- а) в 1780 г.
- б) в 1917 г.
- с) в 1924 г.

68. Симбирск переименован в Ульяновск

- а) в 1780 г.
- б) в 1917 г.
- с) в 1924 г.

69. Ульяновская губерния прекратила свое существование...

- а) в 1929 г.
- б) в 1917 г.
- с) в 1924 г.

70. Ульяновск становится областным центром...

- а) в 1943 г.
- б) в 1955 г.
- с) в 1924 г.

71. Симбирская ученая архивная комиссия работала...

- а) в 1864 – 1917 гг.
- б) в 1895 – 1924 гг.
- с) в 1848 – 1924 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История науки показывает, что задолго до появления античных научных школ уже существовали самые разнообразные сведения о мире, получаемые в ходе практической деятельности людей. Однако лишь с возникновением философии появляется теоретическое мировоззрение, которое и послужило основой для превращения разрозненных эмпирических знаний в структуру научных дисциплин. Эмпирические сведения выстраиваются и систематизируются в зависимости от исходных теоретических моделей. Разные модели, лежащие в основе разных научных школ и традиций, взаимодействуют друг с другом, рождая в эпоху эллинизма новый вид аргументации – экспериментальный. В Новое время в Европе рождается новая наука, которая в свое основание кладет экспериментальный метод, приводящий к пересмотру исходных теорий и тем самым создающий новые подходы к изучаемому предмету. Таким образом, античная философия не отвергается в новоевропейской науке, а продолжает служить в качестве необходимой предпосылки для дальнейшего развития.

Российская наука, возникнув как зеркальное отражение новоевропейской, в значительной степени усилила новые стороны научной системы, делая акцент на практические достижения (государственное использование), что далеко не всегда делало возможным переосмысление принятых теоретических положений и дальнейший творческий поиск. Философия старательно изгонялась из академической и университетской науки, как нежелательный элемент (вместе с либеральными требованиями свободы личности). Однако вместе с этим утрачивался в значительной степени и творческий дух научного исследования.

Краеведение, в свою очередь, представляет зеркало российской науки, однако с тем отличием, что в рождении краеведения участвовало и сильное стремление местной интеллигенции к самопознанию, к тому, что вдохновляло философов еще в античности. Другими словами, в краеведении любительство оказывается, отнюдь не слабой стороной, а возвращением к тем философским основам, которые присутствовали в рождении европейской науки.

Новоевропейская наука в погоне за пользой и комфортом в значительной степени способствовала изменениям в обществе. Однако эти изменения далеко не всегда совпадали с тем, к чему стремились ученые и философы Просвещения. Надежды и идеалы эпохи Просвещения напрямую были связаны с развитием научного знания. Просветители верили, вслед за мыслителями античной философии, что все зло есть результат невежества, омрачающего разум. И, как только «идолы» разума будут низвергнуты, настанет «светлое будущее». Стоит заметить, что эта вера в одухотворяющую и гуманную силу науки вдохновляла многих натуралистов XIX-XX вв., согревала их казалось бы отвлеченные от человеческой жизни исследования. В частности, известный отечественный биолог и философ А. А. Любищев так сформулировал свое определение основного постулата этики: «Поступай так, чтобы твоё поведение способствовало прогрессу человечества, выражающемуся в победе духа над материей»¹⁵⁷.

Что означает это понимание духа? Можно ли отнести мир научный к миру духовному? Судя по настроению новоевропейских мыслителей это именно так. К примеру, знаменитый педагог Ян Коменский был уверен, что: «Мы любим настолько, насколько мы познаем»¹⁵⁸. Но очевидно, что уже такой подход представляется недопустимым с точки зрения христианства, где на первое место ставится конечно же любовь и милосердие, а во все не знание. Обратим также внимание, что не случайно именно в эту эпоху появляется легенда о Франкенштейне, который является подлинным воплощением научного духа эпохи Нового времени¹⁵⁹. Наука принесла миру не только открытие духовного, но и материального могущества. И если

¹⁵⁷ Обосновывая этот тезис, он пишет: «Эта тенденция (продолжать борьбу духа над материей) не противна истинному смыслу природной эволюции. По прекрасным словам Бэра, мы не можем сказать, откуда произошел дух, но все развитие жизни есть непрерывная борьба духа с материей со все более обозначающейся победой духа. Способствуя победе духа над материей, мы одновременно осуществляем лозунг: жить согласно истинному смыслу природы». *Любищев, А. А. Основной постулат этики / А. А. Любищев // Любищев А. А. Каким быть?... - Ульяновск, 1990, - С. 13.*

¹⁵⁸ Цит. по *Коменский, Я. А.. Великая дидактика. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. - М., 1977. - С. 94.*

¹⁵⁹ Как считают Хоркхаймер и Адорно (*Хоркхаймер, М., Адорно, Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. - М.; СПб. 1997.*), идеалом человека Просвещения стал механизм, работающий без сбоев. Последним этапом просвещения является то, что этот идеал – машина – реализуется на практике, причем не в том смысле, что люди строят совершенные механизмы, а в том, что они сами превращаются в эти механизмы. Здесь они обращают внимание на героев Де Сада, которые, по их мысли, оказываются первыми в европейской истории людьми, превратившимися в детали некоего единого механизма. Идеалом государства также становится механизм, направленный на захват, подчинение и уничтожение того, что нельзя захватить. Достойно этому и положение диктатора в подобном государстве, поскольку он с необходимостью должен быть таким же примитивным или даже более примитивным, чем те, кто ему подчинен. Ибо бездушный порядок не терпит выдающихся частей.

для духовного совершенства ученик должен «подняться» над обыденным уровнем и измениться сам, то для того чтобы овладеть миром материальных достижений научно-технического прогресса, отнюдь не нужны усилия, и тем более вовсе не обязательно изменяться самому.

Более того, сама наука уже давно превратилась в фактор сытости и благополучия того общества, о котором так снисходительно отзывались отечественные философы: «Мещанство победит и должно победить, – пишет Герцен в 1864 г. в статье «Концы и начала» – ... *мещанство – окончательная форма западной цивилизации*. Мещанство, – говорит Герцен, – это та самодержавная толпа сплоченной посредственности, которая всем **владеет**, – толпа без невежества, но и без образования...»¹⁶⁰.

Но это значит, что парадоксальным образом развитие самой науки и научного мировоззрения выступает одновременно и как фактор духовного роста, и как одна из причин процесса деградации общества, о чем не раз писали философы XX века: «В массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе... наука – родник цивилизации – закономерно превращает человека науки в массового человека, в современного дикаря... Вообще мы живем в эпоху всеобщего *шантажа*, у которого два облика, с дополняющими друг друга гримасами – *угрозой* насилия и *угрозой* глумления. Обе служат одной цели и равно пригодны для того, чтобы людская пошлость могла не считаться ни с кем и ни с чем.... Несомненно, к этому вела вся современная культура и цивилизация. Европа пожинает горькие плоды своих духовных шатаний. Она стремительно катится вниз по склону своей культуры, достигшей невиданного цветения, но не сумевшей укорениться»¹⁶¹.

Несмотря на то, что существует много общего между научным творчеством и краеведением, очевидно, что краеведение представляет собой особый социо-культурный феномен, который нельзя свести только к научной деятельности в провинции. Об этом говорит и то, что цели и задачи у краеведения отличаются от собственно научных целей и задач. И главное отличие состоит в том, что у краеведения значительно больше, чем в науке, выражена гуманитарная составляющая.

Отсутствие развитого краеведения сегодня может свидетельствовать в пользу того, что современное общество, несмотря на определенный научно-технический прогресс, еще не дошло до того уровня самооценки и самосознания, который был столь характерен для российского общества второй половины XIX века.

¹⁶⁰ Мережковский, Д. С. Грядущий хам / Д. С. Мережковский // Больная Россия. - Л., 1991. - С.13-14.

¹⁶¹ Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды. / Х. Ортега-и-Гарсет. - М., 1997., - С.106,163.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Академические экспедиции
Археологические съезды
Археологические раскопки
Архивная реформа
Архивный фонд

Б

Башни (крепостные)
Библиотеки

В

Военно-географические экспедиции
Вольное экономическое общество

Г

География
Герб Симбирской губернии

Д

Документы XVI – XVII вв.
Дороги
Духовенство

З

Засека (засечная черта)
Земельный кадастр
Золотая Орда

И

Историография
История

К

Календарь
Картография
Карты
Кладоискательство

Книга Большому Чертежу
Книгоиздательство
Колонизация Среднего Поволжья
Краеведение
Крымские татары

М

Масонство
Межевание
Мемориал
Могильник
Монастыри

Н

Научные сообщества

О

Областной музей
Образование в Симбирске
Описания Симбирска

П

Патриотизм
Пожар 1864г.
Полезные ископаемые Симбирской губернии
Провинция
Промыслы
 Винокуренный
 Рыбный
 Шелковаренный
Просвещение
Путешествие Екатерины II по Волге

Р

Разбойники на Волге
Реформы
 Александра II

Екатерины II
Петра I
Рыбные богатства Волги

С

Симбирский кремль
Смутное время
Список воевод и губернаторов симбирских
Сторожевые отряды
Строельная книга Симбирска
Строительство
 засеки
 симбирской черты

У

Университетская система
Университетские Уставы
 1804г.
 1828г.
 1884г.
Учёная архивная комиссия
Учёные из Симбирска

Ф

Флора и фауна Симбирской губернии
Фольклор

Х

Христианская культура

Э

Экспедиция
 академические экспедиции 1768 – 1774 гг.
 военно-географические
Этнография Симбирского Поволжья

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агринский, А. С. Симбирская гимназия (1809 – 1909): Историческая записка / А. С. Агринский. - Симбирск, 1909.
2. Аксаков, С. Т. Избранное. / С. Т. Аксаков. - Куйбышев, 1981.
3. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук / под ред. Попова Н. А. - СПб., 1890.
4. Александровская, О.А. Становление географической науки в России в XVIII веке / О. А. Александровская. - М., 1989.
5. Аленова, В. А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.: Тамбовская ученая архивная комиссия / В. А. Аленова. - Рязань, 2002.
6. Алферова, Г. В. Русские города XVI – XVII веков / Г. В. Алферова. - М., 1989.
7. Ангерт, Д. Н., Райков, Б. Е. Экскурсионный метод в просветительской работе / Д. Н. Ангерт, Б. Е. Райков. - М.; Пгр. 1923.
8. Аничков, В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922) / В. П. Аничков. - М., 1998.
9. Ауновский, В. А. Отчет о деятельности Симбирского губстаткомитета за 1868 год / В. А. Ауновский // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. - Отд. 4.
10. Багров, Л. История картографии. / Л. Багров. - М., 2004.
11. Бакушинский, А. Музейно-эстетические экскурсии. / А. Бакушинский. - М., 1919.
12. Барашков, В. Ф. Названия рек Ульяновского – Самарского Поволжья. / В. Ф. Барашков. - Ульяновск, 1991.
13. Барашков, В. Ф. По следам географических названий Ульяновской области / В. Ф. Барашков. - Ульяновск, 1994.
14. Бердинских, В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. / В. А. Бердинских. - М., 2003.
15. Вернадский, В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. / В. И. Вернадский. - М., 1993.
16. Воронин, И. Д. Саранск: историко-документальные очерки. / И. Д. Воронин. - Саранск, 1961.
17. Гнучева, В. Ф. Материалы для истории экспедиций АН в XVIII и XIX веках. / В. Ф. Гнучева. - М.; Л., 1940.
18. Гончаров, И. А. Собрание сочинений. / И. А. Гончаров. - М., 1952.

19. Грот, Я. Пушкин, его лицейские наставники и товарищи. / Я. Грот. - СПб., 1899.
20. Гумбольдт, А. Космос. Опыт физического мироописания. Ч. 1. / А. Гумбольдт. - М., 1866.
21. Гуркин, В. А. На берегах Русского Нила. / В. А. Гуркин. - М., 2005.
22. Гуркин, В. А. Симбирская черта. / В. А. Гуркин. - М.; Ульяновск, 2000.
23. Добролюбов, Н. А. Избранные педагогические сочинения. / Н. А. Добролюбов. - М., 1986.
24. Завадовский, Б. М. Внешкольные биологические экскурсии. (Материалы к теории и практике внешкольных экскурсий). / Б. М. Завадовский. - М.; Л., 1924.
25. Записки Симбирского областного естественно-исторического музея: Вып. 2. / под ред. Гильзена К. К. - Петроград, 1915.
26. Захарова, И. М. Источники финансирования губернских статистических комитетов во второй половине XIX века (по материалам РГИА) / И. М. Захарова // Мир в новое время. - СПб., 2001.
27. Зерцалов, А. Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века. / А. Н. Зерцалов. - Симбирск, 1896.
28. Зерцалов, А. Н. Материалы по истории симбирского края XVII и XVIII вв. / А. Н. Зерцалов. - Симбирск, 1900.
29. Зубов, В. П. Историография естественных наук в России. / В. П. Зубов. - М., 1956.
30. Исчезнувшие народы. / Сост. Неретина С. С. - М., 1988.
31. К истории отечественной экскурсионной школы. / Ред. Колокольцева Н. Г. - М., 1992.
32. Кант, И. Собрание сочинений в 6 т. / И. Кант. - М., 1966.
33. Каппель и каппелевцы. - М., 2003.
34. Карамзин, Н. М. Избранные статьи и письма. / Н. М. Карамзин. - М., 1982.
35. Ключевский, В. О. Неопубликованные произведения. / В. О. Ключевский. - М., 1983.
36. Книга Большому Чертежу. / под ред. К. Н. Сербиной. - М.; Л., 1950.
37. Книга строельная города Синбирска. / под ред. Мартынова П. Л. - Симбирск, 1897.

38. Ковалевский, А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. / А. П. Ковалевский. - Харьков, 1956.
39. Козляков, В. Н., Севастьянова, А. А. Культурная среда провинциального города / В. В. Козляков, А. А. Севастьянова // Очерки русской культуры XIX века. - М., 1998.
40. Комарова, И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов / И. И. Комарова // Археографический ежегодник за 1986 год. - М., 1987.
41. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения в 2-х т. / Я. А. Коменский. - М., 1982.
42. Коновалова, И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. / И. Г. Коновалова. - М., 1999.
43. Кропоткин, П. А. Хлеб и воля. / П. А. Кропоткин. - М., 1990.
44. Кузнецова, Н. И. Социо-культурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.). / Н. И. Кузнецова. - М., 1997.
45. Леонтович, В. В. История либерализма в России 1762 – 1914. / В. В. Леонтович. - М., 1995.
46. Лепехин, И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 4 части. - 2-е изд. / И. И. Лепехин. - 1793 г.
47. Лихачев, Д. С. Любить родной край / Д. С. Лихачев // Отечество. - №1. - 1990. - С. 7 – 10.
48. Лукина, Т. А. Иван Иванович Лепехин. / Т. А. Лукина. - М.; Л., 1965.
49. Любищев, А. А. Каким быть?... / А. А. Любищев. - Ульяновск, 1990.
50. Макарихин, Н. В. Губернские ученые архивные комиссии России. / Н. В. Макарихин. - Н. Новгород, 1991.
51. Мартынов, П. Л. Симбирск. Сборник исторических сведений. / П. Л. Макарихин. - Ульяновск, 2008.
52. Матвеева, Г. И. Среднее Поволжье в IV – VII вв.: именковская культура. / Г. И. Матвеева. - Самара, 2004.
53. Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. / под ред. М. В. Арнольдова. Вып.1 – 4. - Симбирск, 1866 – 1867.
54. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т.I. / подготовил Загоскин Н. П. - Казань, 1882.
55. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т.II, Т.III. / подготовили Поливанов В. Н., Красовский В. Э. - Симбирск, 1898 – 1902.

56. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. IV – Т. VI. / подготовил Мартынов П. Л. - Симбирск, 1898 – 1902.
57. Меестр, Ксавье де. Путешествие по моей комнате. / Ксавье де Меестр. - СПб., 1802.
58. Мережковский, Д. С. Больная Россия. / Д. С. Мережковский. - Л., 1991.
59. Местр, Ж. де. Петербургские письма 1803 – 1817. / Ж. де Местр. - СПб., 1995.
60. Невоструев, К. Историческое обозрение Симбирска от первых времен до его возведения на степень губернского города. / К. Новоструев. - Симбирск, 1909.
61. Никитин, Н. П. Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов XVIII в. / Н. П. Никитин // Вопросы географии. Сб. 17. История географических знаний. - 1950.
62. Окрокверцхова, И. А. Путешествие Палласа по России. / И. А. Окрокверцхова. - Саратов. 1962.
63. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. / Орлов, А. С., Георгиев, В. А., Георгиева, Н. Г. и др. - М., 1999.
64. Орлов-Давыдов, В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. / В. Орлов-Давыдов. - СПб., 1878.
65. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды. / Х. Ортега-и-Гарсет. - М., 1997.
66. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи: В 3 ч. / П. С. Паллас. - СПб., 1773 – 1788.
67. Пекарский, П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. / П. Пекарский. - СПб., 1862.
68. Перетяткович, Г. И. Поволжье в XVII и в начале XVIII в. / Г. И. Перетяткович. - Одесса, 1877.
69. Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда. / Н. К. Пиксанов. - М.; Л., 1928.
70. Пирогов, Н. И. Избранные педагогические сочинения. / Н. И. Пирогов. - М., 1953.
71. Писаревский, Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. / Г. Г. Писаревский. - М., 1909.

- 72.Плеве, И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. / И. Р. Плеве. - М., 1998.
- 73.По очагам культуры. Новые темы для экскурсий по городу. // Метод. сб. под ред. проф. И. М. Гревса. - Л., 1926.
- 74.Поливанов, В. Муранский могильник. С планом и 10 таблицами фототипий древности. / В. Поливанов. - М., 1896.
- 75.Поливанов, В. Н. Археологическая карта Симбирской губернии. / В. Н. Поливанов. - Симбирск, 1900.
- 76.Поливанов, В. Н. Курмышская старина. / В. Н. Поливанов. - Симбирск, 1899.
- 77.Прошлое нашего края 1648 – 1917. / Сост. Верещагин П. Д. - Ульяновск, 1968.
- 78.Радищев, А. Н. Избранные сочинения. / А. Н. Радищев. - М. ; Л., 1952.
- 79.Раков, Н. С. Лепехин ботаник / Н. С. Раков // Природа Симбирского Поволжья. Вып. 5. - Ульяновск, 2005.
- 80.Розанов, В. В. Сумерки просвещения. / В. В. Розанов. - М., 1990.
- 81.Рычков, Н. П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 – 1770 году / Н. П. Рычков. – СПб., 1770 – 1772.
- 82.Сборник в память десятилетия Симбирской губернской ученой архивной комиссии. 1895 – 1905. / под ред. Мартынова П. Л. - Симбирск, 1906.
- 83.Свечин, А. А. Описание развалин г. Болгара в 1765 году. / А. А. Свечин. - Казань, 1898. Отд. отт. из Известия Общества археологии, истории и этнографии. - Т. XIV. - Вып.5.
- 84.Симбирский сборник. - Т. 2. / под ред. Ауновского В. А. - Симбирск, 1870.
- 85.Соколов, Б. С. Очерки о науке и ученых. / Б. С. Соколов. - М.-Новосибирск, 2006.
- 86.Соловьев, С. М. Сочинения. / С. М. Соловьев. - М.,1994.
- 87.Тарасов, Б. Н. Чаадаев. / Б. Н. Тарасов. - М., 1990.
- 88.Татищев, В. Н. Избранные произведения. / В. Н. Татищев. - Л., 1979.
- 89.Фролов, А. И. Из истории становления музееведческих центров России/ А. И. Фролов // Музей и власть. Сб. науч. тр. под ред. Каспаринской С. А. - Ч. 2. - М., 1991.

90. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. - М.; СПб. 1997.
91. Хорхордина, О. Архивы и история. – О. Хорхордина. - М., 1996.
92. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. - М., 1977.
93. Шмидт, С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения / С. О. Шмидт // Отечество. - № 1. - С. 12 – 13.
94. Щапов, А. П. Сочинения. / А. П. Щапов. - СПб., 1908.
95. Эймонтова, Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. / Р. Г. Эймонтова. - М., 1993.
96. Экскурсии в культуру. Метод. сб. под ред. проф. И. М. Гревса. - Л., 1925.
97. Юм, Д. Сочинения в 2 т. / Д. Юм. - М., 1965.
98. Языковский архив. - Вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни. - СПб., 1913.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
РАЗДЕЛ I.	
История заселения Симбирского края с древности до конца XVII века	14
История заселения Симбирского края до XVII века	15
Города и укрепления засечных черт	23
Строительство Симбирской черты	26
Источники по истории и географии края	32
Тестовые задания к разделу I.	38
РАЗДЕЛ II.	
Симбирский край в XVIII веке и формирование предмета краеведения	44
Первый симбирский поэт	45
Век Просвещения и начало исследований русской провинции	47
Симбирский край екатерининских времен	59
Академические экспедиции	64
Как проходило открытие Симбирской губернии	76
Тестовые задания к разделу II.	82

РАЗДЕЛ III.

Просвещение и самосознание Симбирского

Поволжья	84
Предпосылки научного просвещения в провинции	85
Гимназическое образование и «роскошь полупознаний»	87
Роль Симбирской гимназии в исследованиях края	96
«Universitatis magistrorum et scholarorum»	100
Научные сообщества	109
Библиотеки как российские университеты	113
Статистические исследования	122
Симбирская губернская ученая архивная комиссия и исследования края	129
Тестовые задания к разделу III.	145

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	149
------------------------	------------

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	152
-----------------------------------	------------

БИБЛИОГРАФИЯ	155
---------------------------	------------

Учебное издание
ГУРКИН Владимир Александрович

СИМБИРСКОВЕДЕНИЕ.
Основные этапы в истории изучения
Симбирского Поволжья.

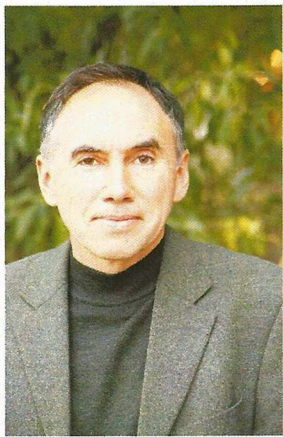
Учебное пособие

Редактор М.В. Штаева
Верстка С. М. Зенкина.

Подписано в печать 27.11.2009. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 19,06. Тираж 125 экз. Заказ 26.

Ульяновский государственный технический университет,
432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.

Типография УлГТУ, 432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.

ГУРКИН

Владимир Александрович

кандидат биологических наук по истории науки, доктор культурологии, профессор кафедры истории и культуры УлГТУ, директор Центра историко-научных и региональных исследований «Генезис».

Автор серии телефильмов о Симбирском крае: «Древние городища Среднего Поволжья» (1995), «Загадки каменного моря» (1995), «Оружейничий Богдан Хитрово» (1997), «Воспоминания о будущей весне (художник Азарий Трапицын)» (1999), «Из дневника экспедиции «Форпосты Отечества» (1996-1997) и др.

Автор книг: «Любовь к мудрости. Философские школы древнего мира». Ульяновск, 1994; «Симбирская черта (Материалы по истории колонизации Симбирского Поволжья XVII-XVIII вв.)». М.-Ульяновск, 2000; «Сказание о Жадовской Казанской Богородицкой пустыни». Ульяновск, 2005; «На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья». М., 2005.

Центром «Генезис» подготовлены и изданы книги: «Добрый гений краеведов: краеведческий сборник, посвященный памяти Н. И. Никитиной». Ульяновск, 2007; Мартынов П. Л. «Симбирск. Сборник исторических сведений». Ульяновск, 2008.